Гильфердинг

Борьба славян с немцами

1861

БОРЬБА СЛАВЯНЪ СЪ НѢМЦАМИ

НА БАЛТІЙСКОМЪ ПОМОРЬѢ

ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

А. Гильфердинга.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1861.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ. Ноября 29 дня 1861 года.

Цензоръ В. Бекетовъ.

Въ Типографіи II-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

БОРЬБА СЛАВЯНЪ СЪ НѢМЦАМИ НА БАЛТІЙСКОМЪ ПОМОРЬѢ ВЪ СРЕДНІЕ ВѢКА.

Вступленіе.

Въ 1855 году я издалъ первую часть историческаго труда о Славянахъ, обитавшихъ въ средніе вѣка на Балтійскомъ поморьѣ, между Эльбою и Вислою.

Приступая къ продолженію этого труда, именно къ исторіи борьбы этихъ Славянъ съ Германскою имперіею и ихъ истребленія, считаю нужнымъ представить въ краткихъ словахъ главныя положенія, къ какимъ привела меня первая часть моихъ изысканій о Балтійскихъ Славянахъ.

Славяне жили искони на южномъ берегу Балтійскаго моря, тамъ же, гдѣ они являются осѣдлыми послѣ такъ называемаго великаго переселенія народовъ, разрушившаго Римскую имперію. Еще до Рождества Христова были тамъ Славяне, какъ видно изъ сказаній греческихъ и римскихъ писателей. Писатели эти, получая свѣдѣнія о нихъ черезъ посредство Нѣмцевъ, обозначали Прибалтійскихъ Славянъ, какъ и разныя другія вѣтви славянскаго племени, подъ именемъ *Вендовъ*, *Виндовъ* или *Венедовъ*, постоянно употреблявшимся самими Нѣмцами какъ названіе Славянъ.

Съ весьма древнихъ временъ (т. е. при Юліи Цезарѣ и, вѣроятно, еще до него), Нѣмцы, вслѣдствіе особенностей своего быта, безпрестанно высылали на чужбину воинственныя дружины, подъ предводительствомъ знатныхъ людей своихъ. Нѣкоторыя изъ этихъ дружинъ, отправляясь на востокъ, покорили Славянъ Балтійскихъ и основали между Эльбой и Вислой нѣмецкія владѣнія. Подобныя дружины выходили также изъ Скандинавіи.

Когда Римляне завоевали землю между Дунаемъ и Карпатскими горами (въ началѣ II вѣка по Р. Х.), то удары, нанесенные ими тамошнимъ племенамъ, изъ которыхъ многія, безъ всякаго сомнѣнія, были славянскія, привели въ движеніе и значительную часть

Славянъ, жившихъ внѣ покоренной Римлянами области, особливо между Карпатами и Балтійскимъ моремъ. Съ тѣхъ поръ началось освобожденіе ихъ отъ нѣмецкихъ дружинъ, которыя стали уходить изъ ихъ земель, частью назадъ въ Германію и далѣе на западъ и югъ въ римскіе предѣлы, частью въ восточныя страны Европы. Одна изъ такихъ дружинъ, именно Готы, владѣвшіе еще во II вѣкѣ славянскими землями на Балтійскомъ поморьѣ, удалились въ предѣлы нынѣшней Россіи и образовали тутъ, въ IV вѣкѣ, обширное государство между Славянами и Финнами.

Гунны разрушили это Готское государство въ восточной Европѣ, и Аттила, передъ которымъ бѣжали нѣмецкія дружины на западъ и югъ, способствовалъ окончательному очищенію отъ нихъ славянской земли на южномъ берегу Балтійскаго моря. Сѣверо-западные Славяне, какъ и другіе ихъ соплеменники, вѣроятно, признавали надъ собою власть гуннскаго царя. Когда его держава распалась (послѣ смерти его, въ 451 году) и Гунны оттѣснены были въ Черноморскія степи, Славяне остались въ полномъ обладаніи землями на восточной сторонѣ рѣки Эльбы; рѣка эта съ тѣхъ поръ раздѣляла Нѣмцевъ и Славянъ.

Славяне, жившіе между Эльбою (которую намъ слѣдовало бы называть славянскимъ именемъ Лаба) и Вислою, дѣлились, подобно всѣмъ прочимъ Славянамъ въ началѣ ихъ исторіи, на нѣсколько племенъ. Имена и мѣсто жительства этихъ племенъ мы знаемъ опредѣленно изъ историческихъ свидѣтельствъ VIII и послѣдующихъ столѣтій; не можетъ быть сомнѣнія, что они были почти такими же издавна, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ удаленіе нѣмецкихъ дружинъ позволило Славянамъ установиться и окрѣпнуть въ этомъ краѣ, т. е. съ V вѣка.

Главнѣйшія племена, на которыя дѣлились Балтійскіе Славяне, были:

Вагры, на крайнемъ сѣверо-западѣ, въ восточной половинѣ нынѣшней Голштиніи и на островѣ Фембрѣ или Фемернѣ;

Полабцы, на югъ отъ нихъ по берегу Эльбы, въ нынѣшнемъ Лауенбургскомъ герцогствѣ;

Глиняне и *Смольняне*, южнѣе Полабцевъ, близъ Эльбы, послѣдніе кажется, на берегу ея, въ юго-западной части нынѣшней Мекленбургіи и сѣверо-западномъ углу Бранденбургіи;

Рароги, иначе *Бодричи*, по берегу Балтійскаго моря, на востокъ отъ исчисленныхъ племенъ, отъ рѣки Травны (Trave) до Висмарскаго залива, въ западной, приморской половинѣ нынѣшней Мекленбургіи;

Варны, тоже на берегу моря, у рѣки Варновы (Warnow), въ восточной части Мекленбургъ-Шверинскаго владѣнія.

Всѣ эти племена составляли обыкновенно союзъ и являлись въ исторіи подъ общимъ наименованіемъ *Бодричей*.

Другой союзъ племенъ, жившихъ на востокъ отъ Бодричей, отъ р. Рокитницы (Reckenitz) до Одры, обозначался общимъ именемъ *Велетовъ* или *Лютичей*; къ нимъ принадлежали:

Кичане, около рѣки Рокитницы, въ сѣверо-восточной, приморской части Мекленбургъ-Шверинскаго великаго герцогства;

Черезпѣняне, на востокъ отъ Кичанъ, между морскимъ берегомъ и теченіемъ р. Пѣны (Peene): это сѣверо-западный уголъ нынѣшней Помераніи;

Доленчане, на югъ отъ р. Пѣны, до р. Доленицы (Tollense), въ части Мекленбургіи и Помераніи;

Ратаре или *Радгощане*, на югъ отъ р. Пѣны, за Доленицею, въ нынѣшнемъ Мекленбургъ-Стрѣлицкомъ владѣніи;

Моричане, на югъ отъ Доленчанъ и западъ отъ Ратарей, около озера Морьца (Müritz-see), въ юго-западномъ краю Мекленбургъ-Шверинскаго владѣнія;

Укране и *Рѣчане*, на востокъ отъ Ратарей, по р. Укрѣ (Ucker) и до Одры.

На сѣверъ отъ земли Лютичей лежалъ островъ *Руя* (Рюгенъ), населенный также Славянами: они составляли особое племя, называвшееся *Руянами* или *Ранами*.

За Одрой примыкало къ Лютичамъ большое племя *Поморянъ* (въ нынѣшней Помераніи и части Западной Пруссіи). Они простирались по берегу Балтійскаго моря до низовьевъ Вислы; къ югу они граничили, по чертѣ рѣки Нотеци (Netze), съ Польскими Славянами. Къ Поморянамъ принадлежали также *Волынцы*, жители острова *Волыня* (Wollin), лежащаго насупротивъ устья р. Одры; восточная же часть Поморянъ, ближайшая къ р. Вислѣ, носила въ послѣдствіи особое имя *Кашубовъ*.

*

Мы прослѣдили такимъ образомъ всѣ вѣтви Балтiйскихъ Славянъ, ближайшiя къ морю: за Вислою начиналась уже чужая земля, земля литовскаго поколѣнiя: непосредственными сосѣдями Балтiйскихъ Славянъ были тутъ Прусы, западная вѣтвь Литвы.

Но къ югу отъ Бодричей и Лютичей находился союзъ славянскихъ племенъ, хотя отдаленныхъ отъ морскаго берега, однако состоявшихъ по языку, быту и историческимъ судьбамъ, въ нераздѣльной связи съ племенами прибалтiйскими. Эти племена извѣстны были подъ общимъ именемъ *Гаволянъ* или *Стодорянъ* и занимали нынѣшнюю Бранденбургiю (кромѣ той части ея, которая лежитъ на западъ отъ Эльбы). Между ними важнѣйшiя были:

Брежане, на берегу Эльбы, южнѣе Глинянъ; къ сѣверу отъ впаденiя Солявы (Saale), Эльба, текущая съ юга на сѣверъ, отдѣляла ихъ отъ Нѣмцевъ; а до устья Солявы, Эльба, въ своемъ теченiи съ востока на западъ, составляла границу между Стодорскою землею и землею Полабскихъ *Сербовъ*, которые утвердились по обѣимъ сторонамъ Эльбы, на сѣверъ отъ горъ, ограждающихъ Чехiю и занимали весь уголъ между Солявою и Лабою (Салою и Эльбою) (*).

Гаволяне или *Стодоряне* въ собственномъ смыслѣ жили по теченiю р. Гаволы (Havel), въ срединѣ нынѣшней Бранденбургiи.

Спревяне занимали нижнее теченiе *Спревы* (Spree), близъ впаденiя ея въ Гаволу; наконецъ

Любушане жили восточнѣе Спревянъ, простираясь до р. Одры (гдѣ теперь городъ Лебусъ).

Южные сосѣди этихъ Славянъ были, какъ я сказалъ, Полабскiе Сербы, которые, съ своей стороны, распадались на нѣсколько племенъ (**). Сербы эти составляли, какъ видно по многимъ призна-

---

(*) Имя *Брежанъ* было, кажется, общимъ для обозначенiя всѣхъ прибрежныхъ къ Лабѣ вѣтвей стодорскихъ: оно, по-видимому, обнимало нѣсколько мелкихъ племенъ, именно (перечисляю отъ сѣвера къ югу) Нелѣтичей, Лѣшичей, Земчичей и Морачанъ.

(**) Важнѣйшiя были: собственные *Сербы* между Солявою и Лабою; *Гламочи* (или Далеминцы) въ позднѣйшей Мисніи (Meissen):—это средняя часть нынѣшняго королевства Саксонiи; *Мильчане* въ нынѣшней Верхней Лузацiи и *Лужичане* въ Нижней Лузацiи.

камъ, особую вѣтвь славянскую, отдѣльную отъ Балтійскихъ Славянъ и находившуюся въ ближайшемъ родствѣ съ Чехами (*).

Балтійскіе же Славяне принадлежали къ той вѣтви славянскаго поколѣнія, которая носила древнее имя *Ляховъ*; ближайшіе соплеменники ихъ были Славяне, соединившіеся въ послѣдствіи подъ общимъ именемъ Польскаго народа, или вѣрнѣе, Поляки и Балтійскіе Славяне составляли двѣ части одного и того же славянскаго народа. Но, вслѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, Балтійскіе Славяне никогда не могли, ни слиться съ Поляками въ одно цѣлое, ни образовать особое народное единство, а остались при племенной раздѣльности: потому они и не получили народнаго названія, а назывались только общимъ именемъ всего поколѣнія—Славянами. Все то, чего они достигли относительно политическаго единства, были союзы (федераціи) мелкихъ племенъ въ извѣстной мѣстности: именно у нихъ составились, какъ я сказалъ, союзъ *Бодричей* между низовьями Эльбы и противоположнымъ берегомъ Балтійскаго моря, союзъ *Велетовъ* или *Лютичей* между Балтійскимъ моремъ и низовьемъ Одры и союзъ *Стодорянъ* около Гаволы и средней Эльбы.

Утвердившись на правомъ берегу Эльбы, Славяне однакоже не успѣли занять всего ея теченія до того мѣста, гдѣ она впадаетъ въ Нѣмецкое море: устье Эльбы и западная половина нынѣшней Голштиніи находилась въ рукахъ Нѣмцевъ, именно вѣтви Англовъ и полабскихъ Саксовъ. Черта, шедшая отъ верхняго теченія р. Эгидоры (Eider) къ р. Бѣлинѣ (Bille), составляла, по-видимому, границу между этою отдаленнѣйшею къ востоку вѣтвью Нѣмцевъ и отдаленнѣйшею къ западу вѣтвью Славянъ, Ваграми. Къ сѣверу Вагры соприкасались съ Датчанами. Между Ваграми, съ одной стороны, и Нѣмцами и Датчанами, съ другой, кипѣлъ безпрерывный пограничный бой. Вслѣдствіе этого Вагры сдѣлались самыми воинственными между Балтійскими Славянами; они прославились также,

(*) Это видно изъ признаковъ языка (носовые звуки не существовали уже у Полабскихъ Сербовъ въ весьма древнее время, а у Балтійскихъ Славянъ сохранились до конца), изъ имени *Сербовъ* (сами Чехи помнили долго, что они происходили отъ Сербовъ) и, наконецъ, изъ проявлявшагося неоднократно въ исторіи, съ самыхъ древнихъ временъ, стремленія Полабскихъ Сербовъ составить съ Чехами политическое единство.

какъ отважнѣйшіе мореходцы и морскіе разбойники. Они получили первенство между своими соплеменниками и имъ повиновались не только Бодричи и Кичане, но и болѣе отдаленныя племена: это первое историческое извѣстіе о самостоятельной дѣятельности Балтійскихъ Славянъ. Время преобладанія Вагровъ на поморьѣ въ точности неизвѣстно и должно быть отнесено къ VI—VIII вѣку; въ концѣ VIII вѣка Вагры потеряли уже свое значеніе и примыкали къ Бодричамъ, какъ второстепенная вѣтвь.

Бодричи и Лютичи были тоже отважными бойцами и мореплавателями, и древнѣйшія саги Датчанъ говорятъ много о столкновеніяхъ съ ними. Датскіе витязи часто проникали къ Славянамъ и подчиняли ихъ себѣ; существуетъ въ сагахъ сказаніе, относящееся, по-видимому, къ VII вѣку, о какомъ-то королевствѣ *Рейдготіи*, основанномъ датскими завоевателями на Балтійскомъ морѣ; должно полагать, что этимъ именемъ означается *Радигощъ*, главный городъ Лютичей, гдѣ такимъ образомъ Датчане сосредоточили свою державу между Славянами.

Другое сказаніе говоритъ о пораженіи Датчанъ и о страшномъ нашествіи Славянъ на датскія земли: это сказаніе свидѣтельствуетъ о бывшей между Славянами реакціи противъ владычества датскихъ витязей и объ освобожденіи отъ нихъ славянскаго поморья; извѣстіе о нашествіи Славянъ на Ютландію подтверждается, повидимому, существованіемъ тамъ древнихъ поселеній славянскихъ.

Отвага на морѣ увлекала Балтійскихъ Славянъ еще далѣе: они основали колоніи въ Нидерландахъ, и значительное число Велетовъ водворилось въ Англіи.

Торговая дѣятельность сопровождала морскіе походы: въ землѣ Бодричей находился славный торговый городъ *Рарогъ* (у Висмарскаго залива): процвѣтаніе его предшествовало IX-му вѣку; позднѣе упоминаются, какъ особенно важные торговые центры, Волынъ или Юлинъ на островѣ Волынѣ (Wollin), торговое предмѣстье у крѣпости Арконы на островѣ Руѣ, Щетинъ (Stettin), Колобрегъ (Colberg), Гданскъ (Danzig) въ землѣ Поморянъ; начало этихъ городовъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія, весьма древней эпохѣ.

Вообще, военная и торговая дѣятельность и постоянныя столкновенія съ Нѣмцами и Скандинавами ускорили развитіе Балтій-

скихъ Славянъ, такъ что общественный бытъ ихъ достигъ полной опредѣленности въ ту пору, когда у другихъ Славянъ только зарождалась историческая жизнь. Основаніемъ этого быта составляла племенная раздѣльность, которая такъ утвердилась у Балтійскихъ Славянъ, такъ срослась со всѣми стихіями ихъ жизни, что имъ уже недостало силы освободиться отъ нея и образовать единство народное и государственное.

Бытъ Балтійскихъ Славянъ, какимъ онъ является съ IX вѣка, болѣе похожъ, можно сказать, на древнѣйшій бытъ Германцевъ, нежели Славянъ: что̀ объясняется какъ продолжительнымъ господствомъ нѣмецкихъ дружинъ на славянскомъ поморьѣ, такъ и сильнымъ вліяніемъ германской стихіи во все послѣдующее время.

Каждое племя имѣло своего князя и свою аристократію; но независимо отъ князя, власть котораго была, кажется, весьма слаба и преимущественно проявлялась только въ военное время, и отъ знатныхъ людей, имѣвшихъ большую силу у Балтійскихъ Славянъ, голосъ въ дѣлахъ общественныхъ принадлежалъ и народу: на народной сходкѣ, кажется, требовалось, по старому славянскому обычаю, единогласіе (*).

Племена (кромѣ, можетъ быть, самыхъ мелкихъ) дѣлились на волости или *жупы*, какъ ихъ называли эти Славяне: въ каждой *жупѣ* былъ *градъ*, т. е. огороженное, укрѣпленное мѣсто, служившее для обороны окрестнаго населенія въ случаѣ опасности, для общественныхъ сходокъ, суда, торга и общественнаго жертвоприношенія въ мирное время. Начальникомъ *града* и *жупы* былъ *жупанъ*; въ какихъ отношеніяхъ онъ стоялъ къ князю, имъ ли назначался или народомъ, не извѣстно, но нѣтъ, кажется, сомнѣнія въ томъ, что жупаны выбирались изъ числа знатныхъ людей и что они главнымъ образомъ ограничивали власть князей.

Кромѣ *градовъ*, служившихъ для сбора народа изъ околотка, а все прочее время стоявшихъ пустыми, у Балтійскихъ Славянъ находились издавна, какъ я сказалъ, настоящіе торговые города, съ постояннымъ городскимъ населеніемъ. Такимъ образомъ, Бал-

(*) Историческія свидѣтельства, подтверждающія все, что говорится въ этомъ введеніи, приведены и разобраны въ первой части «Исторіи Балтійскихъ Славянъ».

тійскіе Славяне не были, какъ другіе славянскіе народы, въ началѣ ихъ историческаго существованія, исключительно земледѣльцами и, въ случаѣ нужды, временно воинами. Хотя земледѣліе осталось и у нихъ главнымъ занятіемъ народа, однако у нихъ существовалъ издревле, отдѣльный отъ остальнаго народа, *торговый классъ* и, кромѣ того (по крайней мѣрѣ у нѣкоторыхъ племенъ) *классъ военный*: къ этому классу должно отнести съ одной стороны тѣхъ, немалочисленныхъ людей, для которыхъ морской разбой былъ если не единственнымъ, то главнымъ промысломъ, а съ другой стороны дружинниковъ, служившихъ князьямъ и, вѣроятно также, жупанамъ. Третье, отдѣльное отъ народа, сословіе составляли у Балтійскихъ Славянъ *жрецы*, тогда какъ у другихъ Славянъ-язычниковъ не было особенныхъ жрецовъ, и богослужебные обряды совершались самимъ народомъ, преимущественно отцами семействъ и старшинами. Наконецъ, для полноты исчисленія сословій, должно прибавить, что Балтійскіе Славяне имѣли многочисленныхъ рабовъ: въ рабство обращались военноплѣнные, взятые какъ у чужихъ народовъ, такъ и у своихъ же братій Славянъ, въ безпрестанныхъ междоусобныхъ войнахъ.

Таковы главныя черты общественнаго быта Балтійскихъ Славянъ, засвидѣтельствованныя показаніями древнихъ лѣтописцевъ. Въ ихъ личномъ характерѣ мы замѣчаемъ также, кромѣ общихъ свойствъ славянскаго поколѣнія, вліяніе тѣхъ несчастныхъ обстоятельствъ, которыя ихъ окружали съ самаго начала ихъ историческаго бытія. Хотя, съ одной стороны, иностранцы хвалятъ ихъ добродушіе и гостепріимство, чистоту ихъ нравовъ, ихъ снисливость во всякихъ невзгодахъ, приводятъ въ нихъ черты высокаго человѣколюбія, и выставляютъ ихъ людьми необыкновенно честными, вѣрными данному слову, не знающими воровства; однако, съ другой стороны, воинственность и храбрость, которою они особенно отличались, сопровождалась неслыханною у другихъ Славянъ суровостью (*), свирѣпствомъ противъ непріятеля, жестокостью въ обращеніи съ невольниками и необыкновеннымъ упорствомъ. Вообще, ихъ характеръ носитъ на себѣ явный отпечатокъ ожесточе-

(*) Даже въ семьѣ: родитель часто убивалъ новорожденнаго младенца, особенно дочь.

нія, произведеннаго боевою жизнію, въ которой эти племена начали и совершили свое историческое поприще.

Но еще важнѣе было другое послѣдствіе искони̂аго общенія Балтійскихъ Славянъ съ Германцами и ускореннаго развитія этой славянской вѣтви въ первую пору ея исторической жизни: именно, установленіе вполнѣ опредѣленной миѳологической системы и слiяніе ея со всѣми стихіями общественной и частной жизни народа.

У всѣхъ другихъ Славянъ языческая религія оставалась на степени неопредѣленнаго обожанія силъ природы (*), не достигшаго до антропоморфизма, не связаннаго съ храмами и особою кастою жрецовъ и заключавшаго въ себѣ смутное представленіе объ единомъ высшемъ Богѣ. Вотъ что и сдѣлало возможнымъ легкое и безкровное распространеніе христіанства между этими народами. Не то было у Славянъ Балтійскихъ: въ землѣ ихъ, между нѣмецкими завоевателями, мы видимъ уже въ I вѣкѣ по Р. Х. вполнѣ развитымъ богослуженіе, сопровождаемое таинственными обрядами и человѣческими жертвоприношеніями и предоставленное особымъ жрецамъ; у Нѣмцевъ и еще несравненно болѣе у Скандинавовъ находимъ мы въ древнѣйшую эпоху опредѣленную систему антропоморфической миѳологіи, а мы знаемъ, что Балтійскіе Славяне постоянно сообщались съ этими народами; наконецъ, и религія сосѣднихъ Прусовъ, съ ея опредѣленными образами, должна была имѣть на нихъ вліяніе.

Примѣръ Скандинавовъ, Нѣмцевъ, Прусовъ, соединенный съ общимъ развитіемъ жизненной дѣятельности въ самую раннюю историческую пору, былъ несомнѣнною причиною того, что Балтійскіе Славяне выработали себѣ въ язычествѣ цѣлую религіозную систему, съ храмами и человѣкообразными кумирами, съ человѣческими жертвоприношеніями, съ кастою жрецовъ и съ установленнымъ бого-

(*) Такъ было и у Русскихъ Славянъ: сооруженіе кумировъ Владиміромъ въ Кіевѣ и Добрынею въ Новѣгородѣ было *нововведеніемъ*, которое сдѣлано было, можетъ быть, подъ вліяніемъ Варяговъ (вспомнимъ развитую антропоморфическую религію скандинавскую), и ни въ какомъ случаѣ не успѣло укорениться въ народѣ: народъ только сѣтовалъ, разставаясь съ знакомымъ идоломъ Перуна, чтобы принять вѣру еще мало знакомую, но не показалъ никакихъ признаковъ усердія къ нему, а въ Новѣгородѣ такой идолъ былъ даже противенъ жителямъ (разсказъ о Пидьблянинѣ въ Софійской лѣтописи).

служенiемъ. Эту религiю выработали они изъ собственныхъ началъ, не принимая самыхъ божествъ изъ чужбины; прежнее общеславянское поклоненiе силамъ природы осталось у нихъ, но съ второстепеннымъ значенiемъ, а собственную свою миѳологiю они, такъ сказать, надстроили надъ нимъ. Въ основанiи ихъ религiозной системы лежало представленiе о единомъ высшемъ Богѣ (котораго они, кажется, называли и Сварогомъ): но этотъ Богъ, по ихъ понятiямъ, жилъ въ недоступной вышинѣ, заботясь только о небесномъ и не обращая вниманiя на родъ человѣческiй, судьбу котораго онъ предоставилъ низшимъ божествамъ, своимъ потомкамъ; потому люди и не воздавали ему поклоненiя. Высшее же божество земное, человѣческое былъ Сварожичъ Святовитъ (онъ же, по-видимому, назывался и Бѣлбогомъ), богъ свѣта и добра, богъ благоволящiй къ людямъ, дающiй своимъ поклонникамъ обилiе плодовъ земныхъ и побѣду надъ врагами, которыхъ онъ поражалъ, носясь на священномъ конѣ, нарочно содержавшемся жрецами при храмахъ. Его изображали въ кумирахъ, свыше человѣческаго роста, иногда о четырехъ или о трехъ головахъ (оттого названiе этого божества «*Триглавъ*» въ Поморскомъ городѣ Щетинѣ); въ его честь совершалось торжественное служенiе. Святовиту-Бѣлбогу противополагался Чернобогъ, божество злое и враждебное человѣку. Понятiе Балтiйскихъ Славянъ объ его происхожденiи намъ не извѣстно; мы знаемъ только, что они объясняли себѣ совмѣстное существованiе на землѣ всемогущаго и благаго божества и злаго начала тѣмъ представленiемъ, будто добрый богъ не хочетъ видѣть зла и молчитъ о немъ, т. е. какъ бы игнорируетъ зло, не признаетъ его. Независимо отъ Святовита, у Балтiйскихъ Славянъ было множество другихъ божествъ, благопрiятныхъ человѣку и представлявшихся также въ антропоморфическихъ образахъ, какъ-то Жива, богиня плодородiя, Радигость (какъ кажется, богъ веселiя и мира), Яровитъ, божество воинственное, и мн. др.; къ сожалѣнiю, свѣдѣнiя о нихъ чрезвычайно скудны. Наконецъ, уцѣлѣли въ ихъ религiи остатки первобытнаго поклоненiя силамъ природы: такъ въ землѣ Вагровъ обожали Перуна, въ темномъ лѣсу, гдѣ не было ни храма ни кумира; поклонялись священнымъ рощамъ, деревьямъ, камнямъ, морю, и т. д.

Вообще, языческая религiя достигла у Балтiйскихъ Славянъ

огромнаго развитія и до такой степени овладѣла духомъ народа, что легла въ основаніе всей его жизни, какъ частной, такъ въ особенности общественной; весь общественный строй у Балтійскихъ Славянъ слился съ ихъ религіозными понятіями такъ, что люди, отвергавшіе ихъ боговъ, не пользовались въ ихъ землѣ общественнымъ правомъ. Понятно при этомъ, что жрецы составляли у нихъ самостоятельную касту и пользовались великимъ значеніемъ общественнымъ; понятно, что они всѣми силами поддерживали въ народѣ преданность языческимъ богамъ.

Каждый Балтійскій Славянинъ имѣлъ своего домашняго, семейнаго божка; въ каждомъ *градѣ*, средоточіи волости *(жупы)*, былъ храмъ бога, покровителя волости и при немъ жрецъ; каждое племя имѣло свое общее божество, свою общую святыню и своего жреца; два племени Лютичей, Ратаре и Долечане имѣли свой общій храмъ въ *градѣ* Радигощѣ; храмъ этотъ сдѣлался потомъ общею святынею Лютичей и, съ усиленіемъ ихъ значенія между сосѣдними Славянами, служилъ и для нихъ общественнымъ средоточіемъ. Наконецъ, на островѣ Руѣ (Рюгенѣ), независимо отъ племеннаго храма для Ранскаго племени въ Коренпцѣ, находилась, въ неприступной твердынѣ Арконѣ, общая святыня всего Славянскаго поморья,— храмъ Святовита Арконскаго. Поклоненіе Арконскому Святовиту и воля истолкователя его повелѣній, верховнаго жреца, составляли связь между разрозненными племенами Балтійскихъ Славянъ. Сами Ране, какъ хранители арконской святыни, осѣненные особенною близостью и любовью Святовита, совершенно посвятили себя его служенію; жрецъ Святовитовъ, именемъ своего бога, располагалъ этимъ племенемъ какъ хотѣлъ, князь (который имѣлъ у Ранъ какое-то особенное, священное значеніе, вѣроятно какъ главный слуга Святовитовъ) исполнялъ во время мира и на войнѣ только то, что жрецъ приказывалъ. Ране платили Святовиту (т. е. его жрецу) опредѣленную дань, налагали такую дань на иностранцевъ, пріѣзжавшихъ къ нимъ для торговли, предоставили ему особыя земли, посвящали ему значительную часть военной добычи и содержали для него особую священную дружину, находившуюся въ распоряженіи жреца. Но Ране были только ближайшими хранителями арконской святыни, а святыня эта была всенародная: всѣ племена Балтійскихъ Славянъ посылали въ Аркону ежегодную дань и,

сверхъ того, Святовитъ Арконскій получалъ изо всѣхъ краевъ поморья богатые дары, какъ отъ частныхъ людей, такъ и отъ общинъ и племенъ по особеннымъ случаямъ. Молельщики стекались въ арконскій храмъ для поклоненія и узнанія воли верховнаго божества: каждое племя, при общественныхъ предпріятіяхъ, предварительно спрашивало въ арконскомъ храмѣ рѣшенія у Святовита, и по указанію жреца начинало или отлагало задуманное дѣло.

Такимъ образомъ поклоненіе арконскому богу сдѣлалось для Балтійскихъ Славянъ общею связью и власть верховнаго жреца Святовитова замѣнила у нихъ общую государственную власть. Образовалась у нихъ ѳеократическая федерація и заступила мѣсто единства народнаго. Первенство въ этой федераціи принадлежало, естественно, племени Ранскому, а во главѣ ея стоялъ жрецъ Арконскаго Святовита.

Нельзя опредѣлить, была ли эта ѳеократическая федерація у Балтійскихъ Славянъ вполнѣ выработана и установлена въ ту эпоху, съ которой мы начнемъ теперь нашъ историческій разсказъ. Мы знаемъ о религіозной власти Ранскаго племени и арконскаго жреца на Славянскомъ поморьѣ изъ свидѣтельствъ XI и XII вѣка; извѣстія древнѣйшихъ западныхъ лѣтописцевъ (собственныхъ памятниковъ Балтійскіе Славяне намъ не оставили) не даютъ никакихъ указаній, по которымъ можно бы было отвѣчать на этотъ вопросъ положительно или отрицательно; но тѣ писатели, которые въ XI и XII вѣкѣ изображаютъ религіозное первенство Ранъ и общее поклоненіе Балтійскихъ Славянъ Святовиту, говорятъ объ этомъ, какъ о чемъ-то давнишнемъ и арконскій истуканъ Святовита называютъ чрезвычайно древнимъ. Вотъ почему должно полагать, что религіозное развитіе, которое увѣнчалось у Балтійскихъ Славянъ ѳеократической федераціей, сосредоточенной въ Арконскомъ Святовитѣ и въ рукахъ его жреца, было если не вполнѣ завершено при вступленіи ихъ въ борьбу съ новосозданною Германскою имперіею (около 800 года), то по крайней мѣрѣ уже близко къ завершенію.

Между тѣмъ какъ у Славянъ на Балтійскомъ поморьѣ языческая религія охватывала весь бытъ народа, остановившійся на ступени племенной раздробленности и въ существенныхъ чертахъ уподо-

бившійся древнѣйшему племенному быту германскому, между тѣмъ какъ у нихъ развивалась ѳеократія, замѣнившая собою единство народное и государственное, сосѣднiй и враждебный имъ германскій міръ шелъ также къ ѳеократіи, но она выработывалась у него изъ другихъ началъ, прямо противоположныхъ началамъ ѳеократіи у Балтійскихъ Славянъ. Тутъ, ѳеократія возрасла на почвѣ язычества, тамъ, въ германскомъ мірѣ, на почвѣ христіанства; у Балтійскихъ Славянъ она была вызвана раздробленностью племеннаго быта, нуждавшагося въ ней какъ въ соединительной силѣ, и укоренила этотъ бытъ въ народѣ; въ германскомъ мірѣ вызвана она была идеею римскаго государственнаго единства, нуждавшеюся въ ѳеократіи для того, чтобы побороть строптивость стараго племеннаго быта, и способствовала къ утвержденію стихіи государственной въ германскихъ народахъ. Столкновеніе этихъ двухъ ѳеократій, столь враждебныхъ по своимъ жизненнымъ началамъ, было неизбѣжно, и неизбѣжна была побѣда той, которая опиралась на высшихъ началахъ: христіанство должно было одержать верхъ надъ язычествомъ, государственное устройство надъ устройствомъ племеннымъ.

Припомнимъ здѣсь въ общихъ чертахъ историческій ходъ германскаго міра въ ту эпоху, когда онъ еще не начиналъ борьбы съ сосѣдними Славянами за Эльбой и только иногда, случайно, сталкивался съ ними на границахъ и когда у этихъ Славянъ могъ безпрепятственно развиваться ихъ общественный и религіозный бытъ, т. е. съ половины V-го до конца VIII-го столѣтія.

Въ V-мъ вѣкѣ Германцы разрушили Римскую имперію. Въ этомъ великомъ подвигѣ, «величайшемъ и обильнѣйшемъ послѣдствіями подвигѣ Нѣмцевъ въ исторіи» (какъ выражается замѣчательный историкъ средневѣковой Германіи (*)), участвовали преимущественно тѣ завоевательныя дружины, которыя прежде расположились на Славянскомъ поморьѣ и въ другихъ мѣстахъ Восточной Европы; безсвязно, безсознательно, въ какомъ-то слѣпомъ порывѣ разнесли они по клочкамъ римскій міръ: ихъ толкала, одну за другою, на западъ пробудившаяся сила Славянъ (gentes, quae *a superioribus barbaris pulsae fugerant*, говоритъ Юлій Капитолинъ о Нѣмцахъ, вторгавшихся въ Римскую имперію), а потомъ оконча-

(*) Гизебрехтъ, Geschichte der deutschen Kaiserzeit.

тельно смела съ востока и перекинула на западъ эта сила, поддержанная и сосредоточенная Гуннами. Между тѣмъ зерно нѣмецкаго народа, осѣдлыя общины на коренныхъ нѣмецкихъ земляхъ не трогались; онѣ оставались въ старинномъ своемъ племенномъ бытѣ, котораго не въ состояніи была поколебать и повести къ единству народному и государственному мимолетная опасность отъ легіоновъ Августа и Тиберія; въ старомъ племенномъ бытѣ пережили Нѣмцы на своихъ коренныхъ земляхъ эпоху разрушенія соплеменными имъ дружинами Римской имперіи и воспользовались этимъ разрушеніемъ только для того, чтобы нѣсколько распространиться на лѣвомъ берегу Рейна и на южной сторонѣ верхняго Дуная. А дружины, завоевавшія Италію, Испанію, Африку, южную Галлію, подчинились понятіямъ и потребностямъ римскаго государственнаго устройства; монархическая власть усилилась тамъ до размѣровъ, чуждыхъ племенному быту Нѣмцевъ въ собственной Германіи; но вѣра мѣшала органическому сліянію завоевателей и завоеванныхъ (германскія дружины приняли аріанство, романское населеніе принадлежало ко вселенской церкви) и ни одно изъ этихъ новообразовавшихся германскихъ государствъ не утвердилось: правовѣрные епископы, а не аріанскіе короли сдѣлались настоящими правителями романскихъ народовъ. Вслѣдствіе этого германскія государства, основавшіяся на развалинахъ Римской имперіи, не могли воздѣйствовать своими новыми общественными началами на собственную Германію. Такое воздѣйствіе было тѣмъ менѣе возможно, что нѣмецкіе завоеватели Италіи, по малочисленности своей, терялись въ массѣ покоренныхъ римскихъ гражданъ, а въ Испаніи и Африкѣ должны были, естественно, прервать всякія сношенія съ своимъ первоначальнымъ отечествомъ.

Только въ сѣверозападной Галліи дѣла приняли другой оборотъ. Завоеватель Хлодовигъ, съ своею дружиною Франковъ, принялъ крещеніе изъ рукъ романскаго епископа. При этомъ крещеніи произнесены были знаменательныя слова, которыя должны были потомъ, въ теченіи многихъ столѣтій, отзываться на судьбѣ Балтійскихъ Славянъ. «Преклони шею, Сикамбръ,—сказалъ Хлодовигу епископъ Ремигій,—чти то, что ты преслѣдовалъ, *преслѣдуй* то, что ты чтилъ!» А когда онъ разсказалъ Хлодовигу о страданіяхъ Спасителя, франкскій король воскликнулъ: «О, если бъ я тамъ былъ съ мо-

ими Франками, я отомстилъ бы за него!» Такъ романская церковь призывала франкскихъ завоевателей къ ея возвеличенію силою, и франкскіе завоеватели вызывались служить мечемъ имени Спасителя.—Поддержанный сочувствіемъ романскаго населенія, Хлодовигъ скоро разрушилъ аріанскія державы въ Галліи и соединилъ ее всю подъ своею властью.

Франкское завоеваніе опиралось съ одной стороны на церковь. Съ другой стороны оно находило опору, постоянно обновляющуюся, въ сплошной массѣ нѣмецкаго народа, который населялъ почти треть Галліи на лѣвой сторонѣ Рейна (отчасти водворенный тамъ Римлянами, отчасти перешедшій туда во время распаденія имперіи). Церковь соединила обѣ народности, и римское государственное начало проникло въ духъ этихъ Германцевъ. Сліяніе этихъ стихій произошло органически. Германскій духъ не утратилъ своей жизни и самобытно принялъ въ себя римское начало. Держава Франковъ основывалась на германскомъ правѣ, на германскомъ военномъ устройствѣ, на германскомъ отношеніи сословій, и все это было связано и одушевлено римскими понятіями о государствѣ и правительствѣ. Такимъ образомъ германское поколѣніе вступило самостоятельно на поприще римской государственной жизни, и это произошло не въ южной и западной Галліи, гдѣ германскій элементъ мало по малу исчезъ среди романскаго, а въ восточной, прирейнской, нѣмецкой или онѣмечившейся части ея. Здѣсь-то коренилась и дѣятельность того могущественнаго рода, которому дано было наложить государственную жизнь на всю Германію и опредѣлить дальнѣйшее развитіе европейскаго запада. Каролинги стали истинными преемниками и исполнителями той идеи, которую предначерталъ уже первый франкскій завоеватель, Хлодовигъ. Владѣя Романскою Галліею помощью своихъ прирейнскихъ Нѣмцевъ, а изъ Романской Галліи черпая начала государственности, они умѣли исполнить то, что предпринималъ уже Хлодовигъ и первые его наслѣдники: они мало по малу покорили германскія вѣтви въ ихъ коренныхъ жилищахъ за Рейномъ и насильно наложили на ихъ племенной бытъ правительственную власть. Христіанство помогло оружію Франковъ.

Первоначальное обращеніе Нѣмцевъ въ христіанство (въ VI, VII и первой половинѣ VIII вѣка) было дѣломъ кельтской церкви со-

бенно ирландской). Проповѣдники ея дѣйствовали совершенно самостоятельно, не признавая авторитета Рима, въ духѣ свободнаго вселенскаго единства вѣры, который господствовалъ въ ту пору въ кельтской церкви. Даже сама христіанская Галлія не признавала тогда еще папской власти, епископы почитали себя равными по духовному значенію съ римскимъ патріархомъ и для рѣшенія церковныхъ дѣлъ прибѣгали безпрестанно къ мѣстнымъ соборамъ. Первый толчекъ къ повороту въ духовной жизни Западной Европы данъ былъ папою Григоріемъ Великимъ. Онъ послалъ отъ себя лично миссію въ Англію, и Англо-Саксы, принявъ крещеніе (664), вступили въ непосредственное подчиненіе «престолу св. Петра» (быть можетъ для того, чтобы и въ христіанствѣ сохранить привилегированное положеніе относительно ненавистныхъ Кельтовъ). Вскорѣ изъ среды новообращеннаго народа англо-саксонскаго стали отправляться, одушевленные юношескимъ пыломъ, проповѣдники къ родственнымъ племенамъ Германіи. Связанные съ Нѣмцами языкомъ и бытомъ, они имѣли бо́льшій успѣхъ, чѣмъ кельтскіе миссіонеры и пожали плоды, посѣянные кельтскою церковью. Знаменитѣйшій изъ англо-саксонскихъ проповѣдниковъ, св. Бонифацій, могъ уже установить въ Германіи полную іерархію, и онъ связалъ ее непосредственно съ Римомъ. По его настоянію, соборъ епископовъ Германіи рѣшилъ (742) сохранять съ римскою церковью единство и повиноваться ей, быть подчиненными св. Петру и его преемникамъ, просить для митрополитовъ утвержденія отъ престола Петрова и во всемъ руководствоваться его предписаніями. «Такимъ образомъ,—говоритъ нѣмецкій историкъ (*),—римское епископство возвысилось и достигло признанія въ обширныхъ земляхъ въ то самое время, когда франкская держава обновлялась подъ владычествомъ Каролинговъ, и именно тѣ нѣмецкія племена, которыя сохранили въ наибо́льшей чистотѣ свой бытъ, доставили обѣимъ этимъ новымъ возрастающимъ силамъ основаніе и средства къ своему многозначительному развитію».

Скоро эти двѣ силы сблизились. Пипинъ Короткій, вождь Франковъ, лишилъ престола послѣдняго преемника Хлодовигова, и папа благословилъ это дѣло и помазалъ Пипина королемъ Франковъ;

(*) Giesebrecht, тамъ же, 103.

Пипинъ же спасъ папу отъ притѣсненій Лонгобардовъ и недоброжелательства Грековъ и даровалъ ему свѣтское владѣніе. Вся Галлія подчинилась авторитету Рима. При наслѣдникѣ Пипина, великомъ Карлѣ, совершилось полное совоплощеніе церкви и государства на Западѣ: Германія приняла, какъ свое наслѣдіе, міродержавную идею и исключительность Римскаго государства, но основала ее на религіи (*).

Носитель этой, обновленной церковною и германскою стихіею, идеи, Карлъ Великій долженъ былъ прежде всего сломить остатки нѣмецкой племенной независимости, упорно хранившіеся Саксами, единственнымъ племенемъ въ Германіи, которое не вступило еще въ область Франкской монархіи и римской церкви. Борьба съ Саксами была главною задачею первой половины царствованія Карла. Онъ крестилъ ихъ огнемъ и мечемъ, но, какъ скоро они поддались и крестились, принялъ ихъ, какъ полноправныхъ гражданъ, въ свою державу.

Покореніе Саксовъ заключило этотъ фазисъ развитія въ западной Европѣ. Всѣ нѣмецкія вѣтви были соединены подъ началомъ римской государственности, но соединены не какъ слуги римскаго міра, а какъ его граждане и обладатели его наслѣдія. Вѣнчаніе Карла короною римскихъ императоровъ (въ праздникъ Рождества 800 года) довершило воздвигавшееся германскимъ народомъ на христіанской почвѣ зданіе ѳеократической монархіи. «Имперія Карла,—прекрасно говоритъ историкъ Гизебрехтъ,—была не только тѣмъ политическимъ идеаломъ, къ которому уже цѣлые вѣка стремились нѣмецкіе владѣтели (т. е. возстановленіемъ древняго Римскаго государства); религія овладѣла идеею имперіи, приняла ее въ себя, переработала и выработала особеннымъ образомъ. Убѣжденіе древнихъ Римлянъ, что ихъ республика предназначена подчинить *единому* закону всѣ народы до концовъ земли, не угасло во время христіанства, а, напротивъ, почерпнуло новую жизнь въ томъ вѣрованіи, что всѣ исповѣдники Спасителя должны собраться въ единое стадо и составить единое великое общество;

(*) Такимъ образомъ римское понятіе *orbis terrarum*, весь міръ, которое однако исключало земли, не подвластныя Риму, перешло въ средне-вѣковое западное понятіе *tota christianitas*, которое точно также исключало земли, хотя христіанскія, но не подчиненныя римскому авторитету.

христіанскій Римъ воспитывалъ вѣру не только въ единую христіанскую церковь, но и въ единое христіанское государство, и передавалъ эту вѣру всѣмъ послѣдователямъ католическаго исповѣданія . . . . Не та была цѣль Карла, какъ римскаго императора, чтобы возстановить тираннію языческаго Рима надъ вселенной, оживить забытыя права древнихъ императоровъ и основать такимъ образомъ для себя неограниченное господство; напротивъ, его представленіе о той новой власти, которая подобала ему, какъ императору, опиралось вполнѣ на религіозно-политической идеѣ имперіи, какъ эта идея выработалась въ западной церкви. Скорѣе въ ветхозавѣтной ѳеократіи, чѣмъ въ деспотизмѣ древняго Рима, искалъ онъ себѣ руководящихъ началъ. Такимъ образомъ, новая имперія основывалась существенно на церковной почвѣ: ея идеаломъ было не что иное, какъ царство Божіе на землѣ, въ которомъ императоръ поставленъ отъ самого Бога его намѣстникомъ, дабы онъ правилъ, согласно Божіимъ предначертаніямъ, всѣмъ родомъ человѣческимъ, распредѣленнымъ по порядку на народы, сословія и чиноначалія».

Трудно вѣрнѣе изобразить характеръ и смыслъ той монархіи, въ которой германскій міръ впервые слился органически съ романскимъ и которая ознаменовала его вступленіе въ государственную жизнь.

Передъ греческимъ, православнымъ міромъ церковно-государственная монархія Германо-Романская остановилась, какъ бы въ недоумѣніи передъ загадкою: что̀ это за міръ, христіанскій, не еретическій, а напротивъ правовѣрный, а все-таки не нашъ? какъ это: единовѣрцы наши (*), а не члены нашего государства, не подданные нашего императора? Недоумѣніе передъ явленіемъ, которое такъ очевидно̀ противорѣчило всѣмъ политическо-религіознымъ понятіямъ тогдашняго Запада, вотъ что опредѣляетъ странныя и для теперешнихъ западныхъ писателей непонятныя отношенія новосоздавшейся Германской имперіи къ міру греческому: есть, конечно, вражда, бываютъ и столкновенія, хотя слабыя, ибо Германская

(*) Я говорю о той эпохѣ, когда раздвоеніе церквей не опредѣлилось еще догматическимъ нововведеніемъ Запада, а существовало уже въ области политической и нравственной: послѣднее предшествовало первому болѣе, чѣмъ столѣтіемъ.

имперія еще живо чувствуетъ свое призваніе—быть хранительницей церкви, а Греки суть вѣрные члены церкви, и какіе заслуженные! Мечъ, столько разъ поднимаемый Германской имперіею противъ греческаго міра, падаетъ у нея изъ рукъ, не отъ страха передъ Византіею, а отъ страха передъ христіанской идеей. Но все болѣе и болѣе ощущаетъ романо-германскій міръ, какая страшная помѣха для него Греція, помѣха не матеріальная, а нравственная: пока онъ съ нею въ общеніи, пока онъ признаетъ ее правовѣрною, невозможно ему утвердить въ принципѣ свое совоплощеніе съ христіанскою церковью, свою идею о себѣ самомъ, какъ о «царствѣ Божіемъ на землѣ»; и вотъ, скоро романо-германскій міръ захочетъ вполнѣ обособиться: онъ оттолкнетъ отъ себя Грецію, разорветъ съ нею общеніе вѣры, рѣшится ея не знать и не вѣдать, и присвоитъ онъ себѣ званіе вселенской церкви, дабы оно соотвѣтствовало званію вселенской христіанской монархіи, которое германскій міръ принялъ, какъ законное наслѣдіе римскихъ идей.

Эта «вселенская» христіанская монархія, какъ она опредѣлилась при Карлѣ Великомъ, должна была имѣть своихъ гражданъ и своихъ подданныхъ. Гражданами, полноправными членами церковно-государственной семьи, были всѣ племена и народы германской крови, какъ основатели и главные носители этой монархіи, и народы романскіе, какъ старшіе братья Германцевъ въ вѣрѣ, какъ ихъ учители и природные преемники Рима, призваніе котораго Германцы считали себя предназначенными обновить и осуществить. Подданными или, гдѣ прямое подданство было еще невозможно, данниками ѳеократической имперіи должны были сдѣлаться «варвары», т. е. по тогдашнимъ понятіямъ Славяне и Авары; покорить ихъ единой христіанской державѣ и подчинить христіанской религіи почиталось долгомъ германскаго народа и государя. Вслѣдствіе римскихъ понятій, такъ легко принявшихся на почвѣ народной исключительности нѣмецкой, эти «варвары», хотя бы и обратились въ христіанство, не становились равноправными членами христіанскаго братства, ибо оно ограничивалось міромъ романо-германскимъ: «варвары» должны были оставаться его слугами.

Прослѣдивъ такимъ образомъ, до перваго ихъ столкновенія, развитіе двухъ силъ, которыя раздѣляло теченіе Эльбы, христіанско-ѳеократической имперіи Романо-Германской, и языческо-ѳеократи-

*

ческаго племеннаго союза Балтійскихъ Славянъ, мы можемъ приступить къ разсказу объ ихъ многовѣковой борьбѣ. Тотъ человѣкъ, который довелъ западный міръ до цѣли его тогдашнихъ стремленій—до его самоопредѣленія, какъ вселенскаго христіанскаго государства,—Карлъ Великій началъ эту борьбу.

I.

Эпоха Каролинговъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Эпоха Каролинговъ.

I.

Первоначальныя отношенія Франковъ къ Балтійскимъ Славянамъ. 748—789.

Мы знаемъ о постоянной пограничной войнѣ, которая велась на неопредѣленной чертѣ, отдѣлявшей сѣверо-западную часть Славянскаго поморья отъ владѣній Саксовъ на правой сторонѣ низовьевъ Эльбы, въ нынѣшней Голштиніи или, какъ она тогда называлась, Нордалбингіи (т. е. странѣ на сѣверъ отъ Эльбы). Вся тяжесть этой пограничной войны лежала, разумѣется, на непосредственныхъ сосѣдяхъ Нордалбингскихъ Саксовъ—Ваграхъ, жителяхъ восточной части Голштиніи. Но въ VIII вѣкѣ имя Вагровъ уже не является въ историческихъ извѣстіяхъ, замѣняясь, какъ было уже замѣчено мною, именемъ Бодричей, обширнѣйшаго племени, которое жило на востокъ отъ Вагровъ, въ нынѣшней Мекленбургіи. Какъ видно, Бодричи успѣли пріобрѣсти первенство надъ Ваграми и включить ихъ въ союзъ племенъ, который они образовали около себя на сѣверо-западномъ краю Славянскаго поморья. Время и способъ образованія этого союза неизвѣстно; впрочемъ, едва ли можетъ быть сомнѣніе, что онъ составился главнымъ образомъ вслѣдствіе необходимости противодѣйствовать общими силами сосѣдямъ—Нѣмцамъ, т. е. Саксамъ. Союзъ этотъ существовалъ уже во второй половинѣ VIII столѣтія, какъ видно изъ тогдашнихъ западныхъ лѣтописей. Племена, входившія въ его составъ (именно Бодричи въ собственномъ смыслѣ или Рароги, Вагры, Полабцы, Смольняне и Глиняне, и вѣроятно, также Варны) вообще обозначаются въ этихъ лѣтописяхъ именемъ первенствующаго племени, Бодричей (¹).

(¹) Бодричи являлись Саксамъ какъ бы представителями всего пограничнаго, враждебнаго имъ, Славянства; см. Translatio s. Alexandri (auct. Ruodolfo: писалъ около 860 г., M. G. II, 673 seqq.) c. 1 (*Примѣчаніе.* Когда я цитирую томы M. G., т. е. Monumenta Germaniae, изд. Пертца, то разумѣю отдѣлъ Scriptores; при отдѣлѣ Leges выставляю это спеціальное обозначеніе).

Ненависть къ Саксамъ сдѣлала изъ Бодричей естественныхъ союзниковъ всякаго, кто нападалъ на это нѣмецкое племя; въ томъ же отношеніи къ Саксамъ находились, безъ сомнѣнія, и Стодоряне (¹), тоже непосредственные сосѣди ихъ (къ югу отъ Бодричей), хотя Стодорянъ отдѣляла отъ Саксовъ определенная граница, Эльба, и столкновенія не могли быть тутъ такъ часты и значительны.

Съ другой стороны, отдаленные отъ Саксовъ и жившіе на востокъ отъ Бодричей, Велеты или Лютичи, враждуя съ своими непосредственными сосѣдями, Бодричами, готовы были, для удовлетворенія этой ближайшей вражды, забывать общую ненависть къ нѣмецкому народу и дружиться съ Саксами противъ своей славянской братьи.

Таковы были политическія отношенія этихъ племенъ, когда къ нимъ приблизилась завоевательная сила Франковъ.

Пипинъ Короткій началъ войну противъ Саксовъ, послѣднихъ защитниковъ язычества и племеннаго быта въ Германіи: Бодричи и Стодоряне вооружились за Франковъ (въ 748 г.) и сильно помогли имъ противъ Саксовъ (²).

Съ этихъ поръ, кажется, начался твердый союзъ Бодричей съ Франками: они также вѣрно, какъ Пипину, содѣйствовали и Карлу Великому въ его кровопролитной и долговременной борьбѣ съ Саксами (³).

Въ 780 году, Карлъ, покоривъ всѣ волости Саксовъ за Везеромъ, дошелъ, наконецъ, побѣдителемъ до Эльбы и расположился станомъ на ея берегу, у впаденія въ нее Оры (⁴) (нѣсколько сѣвернѣе позднѣйшаго г. Магдебурга), насупротивъ земли Стодорянъ. Къ нему пришли многія тысячи Славянъ съ противоположнаго берега (тутъ были, вѣроятно, посланцы и отъ разныхъ племенъ бодрицкихъ). Могущественный завоеватель принялъ въ отношеніи къ нимъ роль

(¹) О сосѣдяхъ Стодорянъ, Остфалахъ, т. е. восточной вѣтви Саксовъ, Poëta Saxo (Mon. Germ. I. 228) говоритъ (подъ 772 годомъ, въ общемъ описаніи Саксонской земли): Osterliudi, quos nomine quidam—Ostvalos alios vocitant, confinia quorum—Infestat conjuncta suis gens perfida Sclavi.

(²) См. подробности объ этомъ въ 1-мъ томѣ Исторіи Балтійскихъ Славянъ, стр. 321.

(³) Эингардъ, annal. (Mon. Germ. I, 185) подъ 798 г.: Abodriti auxiliatores Francorum semper fuerunt ex quo semel ab eis in societatem recepti sunt.

(⁴) Ohre: Славяне называли эту рѣку Ура или Юра, см. Thietmar. VI, 33.

верховнаго распорядителя. Ему нужно было помирить ихъ съ своими новыми подданными, Саксами; нѣтъ сомнѣнія, что онъ также воспользовался этимъ съѣздомъ, чтобы еще болѣе скрѣпить союзъ прилабскихъ Славянъ (Бодричей и Стодорянъ) съ Франкскою державою, союзъ, отъ котораго вскорѣ произошли такія важныя послѣдствія для Славянскаго поморья (¹). Онъ *пріобрѣлъ* ихъ себѣ, говоритъ современный лѣтописецъ (²). Другой лѣтописецъ увѣряетъ, что многіе изъ этихъ Славянъ приняли тогда же крещеніе (³). Быть можетъ, показаніе его и справедливо; но крещеніе это не принесло плодовъ.

II.

Походъ Карла В. на Славянское поморье. 789.

Нѣсколько лѣтъ еще Саксы бились противъ Франкской монархіи; послѣднія усилія сохранить свободу племеннаго быта обнаруживались въ мѣстныхъ вспышкахъ и возстаніяхъ. Наконецъ, Карлъ могъ считать дѣло конченнымъ и всѣ народы Германіи соединенными подъ своею властію. Тогда онъ рѣшился обратить союзъ съ поморскими Славянами въ полное ихъ подчиненіе. Это не было случайное, отдѣльное предпріятіе. Мысль о покореніи Славянскаго поморья входила въ составъ обширнаго плана, задуманнаго Карломъ и къ исполненію котораго онъ, тотчасъ послѣ завоеванія Саксовъ, приступилъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ. Онъ замышлялъ подчинить своей имперіи всѣ народы, граничившіе къ востоку съ Германіей (⁴). Балтійскіе Славяне стояли тутъ наряду съ Полабскими

(¹) Тамъ же, 161, подъ 780 г.: Profectus inde ad Albiam, castrisque in eo loco, ubi Ora et Albia confluunt, ad habenda stativa conlocatis, tam ad res Saxonum, qui citeriorem, quam et Sclavorum, qui ulteriorem fluminis ripam incolunt, componendas operam intendit. Quibus... dispositis... reversus est. (Сравни Poëta Saxo, M. G. I, 236; Annal. Fuldenses тамъ же 349).

(²) Annal. Petaviani, тамъ же, 16 (780 г.): et venerunt ad domnum regem multa milia gentilium Winethorum hominum; ipse autem adquisivit una cum Dei auxilio.

(³) Annal. Laureshamenses, тамъ же, 31 (780 г.): nec non et Winidorum seu (*seu* въ тогдашней Латыни значило: и) Fresorum paganorum magna multitudo credidit.

(⁴) Что этотъ планъ, относительно Балтійскихъ Славянъ, созрѣвалъ въ мы-

Сербами, съ Чехами, съ Аварами, съ Альпійскими Словенцами, съ Хорватами.

Для покоренія Славянскаго поморья не слѣдовало начать съ непосредственныхъ сосѣдей Германскаго государства, съ старыхъ союзниковъ франкскаго оружія, Бодричей: ударъ, на нихъ направленный, былъ бы слишкомъ явнымъ вѣроломствомъ и заставилъ бы ихъ искать опоры въ своихъ соплеменникахъ и отложить междоусобную вражду съ ними. Вѣрнѣе было воспользоваться этою враждою и сперва подчинить Славянъ, жившихъ дальше, за Бодричами: тогда и Бодричи не долго могли бы сохранить свою независимость. Карлъ такъ и разсчиталъ.

За Бодричами, въ восточной части нынѣшней Мекленбургіи и западномъ углу Помераніи, жили, какъ мы знаемъ, племена Велетовъ [1] (иначе называвшихся Лютичами), составляя союзъ, подобно союзу бодрицкихъ племенъ.

сли Карла уже за нѣсколько лѣтъ до его исполненія, видно изъ грамоты, данной имъ въ 786 году новоучрежденному въ землѣ восточныхъ Саксовъ Верденскому епископству. Въ предѣлы этой епархіи включена была земля Вагровъ, ограниченная рѣками Бѣлиной и Травной, и, кромѣ того, прибавлена еще, въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, страна по берегу Балтійскаго моря (mare barbarum) до рѣки Пѣны, т. е. весь край Бодричей и часть Велетской земли. Самая неопредѣленность этихъ выраженій показываетъ, какъ темны еще были въ то время свѣдѣнія франкскаго государя объ отдаленной части Славянскаго поморья. Вотъ слова грамоты (Codex Pomeraniae diplomaticus, herausg. von Hasselbach, Kosegarten und Medem, стр. 3): Terminos autem eius (diocesis)... circumscribi precepimus, id est . . . . Liam fluvium (теперь Lühe), qui absorbetur ab Albia fluvio, dehinc trans Albiam, ubi Bilena mergitur in Albiam, dehinc in ortum Bilene (теперь Bille), inde ubi Travena absorbetur a mari, deinde usque duo perveniatur ubi Pene fluvius currit in mare barbarum. Inde in ortum eiusdem fluminis. Hinc in Eldam. Dehinc in Albiam. Inde in rivum Alend (теперь Aland, впадающая въ Эльбу съ лѣвой стороны, близь ганноверскаго города Шнакенбурга), и т. д.

[1] Эйнгардъ (M. G. I, 175) подъ 789 годомъ: Natio quaedam Sclavenorum est in Germania, sedens super litus Oceani, quae propria lingua Weletabi (т. е. *Велетове*, форма множественнаго числа), francica autem Wiltzi vocatur. Ea Francis semper inimica et vicinos suos qui Francis vel subiecti vel foederati erant, odiis insectari belloque premere aclacessere solebat. Cuius insolentiam rex longius non ferendam ratus, и проч.—Poëta Saxo (тамъ же, 245); (gens Wiltorum)...Francis inimica nimis cum tempore multo—Esset, eis vel subiectos vel foedere iunctos—

Карлъ прислушивался къ извѣстіямъ о «преступленіяхъ» этого народа: Велеты издавна ненавидѣли Франковъ и ихъ союзниковъ; вражда къ Бодричамъ повела ихъ, безъ сомнѣнія, не только къ дружбѣ съ Саксами, но и съ Датчанами, у которыхъ тѣ изъ Саксовъ, кто не хотѣлъ покориться Карлу, находили защиту и вѣрное убѣжище. На самихъ Бодричей Велеты безпрестанно нападали вооруженной рукою, и Бодричи, конечно, неоднократно жаловались на нихъ могущественному королю Запада. Карлъ посылалъ требовать, чтобы они прекратили эти нападенія, но Велеты не хотѣли слушаться нѣмецкаго государя.

Въ 789 году, когда вся земля Саксовъ казалась спокойною, Карлъ объявилъ, что пойдетъ наказать высокомѣріе Велетовъ.

Онъ созвалъ огромное войско (1), и перешелъ въ Кёльнѣ черезъ Рейнъ съ своими Франками; Фризы прибыли къ нему изъ своихъ низменностей, поднявшись на судахъ вверхъ по одному изъ рукавовъ Рейна (2). Черезъ землю Саксовъ Карлъ направился къ Эльбѣ, собирая подъ свои знамена отряды, которые Саксы обязаны были выставить. Съ юга пришли къ нему на помощь Полабскіе Сербы (изъ нынѣшней Саксоніи).

Дошедши до Эльбы, онъ сталъ устроивать переправу. Для соединенія береговъ рѣки, раздѣлявшей народы, которые теперь, какъ бы послѣ долгаго отдыха, готовились возобновить давнишнюю свою борьбу, Карлъ построилъ на Эльбѣ два моста: вѣроятно, войско шло на Славянъ двумя дорогами. Одинъ изъ этихъ мостовъ онъ укрѣпилъ на обоихъ концахъ валомъ и срубомъ, и оставилъ тамъ охранительный отрядъ. Какъ видно, походъ въ Славянскую землю

Sclavorum populos sibimet regione propinquos—Insectans odiis, bello quoque saepe premebat, и проч.

(1) Эингардъ, тамъ же: comparatoque ingenti exercitu.

(2) Annal. Laurissenses (M. G. I, 174) подъ 789 г.: Frisiones autem navigio per Habola fluvium cum quibusdam Francis ad eum coniunxerunt (сравни Annal. Fuldenses, тамъ же, 350). Имя рѣки, *Habola*, по которой пріѣхали Фризы съ частью франкскаго ополченія (собраннаго въ старой, приморской Франціи, роднѣ Хлодовига), затруднило историковъ, такъ какъ рѣка Габола (Havel) въ землѣ Стодорянъ (нынѣшней Бранденбургіи) находится въ далекомъ разстояніи какъ отъ жилищъ Фризовъ, такъ отъ тѣхъ мѣстъ, черезъ которыя проходило войско Карла; но ученый Ледебуръ (Kritische Beleuchtung einiger Punkte in den Feldzügen Karls des Grossen gegen die Sachsen und Slaven, 1829 ст. 115), доказалъ, что подъ этимъ именемъ лѣтописцы разумѣли правый рукавъ Рейна, Иссель, который является въ другихъ памятникахъ IX вѣка подъ названіемъ Habedol. Фризы и сосѣдніе съ ними Франки въѣхали по этому рукаву въ Рейнъ и, вѣроятно, присоединились къ Карлу въ сборномъ мѣстѣ у Кельна.

возбуждалъ немало опасеній, тѣмъ болѣе, что Велеты почитались могущественнѣйшимъ народомъ на Балтійскомъ поморьѣ ([1]), и казалось нужнымъ имѣть, на всякій случай, обезпеченную переправу для возвратнаго пути. Мѣсто переправы въ точности не обозначено лѣтописцами; но нѣтъ сомнѣнія, что оно находилось гдѣ-нибудь у низовьевъ Эльбы, у земли Бодричей, надежнѣйшихъ союзниковъ и проводниковъ Карла; притомъ же, черезъ ихъ край пролегалъ прямой путь къ Велетамъ.

Наконецъ, въ первый разъ послѣ многихъ столѣтій, можетъ быть, въ первый разъ со времени Аттилы, нѣмецкій завоеватель перешелъ Эльбу и ступилъ на Славянское поморье. Бодричи, подъ начальствомъ своего князя Вилчана ([2]), присоединились къ Карлу. Силы, которыя нѣмецкій государь велъ на Велетовъ, были очень велики: Славянское поморье казалось ему не легкою добычею.

Велеты противостали Нѣмцамъ и ихъ славянскимъ союзникамъ съ мужествомъ, которому воздаетъ похвалу самъ жизнеописатель Карла ([3]); ихъ войска были многочисленны ([4]): произошли значительныя сраженія ([5]). Передъ превосходною силою Карла Велеты, какъ видно, отступали въ глубь своей земли, къ сѣверовостоку([6]): Карлъ, «предавая все огню и мечу», достигъ до р. Пѣны ([7]),

---

([1]) Эингардъ, Vita Karoli Magni (M. G. II, 449): Sclavis qui nostra consuetudine Wilzi, proprie vero, id est sua locutione Weletabi dicuntur, bellum inlatum est . . Causa belli erat, quod Abodritos, qui cum Francis olim foederati erant, assidua incursione lacescebant, nec iussionibus coërceri poterant. Sinus quidam ab occidentali oceano orientem versus perrigitur longitudinis quidem incompertae, latitudinis vero quae nusquam centum milli passuum excedat, cum in multis locis contractior inveniatur. Hunc multae circumsedent nationes; Dani siquidem ac Sueones quos Nortmannos vocamus, et septentrionale litus et omnes in eo insulas tenent. At litus australe Sclavi et Aisti et aliae diversae incolunt nationes; inter quos vel praecipui sunt, quibus tunc a rege bellum inferebatur, Weletabi.

([2]) Wiltzan; почти всѣ западные лѣтописцы пишутъ Wiltzan, Wizan, Wizzin (даже въ одномъ мѣстѣ Widin: Chron. Moissiacense, M. G. I, 302); чтеніе Вилчанъ, предложенное Шафарикомъ (отъ *вилкъ*, т. е. волкъ) кажется самымъ вѣроятнымъ; сравни имя *Волканъ* у Сербовъ.—Вилчанъ былъ, по-видимому, первенствующимъ княземъ у Бодричей, т. е. княземъ главнаго племени, Бодричей въ собственномъ смыслѣ.

([3]) Эингардъ, тамъ же.

([4]) Тамъ же.

([5]) Annal. Fuldenses (M. G. I, 350): magnis eos proeliis domuit.

([6]) Эингардъ, тамъ же.

([7]) Fragm. annal. Chesnii (M. G. I, 34): et fuit usque ad Pana fluvium. Пѣна—те-

которая, какъ мы знаемъ, протекала по срединѣ земли Велетской. Онъ подошелъ къ городу главнаго князя Велетовъ, Драговита. Этотъ князь, по выраженію лѣтописца ([1]), далеко превышалъ всѣхъ прочихъ князей велетскихъ и знатностью рода и уваженіемъ, какое внушала его старость. Драговитъ отказался отъ продолженія войны: онъ явился къ Карлу съ своимъ сыномъ и со всѣми своими людьми, далъ заложниковъ и присягнулъ въ вѣрности нѣмецкому государю и Франкамъ. Было ли это измѣною общему дѣлу или послѣдствіемъ общаго приговора, нельзя сказать; но во всякомъ случаѣ, поступокъ Драговита рѣшилъ надолго судьбу Славянскаго поморья: всѣ прочіе князья и жупаны ([2]) просили мира, представили заложниковъ и поддались иноземному завоевателю. Карлъ утвердилъ Драговита верховнымъ княземъ земли Велетской; а самъ Драговитъ сдѣлался его вассаломъ ([3]). Такимъ образомъ, власть Западной имперіи (хотя еще номинальная) распространилась по всей землѣ Велетской, до берега Балтійскаго моря ([4]).

Карлъ побѣдителемъ возвратился въ Германію тою же дорогою, какою пришелъ на Славянское поморье ([5]).

перь Реепе, верховья въ Мекленбургіи, все остальное теченіе въ западной Померaніи; впадаетъ у Вольгаста въ Балтійское море.

([1]) Эингардъ, тамъ же: is ceteris Wiltzorum regulis et nobilitate generis et auctoritate senectutis longe prominebat.

([2]) Эингардъ, тамъ же: quem ceteri Sclavorum primores ac reguli omnes secuti.

([3]) Annal. Nazarienses (M. G. I, 41): Carolus .... regem ... Dragoidum adprehendit et iterum ipsi iam praefato regi illam patriam commendavit.

([4]) Annal. Guelferbyt. (тамъ же): William conquesivit in partibus aquilonis usque ad mare. Сравни Annal. Lauresham. Fragm. Annal. Chesnii. Einhardi Annal., все подъ 789 годомъ.

([5]) Смутный отголосокъ этого похода Карла Великаго на Славянское поморье и послѣдующихъ его столкновеній съ Балтійскими Славянами находимъ мы въ польскомъ преданіи, записанномъ Длугошемъ (liber I, стр. 65, по франкфуртскому изданію): Nonnulli asserunt, hunc Leszkonem (Лешекъ II) in proelio cum Caesare Carolo Magno inito victum et occisum esse: ita enim reperi Martinum Gallum de eo scripsisse. Anno 805 imperator Carolus misit Carolum filium suum in Poloniam, qui depopulatis omnibus, ducem terrae illius Leszkonem occidit, indeque reversus ad patrem, eum in silva «Woszego, venatui studentem invenit. Ex quo quidem constat, Polonos et tunc et antea bella cum imperatoribus et regibus finitimis gessisse, sed quo tempore, quove ordine et fortuna, quibusve ducibus, propter literarum et scriptorum, quibus tunc Poloni velut gentiles caruere, penuriam, parum constat. Съ Поляками, въ собственномъ смыслѣ, Карлъ В., какъ извѣстно, не имѣлъ никакого столкновенія; но всѣ польскіе лѣтописцы знали о ближайшемъ племенномъ сродствѣ Балтійскихъ Славянъ съ Поляками и причисляли ихъ непосред-

Такъ возобновилась великая борьба Нѣмцевъ съ Славянами въ Балтійскомъ краѣ. Славянамъ она добра не предвѣщала: ибо при Аттилѣ, почти триста пятьдесятъ лѣтъ передъ тѣмъ, оба народа, оставивъ между собою теченіе Эльбы, разошлись почти равносильными, а когда они сошлись опять, при Карлѣ Великомъ, то нѣмецкій народъ явился на поле битвы вдохновенный христіанствомъ, обогащенный наслѣдіемъ римской государственности, направляемый единою волею къ общей цѣли; а Балтійскіе Славяне противоставили ему свои языческія вѣрованія, свой старый племенной бытъ, свои внутреннія несогласія и междоусобія.

Дѣйствіе, происходившее на Балтійскомъ поморьѣ въ 789 году, повторялось съ тѣхъ поръ постоянно, до совершеннаго искорененія тамъ славянской независимости: постоянно находились въ этомъ злополучномъ краѣ племена, готовыя помочь Нѣмцамъ противъ своихъ братій, какъ Бодричи помогли тогда Карлу; постоянно находились князья, готовые отстать отъ общей обороны и мириться отдѣльно съ завоевателемъ, какъ сдѣлалъ тогда старый князь Драговитъ.

III.

Плоды союза Бодричей съ Франкскою державою. Уступка Бодричамъ западной Голштиніи. 790—804.

Неизвѣстно, чѣмъ Карлъ наградилъ Бодричей за ихъ усердныя услуги; но естественно, что какъ скоро Велеты признали надъ собою верховное владычество Западной державы, то Бодричи, поставленные между ними и Нѣмцами, вошли въ гораздо бóльшую зависимость отъ Германіи; зависимость сдѣлалась такою, что она могла скоро превратиться въ прямое подданство.

Саксы, хотя столько разъ побѣжденные франкскимъ завоевателемъ, хотя помогавшіе ему противъ Славянъ, не были еще укрощены вполнѣ. Ближайшія къ Эльбѣ волости ихъ безпрестанно

ственно къ польскому народу. Что же касается до похода 805 года и убіенія польскаго князя Лешка, то это есть не что иное, какъ неудачно приложенная къ преданію о войнахъ Карла съ Ляхами (Балтійскими Славянами) передѣлка извѣстія Эингарда о вторженіи въ этомъ году сына великаго императора въ Чехію, гдѣ погибъ какой-то князь чешскій, по имени «Весѣо».

волновались, а Залабскіе Саксы, такъ называемые *Нордлюды* или Нордалбинги (жители западной половины Голштиніи, непосредственные сосѣди Славянъ) и слышать еще не хотѣли о покорности Франкамъ.

Въ 795 году Карлъ рѣшился наказать упрямое племя и съ большими силами вошелъ въ землю Саксовъ, опустошая ее жестокимъ образомъ. Онъ расположился въ Бардской волости (Bardengau, въ восточной части нынѣшняго Ганноверскаго королевства) у селенія Бардовика (близъ Люнебурга), гдѣ вскорѣ потомъ возникъ большой торговый городъ. Здѣсь поджидалъ онъ прихода Славянъ-Бодричей, которые должны были снова помогать ему въ покореніи Саксовъ. Франки называли тогда бодрицкаго князя уже прямо вассаломъ своего короля (1). Дѣйствительно, Вилчанъ поспѣшилъ явиться на зовъ своего владыки; но при переправѣ черезъ Эльбу онъ попалъ въ засаду, приготовленную *Нордлюдами*, и былъ убитъ (2). Что сталось съ его войскомъ, воротилось-ли оно домой, потерявъ вождя, или присоединилось къ Франкамъ, неизвѣстно. Княземъ бодрицкимъ сдѣлался Дражко; мы тоже не знаемъ, былъ-ли онъ прямой наслѣдникъ Вилчана, или по другому случаю выбранъ былъ народомъ.

Умерщвленіе Вилчана, въ которомъ Карлъ потерялъ своего надежнѣйшаго союзника противъ Саксовъ, раздражило его въ высшей степени: по выраженію лѣтописца, это прибавило ему новой ярости для отмщенія вѣроломному племени. Но настоящихъ виновниковъ убійства, Нордлюдовъ, онъ еще не могъ наказать: походъ въ ихъ отдаленный край былъ слишкомъ опасенъ, пока земля между Везеромъ и Эльбою еще не была совсѣмъ усмирена. Отложивъ завоеваніе Нордалбингіи (нѣмецкой части Голштиніи) до другаго времени, Карлъ бросился на тѣ волости Саксовъ, которыя лежали на морскомъ берегу, между низовьями Везера и устьями Эльбы: жители ихъ были въ союзѣ съ убійцами Вилчана и одни

(1) Annal. Lauresham. (M. G. I, 36): vassum domni regis Wizzin regem Abotridarum.

(2) Эингардъ, тамъ же, 181, подъ 795 годомъ.—Annal. Fuldenses (тамъ же, 351) разсказываютъ, что убійство совершилось за Эльбою, близко отъ Бардовика, гдѣ стоялъ король, in loco quem vocant Hliuni: это мѣсто есть нынѣшнее Lüne, въ восточной части ганноверскихъ владѣній.

между предлабскими Саксами не явились въ Бардовикъ съ покорностью. Три года сряду (¹) ходилъ франкскій государь на эти волости, жегъ, грабилъ, казнилъ и, наконецъ, принудилъ къ повиновенію. Часть тамошнихъ Саксовъ онъ выселилъ во франкскія земли и водворилъ на мѣсто ихъ колоніи Франковъ.

Утвердивши свою власть въ этихъ краяхъ, Карлъ отправилъ пословъ въ Нордалбингію, надѣясь склонить Нордлюдовъ теперь къ добровольной покорности. Но Нордлюды схватили этихъ пословъ и убили однихъ, а другихъ задержали въ плѣну для выкупа; также убили они королевскаго посла, возвращавшагося изъ Даніи. Карлъ тотчасъ собралъ большое войско (798), но все еще не рѣшался ступить за Эльбу, въ болота Голштиніи. Онъ только опустошилъ, хуже прежняго, землю Саксовъ между Везеромъ и Эльбою (гдѣ, вѣроятно, находились еще соумышленники залабскихъ Саксовъ); наказаніе же самихъ Нордлюдовъ предоставилъ онъ своимъ неизмѣннымъ друзьямъ, Бодричамъ. Побывавъ у славянской границы на Эльбѣ и рѣшивъ своимъ судомъ внутренніе споры славянскихъ племенъ (²), онъ отправилъ къ Бодричамъ одного изъ своихъ полководцевъ, Эбервина, съ другими послами, и поручилъ имъ поднять на Нордлюдовъ славянскую силу (³). Бодричи, которыхъ франкскіе лѣтописцы называютъ весьма выразительно *нашими Славянами* (Sclavi nostri), вступили въ нѣмецкую часть Нордалбингіи и стали раззорять и выжигать ее. Саксы собрали свои войска, и обѣ рати встрѣтились въ мѣстности, называвшейся Свентана (въ срединѣ Голштиніи, гдѣ теперь мѣстечко Bornhövde, на юго-западъ

(¹) 795 796 797.

(²) Annal. Guelferbytani (M. G. I, 45) подъ 798 годомъ: . . . perrexit in antea in Saxonia usque in Partunwich, inde in finem Winidis, et ibi plaidavit sicut ipse voluit, et tulit obsides multos de Saxones et pervenit ad Aquas.

(³) Annal. Lauresham. (M. G. I, 37) подъ 798 г.: et interim congregati sunt Sclavi nostri qui dicuntur Abotridi cum missos domni regis ad illos Saxones qui in aquilones parte Albie erant, et vastaverunt terram illam et incenderunt; et illi Saxones congregaverunt se in unum, et commissum est forte proelium inter eis, и проч. Это извѣстіе гораздо лучше рисуетъ ходъ дѣла, нежели извѣстіе Эингарда, будто бы Нордлюды сами бросились на Бодричей: при ежедневной опасности видѣть Франковъ въ своей землѣ, это было бы съ ихъ стороны слишкомъ безразсудно; и притомъ, откуда бы взялся франкскій полководецъ въ войскѣ Бодричей, если бы война произошла отъ неожиданнаго на нихъ нападенія, и не была подготовлена самими Франками?

отъ Плунскаго озера (1), на границѣ нѣмецкой и славянской земли). Произошла кровопролитная сѣча, какихъ въ то время видали мало (2). Бодричей велъ Дражко; а надъ правымъ ихъ крыломъ начальствовалъ Карловъ посланецъ Эберминъ. Славяне одержали полную побѣду. Эберминъ, воротившись назадъ къ своему государю, разсказывалъ, что Саксовъ при первой схваткѣ пало до 4000 (3), что они обратились въ бѣгство и при преслѣдованіи потеряли еще множество народу и что остатки ихъ разошлись по домамъ.

Побѣдитель Дражко, съ другими Бодричами, явился, послѣ этого подвига, на поклонъ къ Карлу въ Турингію и принятъ былъ королемъ съ необыкновенными почестями.

Зависимость Бодричей отъ Франкской державы утверждалась все болѣе и болѣе. На другой годъ послѣ ихъ побѣды у Свентаны, Карлъ, стараясь объ утвержденіи своей власти и христіанской церкви между покоренными, наконецъ, Саксами, отправилъ одного изъ своихъ сыновей съ отрядомъ войска къ Эльбѣ. Когда молодой королевичъ (по имени тоже Карлъ) приблизился къ ихъ границѣ, залабскіе Славяне, Бодричи и Велеты явились къ нему, какъ къ судьѣ, и онъ разобралъ и порѣшилъ ихъ взаимные споры и жалобы. Независимо отъ этого, онъ исполнилъ другое порученіе своего отца; онъ вошелъ въ сношенія съ Нордалбингскими Саксами. Не оправившись еще отъ пораженія, нанесеннаго имъ Бодричами, эти Саксы предстали въ его станъ съ повинною и дали ему заложниковъ (799 годъ) (4).

Около четырехъ лѣтъ все въ этой сторонѣ было спокойно, пока въ Римѣ (въ 800 году) совершался союзъ главы романо-германскихъ народовъ съ главою западной церкви и возобновлялась, подъ сѣнію папства, древняя идея Римской имперіи. Ничего не было слышно въ западной Европѣ о Славянскомъ поморьѣ; только кое-когда спорили и враждовали между собою мелкіе князья Балтійскихъ Славянъ—дѣло обычное. Наконецъ, въ 804 году, новый

---

(1) См. Ledebur, Kritische Beleuchtung, и проч. стр. 121.

(2) Эингардъ: ingens caedes.

(3) Эингардъ, M. G. I, 185.—Annales Laureshamenses говорятъ, что Саксовъ пало 2901 человѣкъ, Chronicon Moissiac. (M. G. I, 303)—2800.

(4) Эингардъ подъ 799 г., M. G. I, 187.

императоръ захотѣлъ посѣтить свои сѣверо-восточныя области, и съ большимъ войскомъ прошедши всю землю Саксовъ, расположился станомъ близъ устья Эльбы. Сюда явились къ нему, съ множествомъ подарковъ, князь Дражко и другіе князья славянскіе. Они изложили Карлу свои распри. Въ чемъ состояли онѣ, догадаться не трудно, хотя лѣтописецъ прямо не объясняетъ ихъ; Бодричи, конечно, продолжали враждовать съ Велетами, а князья мелкихъ племенъ бодрицкихъ, вѣрно, не хотѣли подчиняться Дражкѣ, какъ старшему князю. Императоръ выслушалъ ихъ и произнесъ свое рѣшеніе; Дражка онъ велѣлъ признавать старшимъ княземъ надъ всѣми племенами Бодричей или, какъ мы можемъ назвать его, великимъ княземъ бодрицкимъ, онъ провозгласилъ его, по выраженію лѣтописца, «королемъ» славянскимъ (¹).

Мало того, что германскій императоръ велъ такимъ образомъ Балтійскихъ Славянъ къ единодержавію и этимъ, казалось, приготовлялъ имъ своими руками спасеніе отъ Германіи; необходимость опереться на сосѣднія славянскія племена, для окончательнаго подчиненія Саксовъ, побудила Карла Великаго къ новому дѣлу въ пользу этихъ племенъ, къ такому дѣлу, послѣдствія котораго могли быть неизмѣримо важны. Когда Карлъ посѣтилъ низовья Эльбы, въ 804 году, Нордальбингскіе Саксы, ослабленные побѣдою Бодричей и не находя уже союзниковъ между соплеменниками своими на западной сторонѣ рѣки, отдались совершенно на произволъ завоевателя. Карлъ велѣлъ переселять ихъ съ семействами вовнутрь Германіи и во Францію, а Нордальбингію, т. е. западную часть Голштиніи до устья Эльбы и берега Нѣмецкаго моря, отдалъ Славянамъ-Бодричамъ (²).

(¹) Эингардъ подъ 804 г. (M. G. I, 191): in quibus castris etiam Sclavorum principes adfuerunt; quorum causis discussis et secundum arbitrium dispositis, regem illis Trasiconem constituit.

(²) Annal. Lauriss. подъ 804 г. (M. G. I, 191): Missisque inde exercitibus suis per diversas partes Saxoniae, tam perfidos illes ad quos ultra Albiam transierat, quam illos qui in Wigmoti (такъ называлась волость Саксовъ между устьями Везера и Эльбы) manebant et frequentibus maleficiis populum Saxonum a via veritatis averterant, cum mulieribus et infantibus, Deo auxiliante, sapientissima dispositione de Saxonia per diversas vias dirigens, funditus exterminavit, et per Gallias caeterasque regiones regni sui sine ulla laesione exercitus sui dispersit. Pagos transalbianos Abodritis dedit.—Annal. Fuldenses (тамъ же, 353): Saxones transalbianos cum mulieribus et natis transtulit in Franciam et pagos transalbianos Abodritis dedit.

Конечно, нельзя подозрѣвать въ Карлѣ особеннаго желанія покровительствовать Славянамъ и способствовать ихъ политической самостоятельности. Но легко понять, почему онъ принялъ тогда эту мѣру. Онъ былъ увѣренъ въ томъ, что Бодричи ему не измѣнятъ: въ этомъ ручались ихъ отношенія къ сосѣдямъ, Саксамъ съ одной стороны, Велетамъ съ другой. Отдать имъ всю Голштинію казалось Карлу не только выгоднымъ, но и необходимымъ, чтобы обезпечить себя со стороны третьихъ, сѣверныхъ, сосѣдей бодрицкой земли, Датчанъ. Датчане прежде уже находились во враждебномъ отношеніи къ Франкамъ и всѣми силами поддерживали Саксовъ въ борьбѣ съ Карломъ. Предводитель Саксовъ, Видукиндъ, былъ зятемъ датскаго короля Сигфрида; Видукиндъ и всѣ вообще недовольные франкскою властію Саксы находили въ Даніи всегда готовое убѣжище; преемникъ Сигфрида Годофридъ все дѣятельнѣе и дѣятельнѣе выступалъ противъ франкской имперіи. Именно въ этомъ самомъ 804 году, онъ собралъ на своей границѣ, въ Шлесторнѣ (теперешнемъ Шлезвигѣ) всѣ свои корабли и войска, и не смотря на обѣщаніе, имъ данное Карлу, вступить съ нимъ въ переговоры и пріѣхать къ нему на свиданіе, вдругъ отказался отъ сношеній съ франкскою имперіею. Что же могло быть выгоднѣе для Карла, какъ уступкою Бодричамъ западной Голштиніи пресѣчь непосредственное соприкосновеніе Датчанъ съ ихъ давнишними друзьями Саксами и отдѣлить Данію отъ имперіи славянскимъ племенемъ, искони враждебнымъ Датчанамъ?

Но тѣмъ самымъ Бодричи достигали безъ труда (хотя, правда, по чужой милости) той цѣли, къ которой они стремились столько вѣковъ и для которой ихъ мужественные собратья, Вагры, проливали столько крови: они достигали полнаго обладанія правымъ берегомъ Эльбы. Этимъ утверждалось окончательно господство Славянъ надъ прибалтійскими странами, и Нѣмцамъ уже не было прямаго къ нимъ доступа; между Балтійскими Славянами и Нѣмцами, по всему протяженію ихъ границы, ложилась, какъ крѣпкій рубежъ, широкая рѣка, и поводъ къ народной войнѣ между ними исчезалъ

Рудольфъ, въ сказаніи о перенесеніи мощей св. Александра въ Фульдскій монастырь (M. G. II, 673 seqq. c. 3), говоритъ, что Карлъ переселилъ съ обѣихъ сторонъ Эльбы 10,000 человѣкъ Саксовъ съ женами и дѣтьми и разсѣялъ ихъ по Германіи и Галліи.

самъ собою. Наконецъ, Славяне получали, съ устьемъ Эльбы, великолѣпное для торговли мѣсто, гдѣ потомъ построился Гамбургъ. Владѣя имъ, такой предпріимчивый и отважный на морѣ народъ, каковъ были Балтійскіе Славяне, могъ тотчасъ выйти изъ тѣснаго круга сношеній, въ которомъ его заключали Нѣмцы и Скандинавы, и вступить въ общеніе съ остальными землями Запада. Германская имперія приносила къ Славянамъ, мы знаемъ, христіанство, не какъ чистое ученіе вѣры, а вмѣстѣ съ тѣмъ какъ залогъ свѣтскаго подчиненія ихъ нѣмецкому государству и народу; но отъ устья Эльбы близко было до Англіи, до Англіи Виллиброда и Альфреда Великаго, которая такъ ревностно сѣяла христіанство въ Европѣ; а въ Англію путь былъ уже знакомъ Балтійскимъ Славянамъ. Кто знаетъ, не пришло ли бы къ нимъ оттуда просвѣтительное начало христіанства, которое ихъ отталкивало въ томъ видѣ, въ какомъ оно предлагалось имъ эгоистическою Германіей?

Вотъ какую будущность Карлъ, слѣдуя своимъ собственнымъ политическимъ разсчетамъ, открывалъ Бодричамъ и ихъ соплеменникамъ: установленіе единовластія, прекращеніе народной войны съ Саксами на правомъ берегу Эльбы, сообщеніе черезъ Нѣмецкое море съ Западомъ, наконецъ, мирное и свободное обращеніе въ христіанство.

IV.

Ударъ Датчанъ и Франковъ на Бодричей. Основаніе нѣмецкой крѣпости на правомъ берегу Эльбы. 804—810.

Даръ западнаго государя не пошелъ Бодричамъ въ прокъ. Скоро отвѣдали они горькихъ плодовъ союза съ Германіею.

Три года прошли мирно; неизвѣстно, насколько Бодричи успѣли утвердиться въ это время въ отданной имъ Карломъ землѣ, но видно, что на устьѣ Эльбы начиналъ уже водворяться торговый обмѣнъ Германіи съ Славянскимъ поморьемъ. Когда императоръ Карлъ, въ 805 году, постановлялъ законъ о торговыхъ сношеніяхъ своихъ подданныхъ съ заграничными землями, то изъ трехъ мѣстъ, гдѣ допущена была мѣна съ Балтійскими Славянами и учреждено нѣчто въ родѣ таможень, два пункта назначены были близъ устья Эльбы (въ сѣверовосточномъ углу нынѣшняго Ганноверскаго ко-

ролевства), въ весьма близкомъ одинъ отъ другаго разстояніи, именно въ Бардовикѣ и Шезлѣ, и только одинъ на всемъ протяженіи средней Эльбы, въ Магдебургѣ, гдѣ Нѣмцы могли торговать съ Стодорскою землею ([1]). Мѣры, принятыя Карломъ для устройства торговли съ Славянами на нѣмецкой сторонѣ устья Эльбы, показываютъ, какъ важно было для Славянъ пріобрѣтеніе мѣста, гдѣ теперь стоитъ Гамбургъ. Замѣтимъ кстати, какъ признакъ политики Карла въ отношеніи къ Славянамъ, даже къ вѣрнымъ союзникамъ его, Бодричамъ, что онъ строго запретилъ продавать имъ оружіе и брони; онъ постановилъ правила, по-видимому весьма дѣйствительныя для прекращенія запрещеннаго торга: у того, кто везъ оружіе къ Славянамъ, весь товаръ отбирался и половина раздѣлялась поровну между сыщикомъ и смотрителемъ торговаго пункта; только другая половина поступала въ казну.

Еще пока Бодричи пользовались милостью западнаго императора, они могли предвидѣть участь, которая ихъ ожидала: 806 годъ прошелъ въ кровавой войнѣ Германіи съ ближайшими сосѣдями Балтійскихъ Славянъ, Полабскими Сербами. Война эта, въ которой погибъ сербскій князь Милодухъ, окончилась тѣмъ, что для удержанія въ покорности подчинившихся Карлу западныхъ племенъ сербскихъ между Солявою и Лабою (Салою и Эльбою), построена была нѣмецкая крѣпость (Галла, Halle) на восточномъ, славянскомъ берегу Салы ([2]) и основана на границѣ Сербовъ нѣмецкая *марка* (или мархія), т. е. рядъ военныхъ поселеній. Жители *марки*, поставленные подъ начальство военнаго начальника, *маркграфа*, обязаны были постоянно быть наготовѣ для сраженія съ пограничными племенами ([3]). Эти учрежденія коснулись и юж-

---

([1]) Capitulare Caroli Magni 805 года (M. G. Leges I, 133). De negotiatoribus, qui partibus Sclavorum et Avarorum pergent, qua usque procedere cum suis negotiis debeant, id est in partibus Saxonie usque ad Bardaenowic, ubi praevideat Hredi; et ad Schezla, ubi Madalgaudus praevideat; et ad Magadoburg, praevideat Aito . . . Et ut arma et brunias (т. е. loricas, см. словарь Граффа: это древне-нѣмецкое слово, не имѣющее корня въ германскихъ нарѣчіяхъ, очевидно славянское: *броня*) non ducant ad venundandum. Quod si inventi fuerint portantes, ut omnis substantia eorum auferatur ab eis, dimidia quidem pars partibus palatii, alia vero medietas inter missum et inventorem dividatur.

([2]) Chron. Moissiac. (M. G. I, 308) подъ 806 годомъ.

([3]) Capitulare Caroli Magni (M. G. Leges I, 149) 807 года: Si vero circa Surabis patria defendenda necessitas fuerit, tunc omnes generaliter veniant:

ной части Балтійскихъ Славянъ: Карлъ занялъ, въ томъ же 806 году, нѣмецкимъ укрѣпленнымъ поселеніемъ участокъ на правомъ же берегу Эльбы, насупротивъ Магдебурга (¹), въ землѣ Стодорскаго племени Морачанъ, которое, вѣроятно, помогало своимъ сосѣдямъ Сербамъ въ войнѣ съ Нѣмцами и этимъ дало поводъ къ такому распоряженію. Это было первымъ шагомъ Германіи къ водворенію своего непосредственнаго владычества на правомъ берегу Эльбы, на славянской землѣ.

Скоро очередь дошла и до Бодричей, и тутъ Германской имперіи помогли враги ея, Датчане.

Датчанамъ и ихъ смѣлому вождю, королю Годофриду, конечно, горько было видѣть, какъ франкскій завоеватель выводилъ изъ Нордалбингіи ихъ вѣрныхъ друзей, Саксовъ, и какъ въ этой пограничной съ Даніею землѣ утверждались всегдашніе непріятели Датчанъ, Славяне. Послѣ переговоровъ съ Карломъ, которые, какъ видно, не привели ни къ чему, Годофридъ вдругъ рѣшился— однимъ ударомъ сломить силу Бодричей въ своемъ сосѣдствѣ.

Онъ снесся съ Велетами, которые были друзьями Датчанъ, потому что ненавидѣли Бодричей; онъ сговорился съ двумя племенами Бодричей, Глинянами и Смольнянами, которымъ не по сердцу была власть, дарованная Карломъ князю Дражкѣ надъ всею землею Бодрицкою, и поплылъ съ своими кораблями къ славянскому берегу (808 г.). Велеты, съ своей стороны, вторглись въ землю Бодричей. Годофридъ соединился съ ними. Закипѣла война въ прибрежныхъ мѣстахъ. Нѣсколько бодрицкихъ *градовъ* (т. е. укрѣпленій, castella) взяты были Велетами и Датчанами; Годофридъ овладѣлъ и главною торговою пристанью Бодричей, которая находилась, кажется, близъ нынѣшняго Висмара и которую Датчане называли *Рерикъ* (²) (по видимому, славянское имя ея было Рарогъ) (³). Драж-

---

(¹) Chron. Moissiac, тамъ же. Einhardi Annal. M. G, I, 193. Annal. Tilian. тамъ же 224.

(²) Эингардъ, M. G. I, 195: emporium, quod in oceani litore constitutum, lingua Danorum Reric dicebatur.

(³) Это имя темно. Подлинность его подтверждается тѣмъ, что сами Бодричи, по словамъ двухъ вѣрнѣйшихъ свидѣтелей касательно славянскаго поморья, Адама Бременскаго и Гельмольда, назывались другимъ именемъ Reregi (тоже говоритъ и Annalista Saxo подъ 932 г.). Шафарикъ, читающій это имя *Рарогъ, Рарожане*, производитъ его отъ слова *рарогъ*, существующаго до сихъ поръ въ польскомъ

ко оставилъ свою родину, гдѣ велико-княжеская власть, освященная приговоромъ Западнаго императора, окружила его врагами: онъ бѣжалъ, безъ сомнѣнія, въ Германію. Другой бодрицкій князь, Годолюбъ [1], попался измѣною въ руки датскаго короля и былъ имъ повѣшенъ. Но и лишившись одного князя, покинутый другимъ, Бодрицкій народъ продолжалъ защищаться храбро. Годофридъ потерялъ значительную часть своего войска; лучшіе и отважнѣйшіе витязи датскіе пали; племянникъ короля, Регинальдъ, занимавшій послѣ Годофрида первое мѣсто въ войскѣ, былъ убитъ при осадѣ какого-то бодрицкаго укрѣпленія, вмѣстѣ съ многими другими вождями. Тѣмъ не менѣе, сила Бодричей была сломлена въ неровной борьбѣ, и большая часть Бодрицкой земли (двѣ трети ея, по словамъ нѣмецкаго лѣтописца) обязалась платить дань датскому государю. Этому условію, вѣроятно, принуждены были подчиниться именно ближайшія къ Даніи бодрицкія волости въ Голштиніи и около Висмарскаго залива.

Вѣсть о нападеніи Датчанъ и Велетовъ на Бодричей принесена была императору Карлу въ Ахенъ, вскорѣ послѣ Пасхи. Онъ тотчасъ отправилъ къ Эльбѣ своего сына Карла, съ сильнымъ войскомъ Франковъ и Саксовъ. За Бодричей, за своихъ вѣрныхъ союзниковъ и слугъ на Славянскомъ поморьѣ, онъ ему не велѣлъ заступаться (а прежде, какъ усердно бралъ онъ сторону Бодричей противъ другихъ Славянъ, Велетовъ!); онъ приказалъ ему только стать на берегу Эльбы и дѣйствовать противъ датскаго ко-

---

языкѣ, въ значеніи особой породы соколовъ, и сравниваетъ его съ именемъ деревни въ Польшѣ, въ Плоцкомъ краѣ, Рарогъ, и съ подобными именами другихъ славянскихъ городовъ и замковъ, Орелъ, Соколъ, Ястребъ. Это объясненіе мы должны признать несомнѣнно вѣрнымъ, если примемъ, что имя города *Reric* и второе имя племени Бодричей, *Reregi*, были имена дѣйствительно славянскія, а не данныя имъ иностранцами, и если мы, такимъ образомъ, не придадимъ особеннаго вѣса выраженію лѣтописца Эингарда: emporium quod. . . *lingua Danorum* Reric vocabatur. Вопросъ затрудняется еще датскимъ лѣтописцемъ Гамсфортомъ (у Лангебека I, 45): «Dani Gotorici auspiciis (Готрикомъ Скандинавы называли Годофрида, см. Saxo Gr. I, 135) Rethrum emporium Henetum nobile capiunt». Смѣшалъ ли Гамсфортъ бодрицкій городъ, взятый Датчанами, съ знаменитымъ городомъ Лютичей Радигощемъ, который Нѣмцы и Скандинавы называли Ретрою,—хотя Ретра лежала далеко отъ Даніи и отъ моря? Сохранила ли намъ датская лѣтопись, напротивъ, болѣе вѣрную форму имени города?

[1] Godelaibus: Эингардъ, тамъ же.

роля въ томъ случаѣ, если бы Годофридъ вздумалъ напасть на земли Саксовъ.

Годофридъ, вслѣдствіе ли потерь въ своемъ войскѣ и приближающихся осеннихъ непогодъ, или изъ опасенія передъ Франками, рѣшился оставить Славянское поморье. Предварительно онъ захотѣлъ нанести еще ударъ Бодрицкой землѣ—уничтоженіемъ ея торговли. Онъ разрушилъ Рарогъ, не смотря на то, что торговля этого города была чрезвычайно прибыльна для датской казны, въ которую поступало отъ нея много пошлинъ (1). Тамошнихъ купцовъ онъ взялъ на свои корабли и отплылъ съ своимъ войскомъ обратно въ Шлезторпъ: тутъ, какъ видно, Годофридъ поселилъ захваченныхъ въ Рарогѣ купцовъ, чтобы сосредоточить въ своихъ владѣніяхъ торговлю южнаго берега Балтійскаго поморья, отбивъ ее у Славянъ (2). Вскорѣ *Шлейская деревня* (Шлезторпъ) стала именоваться *Шлейскимъ городомъ* (Шлезвикъ) (3). Славянская стихія способствовала, такимъ образомъ, къ водворенію торговаго мореплаванія на датскихъ берегахъ, которые высылали въ эти вѣка столько судовъ на войну и разбой.

По отплытіи Датчанъ изъ Бодрицкой земли, Велеты тоже удалились изъ нея съ захваченною добычею. А затѣмъ въ Бодрицкую землю вступило войско Франковъ, подъ предводительствомъ Карла младшаго. За чѣмъ оно до тѣхъ поръ стояло за Эльбою и не поспѣшило на выручку Бодричамъ? И съ какою цѣлью вступало оно къ нимъ теперь, когда опасность для нихъ миновалась? Чтобы возстановить ихъ, освободить отъ дани, наложенной Датчанами, утвердить власть изгнаннаго великаго князя? Нѣтъ: политика нѣмецкаго государя въ отношеніи къ Бодричамъ была теперь уже совсѣмъ другаго рода. Войско Франковъ и Саксовъ, построивъ мостъ на Эльбѣ, вторглось въ волости Глинянъ и Смольнянъ, которые жили по правому берегу этой рѣки, въ юго-западной части нынѣшней Мекленбургіи: подъ предлогомъ наказать ихъ за измѣну ве-

---

(1) Эйнгардъ, тамъ же: magnam regno illius (т. е. Godofridi) commoditatem vectigalium persolutione praestabat.

(2) Эйнгардъ прямо не называетъ мѣста, куда Годофридъ перевелъ купцовъ изъ разрушеннаго славянскаго торговаго города; но таковъ несомнѣнно смыслъ его словъ: destructo emporio . . . Reric . . . translatisque inde negotiatoribus, soluta classe ad portum qui Sliesthorp dicitur, cum universo exercitu venit.

(3) Шлезвигъ значитъ Шлейскій городъ: имя происходитъ отъ рѣки Шлеи.

лискому князю Дражкѣ и союзъ съ Датчанами, молодой Карлъ принялся разорять ихъ землю. Весьма вѣроятно (какъ показываютъ событія, наступившія вскорѣ затѣмъ), что уже тогда намѣреніе императора было утвердиться военной силой въ странѣ недавнихъ союзниковъ своихъ Бодричей. Но походъ его сына не удался; молодой Карлъ потерялъ много людей, и возвратился въ Германію. Объ этой неудачѣ разсказываетъ, правда, только одна лѣтопись (¹), а императорскій исторіографъ и панегиристъ Эингардъ пишетъ, что походъ Франковъ въ землю Глинянъ и Смольнянъ кончился благополучнымъ возвращеніемъ Карла и всего его войска за Эльбу; но, разумѣется, первое показаніе, въ особенности когда дѣло идетъ о войнѣ съ варварами-Славянами, заслуживаетъ большаго довѣрія (²).

Мы сказали, что политика Западнаго императора въ отношеніи къ Балтійскимъ Славянамъ была уже совсѣмъ не та, какъ нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, въ то время, когда онъ нуждался въ ихъ содѣйствіи для покоренія Саксовъ. Теперь земля Саксовъ окончательно вошла въ составъ Германской имперіи и начинала жить общею жизнію германо-романскаго міра. Упрочивъ за имперіею границу по лѣвому берегу Эльбы, Карлъ естественно захотѣлъ, вслѣдствіе самой идеи, руководившей имъ, какъ представителемъ тогдашняго Запада, подчинить имперіи сосѣднія славянскія племена на Балтійскомъ поморьѣ, точно также какъ онъ пытался, и отчасти успѣлъ, сдѣлать это на берегу Адріатики, на среднемъ Дунаѣ, въ Чехіи и у Полабскихъ Сербовъ.

Пользуясь ослабленіемъ Бодричей, онъ тотчасъ взялъ назадъ

(¹) Annal. Lauriss. (M. G. I, 121) подъ 808 годомъ: Carlus filius imperatoris Carli perrexit cum exercitu Francorum in Winidos ultra flumen Albia, sed tamen eo tempore non prosperatus est transitus eius, sed de plurimi Francorum occisi sunt.

(²) Эингардъ, Annal. (M. G. I, 195) подъ 808 годомъ: Filius autem imperatoris Karlus Albiam ponte iunxit et exercitum cui praeerat in Linones et Smeldingos, qui et ipsi ad Godofridum regem defecerant, quanta potuit celeritate transposuit (это было однако же по удаленіи Годофрида изъ земли Бодричей, какъ видно изъ предъидущихъ словъ лѣтописца), populatisque circumquaque eorum agris, transito iterum flumine cum incolumi exercitu in Saxoniam se recepit.—Всѣ остальныя извѣстія этого года разсказаны нами по Эингарду, съ которымъ согласны прочія современныя лѣтописи, опускающія только тѣ или другія подробности. См. Chron. Moissiac. (M. G. I, 308), Annal. Fuldens., тамъ же 354, Chron. Reginonis, тамъ же 564.

у нихъ свой прежній даръ, землю Нордальбингскихъ Саксовъ за устьемъ Эльбы (западную Голштинію), и приступилъ къ основанію военной линіи на низовьяхъ этой рѣки, на подобіе тѣхъ, которыя устроивались и по остальной границѣ имперіи, для подчиненія славянскихъ народовъ. Еще въ концѣ того же 808 года началось первое учрежденіе постоянной военной силы нѣмецкой, направленной противъ Славянскаго поморья ([1]). Военная украина или *марка* въ этой сторонѣ дѣлилась на двѣ части. Одна шла по лѣвому берегу Эльбы, насупротивъ земли Глинянъ и Смольнянъ, или Полабцевъ (прибрежныхъ къ Эльбѣ вѣтвей Бодрицкаго племени) и сдѣлалась основаніемъ позднѣйшей, такъ называемой *Старой марки* (Altmark), изъ которой развилось въ послѣдствіи завоевательное государство Бранденбургское. Въ этой маркѣ построена была у берега Эльбы крѣпость Hochbuoki (близь нын. ганноверскаго мѣстечка Garlow, насупротивъ города славянскаго племени Смольнянъ, Лончина, теперешняго Lenzen) ([2]). Другую марку Карлъ основалъ на правомъ берегу Эльбы, въ землѣ Нордальбингскихъ Саксовъ, возвращенной отъ Бодричей. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не смотря на мѣры, принятыя недавно, чтобы вывести отсюда строптивое саксонское населеніе, значительная часть его укрылась въ своихъ жилищахъ и уцѣлѣла подъ мимолетнымъ владычествомъ Бодричей. Теперь эти Саксы изъ враговъ имперіи сдѣлались ея оплотомъ и, какъ видно изъ событій вскорѣ послѣдовавшихъ, горячо приняли къ сердцу общее дѣло Германіи противъ враговъ-Славянъ. Вѣроятно, императоръ, отличавшійся удивительнымъ духомъ организаціи, умѣлъ дать имъ правильное военное устройство и усилилъ ихъ военными поселенцами, набранными въ другихъ волостяхъ Саксовъ: по крайней мѣрѣ, мы положительно знаемъ о водвореніи такихъ колоній въ другой маркѣ, учрежденной противъ Балтійскихъ Славянъ, о которой мы только что упомянули ([3]). Въ Нордальбингской маркѣ тоже построена была

([1]) Эингардъ подъ 808 годомъ (тамъ же): Imperator, aedificatis per legatos suos super Albim . . . . duobus castellis, praesidioque in eis contra Sclavorum incursiones disposito, Aquisgrani hiemavit.

([2]) См. объ этомъ статью Ведекинда (Noten zu einigen Geschichtschreibern des eutschen Mittelalters. VI, 152): въ указанномъ мѣстѣ близь Гартова находится пригорокъ, весьма годный для военнаго поста и называемый до сихъ поръ Hobeck.

([3]) Эингардъ подъ 810 г. (M. G. I, 197): castellum. . . .Hohbuoki, in quo Odo legatus imperatoris et Saxonum orientalium erat draesidium.

крѣпость; современный лѣтописецъ не называетъ ея по имени; но не можетъ быть сомнѣнія, что она стояла на мѣстѣ нынѣшняго Гамбурга. На это указываютъ событія и документы ближайшаго времени и преданіе, записанное въ XI вѣкѣ. Карлъ не могъ не понять важности этого мѣста, какъ лучшей точки опоры для наступательныхъ дѣйствій на сѣверъ и востокъ отъ Эльбы, и хотѣлъ сдѣлать изъ Гамбурга основную точку для преобладанія Германіи надъ прибалтійскими Славянами и Скандинавами: тутъ должна была, по его предначертанію, возникнуть нѣмецкая митрополія для сѣверныхъ народовъ. Потому онъ, при раздѣленіи земли Саксовъ на епархіи, нарочно не причислилъ Нордалбингіи ни къ одной изъ новоучрежденныхъ епископскихъ каѳедръ на лѣвомъ берегу Эльбы. Въ Гамбургѣ онъ заложилъ (кажется, около 810 года) церковь и для посвященія ея вызвалъ изъ-за Рейна епископа Трирскаго, чтобы не дать сосѣднимъ саксонскимъ епископамъ предлога къ притязаніямъ на Залабскій край. Церковь эту онъ поручилъ какому-то священнику Геридагу, котораго и предназначалъ къ занятію будущей епископской каѳедры въ Гамбургѣ; на случай непріятельскаго нападенія, онъ пожаловалъ ему во Фландріи монастырь, гдѣ онъ могъ укрываться на время опасности. Но Геридагъ вскорѣ умеръ, и военныя тревоги въ Нордалбингіи помѣшали Карлу приступить къ учрежденію гамбургской митрополіи (¹). Его мысль осуществилась въ царствованіе его сына. Покуда нужно было думать еще только о военномъ утвержденіи въ Нордалбингіи. Неразуміе Бодричей помогло въ этомъ Германіи.

Предшествовавшія событія еще недостаточно убѣдили ихъ въ опасности со стороны Запада. Они не обратили вниманія на то, что Карлъ, которому они оказали столько услугъ, не только не поддержалъ ихъ во время опасности, но тотчасъ послѣ нападенія на

(¹) Rimberti vita S. Anskarii, 12.—Адамъ Бременск. I, 15. Quo tempore quum Sclavorum quoque gentes Francorum imperio subicerentur, fertur Karolus Hammaburg civitatem Nordalbingorum, extructa ibidem ecclesia, Heridago cuidam sancto viro, quem loci episcopum designavit, ad regendum commendasse. Cui etiam propter infestationem barbaricam, ubi interdum posset consistere, cellam Rodnach (Renaix in Flandria orientali: vide diplom. Hludovici 834, Maii 15, ecclesiae Hammaburgensi: примѣчаніе издателя въ Mon. Germ.) donavit, disponens eandem Hammaburgensem ecclesiam cunctis Sclavorum Danorumque gentibus metropolim statuere. In qua re ad perfectum ducenda et mors Heridagi presbyteri et occupatio regni Karolum imperatorem . . . . impedivit.

нихъ Датчанъ, вступилъ въ мирные переговоры съ королемъ Годофридомъ. Весь гнѣвъ ихъ былъ направленъ на ихъ же братій, Велетовъ. Какъ скоро великій князь Дражко, воспользовавшись тишиною, наставшею послѣ отплытія датскаго короля, возвратился въ свое княжество, онъ сталъ готовить месть этимъ домашнимъ врагамъ бодрицкаго племени. Для того онъ поспѣшилъ помириться съ главнымъ виновникомъ бѣды, постигшей его и Бодрицкую землю, съ датскимъ государемъ, и даже далъ ему въ заложники своего сына, лишь бы Годофридъ отказался отъ содѣйствія Велетамъ. Затѣмъ, онъ заключилъ союзъ съ другимъ исконнымъ врагомъ своего народа, Саксами, содержавшими военную линію на Эльбѣ, и Саксы, дѣйствуя уже какъ подданные императора Карла, обѣщали бодрицкому князю вспомогательный отрядъ противъ прежнихъ друзей своихъ, Велетовъ (809 годъ). Замѣчательная перемѣна отношеній, свидѣтельствующая о томъ, что Саксы уже забыли свои прежнія племенныя вражды и связи, и сдѣлались представителями интересовъ Германской имперіи въ славянскихъ дѣлахъ. Саксы въ 809 году играютъ ту же роль на Славянскомъ поморьѣ, какую въ 789-мъ играли Франки, подъ предводительствомъ Карла, въ противность Саксамъ: они теперь поддерживаютъ ближайшую и слабѣйшую славянскую вѣтвь, противъ которой вели такъ долго пограничную войну, пока стояли на одинаковой съ нею ступени племеннаго быта, и пользуются союзомъ съ нею для нанесенія ударовъ отдаленнѣйшей и сильнѣйшей вѣтви, главной хранительницѣ славянской независимости на поморьѣ.

Походъ Дражка съ отрядомъ Саксовъ противъ Велетовъ былъ весьма удаченъ. Они опустошили огнемъ и мечемъ Велетскую землю и возвратились оттуда съ огромною добычею.

За тѣмъ, Дражко выпросилъ себѣ еще бо́льшее подкрѣпленіе изъ саксонской *марки* и пошелъ войною на Смольнянъ, которые, какъ мы знаемъ, отпали отъ союза бодрицкихъ племенъ, и заключивъ дружбу съ врагами Нѣмцевъ, Велетами и Датчанами, нанесли въ предъидущемъ году значительный уронъ войску Карла Великаго. Бодричи и Саксы взяли и разрушили главный городъ Смольнянъ, который нѣмецкая лѣтопись называетъ Connoburg (¹): предполага-

---

(¹) Chron. Moissiac. (M. G. I, 308) подъ 809 годомъ: Karolus . . . in illa aestate misit scaras suas ad marchias. Et aliquic d—llis Saxones venerunt ultra Albiam et

ютъ, что онъ лежалъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ село Konow, близъ городка Dömitz, въ южной оконечности Мекленбургіи (¹). Нѣмецкое названіе *Connoburg*, вѣроятно, передѣлано изъ славянскаго Конёва.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта война велась не противъ однихъ только Смольнянъ, племени слабаго, занимавшаго, какъ видно, малое пространство земли. Конечно, Смольнянамъ помогали ихъ сосѣди и всегдашніе союзники Глиняне и другія вѣтви Бодричей, не хотѣвшія повиноваться велико-княжеской власти Дражка: иначе трудно бы было понять, почему бы Дражко, для борьбы съ Смольнянами, потребовалъ у Германіи бо́льшихъ вспомогательныхъ силъ, нежели для похода противъ могущественныхъ Велетовъ. Важное значеніе войны, которая велась тогда въ краѣ Смольнянъ, видно изъ того, что взятіе главнаго ихъ города повлекло за собою усмиреніе всѣхъ бодрицкихъ племенъ: всѣ онѣ снова покорились Дражкѣ, какъ своему общему князю.

Но это ни къ чему уже не вело. Уже не воротить было Бодричамъ устья Эльбы и прежняго своего могущества. Германія болѣе и болѣе утверждалась въ Нордалбингіи и умножала тутъ свои военныя силы, на порогѣ Балтійскаго поморья. Еще въ томъ же 809 году императоръ Карлъ велѣлъ собрать во Франціи и Германіи людей годныхъ къ военному ремеслу, снабдилъ ихъ оружіемъ и всѣмъ нужнымъ для переселенія и отправилъ ихъ моремъ изъ Фрисландіи въ устье Эльбы. Кажется, ихъ водвореніе возложено было на вѣрнаго слугу Нѣмцевъ, бодрицкаго князя Дражка. Но судьба избавила его отъ тяжелой обязанности—готовить Германіи новую силу къ завоеванію его собственной родины. Онъ былъ убитъ въ Рарогѣ (извѣстной намъ торговой пристани Бодричей) людьми, подосланными датскимъ королемъ Годофридомъ. Императоръ Карлъ

---

fregerunt ibi unam civitatem cum nostris Hwinidis qui appellantur Semeldinc, Connoburg. Эингардъ (тамъ же, 196): Thrasco vero dux Abodritorum, postquam filium suum postulanti Godofrido obsidem dederat, collecta popularium manu et auxilio a Saxonibus accepto, vicinos suos Wiltzos aggressus, agros eorum ferro et igni vastat, regressusque domum cum ingenti praeda, accepto iterum a Saxonibus validiori auxilio, Smeldingorum maximam civitatem expugnat, atque his successibus omnes, qui ab eo defecerant, ad suam societatem reverti coëgit. Сравни также Annal. Fuldens. тамъ же 351, Chron. Reginonis, тамъ же 563.

(¹) См. Ledebur, Feldzüge и проч. стр. 185 и слѣд. Что въ этомъ именно краѣ находилась земля Смольнянъ, подтверждается существованіемъ тамъ мѣстностей Gross—Schmölen и Klein—Schmölen (Schmölen—Смольно).

поручилъ устройство переселенія одному изъ своихъ графовъ, Эгберту. На рѣкѣ Стыри (Sturia, Stör), впадающей въ Эльбу у самаго ея устья, выбрано было средоточіе для военныхъ силъ въ Нордалбингіи. Мѣсто это называлось Эзесфельдъ. Эгбертъ и другіе графы (волостные начальники) Саксовъ привели сюда вооруженныхъ колонистовъ, и въ мартѣ 810 года приступили къ постройкѣ крѣпости Эзесфельдобургъ, которая теперь называется Itzehoe (въ западной Голштиніи, на сѣверъ отъ Глюкштадта). Этимъ Залабская марка получила окончательное утвержденіе. Она въ предположеніяхъ Карла основана была столько же противъ Датчанъ, сколько противъ Славянъ, и кажется даже, что желаніе имѣть пограничную точку опоры противъ Датчанъ, которые начинали сильно тревожить Германію и Францію своими нападеніями съ моря, болѣе всего побудило тогда Карла къ военному занятію Нордалбингіи (¹). Но въ своихъ послѣдствіяхъ эта мѣра оказалась направленною почти исключительно противъ Славянъ. Съ Датчанами Германія мало-помалу ужилась: голосъ кровнаго родства былъ сильнѣе политическаго соперничества, и Данія вступила въ братство западныхъ народовъ. Съ Балтійскими Славянами Германія ужиться не могла, и братства между ними никогда не настало. Для Балтійскихъ Славянъ военное занятіе Нордалбингіи Германіею было роковымъ событіемъ. Нѣмецкій народъ, который въ 804 году совершенно удалился было за Эльбу, теперь переступилъ снова эту природную грань и опять основался на порогѣ Славянскаго поморья, въ сосѣдствѣ Бодричей; но то не были уже независимые Саксы, раздѣленные на мелкія племена и волости, а правильно устроенное военное поселеніе, сторожевой отрядъ

(¹) Эингардъ (M. G. I, 196) подъ 809 годомъ: Imperator .... cum ei multa de iactantia et superbia regis Danorum nuntiarentur, statuit trans Albiam flumen civitatem aedificare, Francorumque in ea ponere praesidium. Cumque ad hoc per Galliam atque Germaniam homines congregasset armisque ac caeteris ad usum necessariis rebus instructos per Frisiam ad locum destinatum ducere iussisset, Thrasco dux Abodritarum in emporio Reric ab hominibus Godofridi per dolum interfectus est. Sed imperator, postquam locus civitati constituendae fuerat exploratus, Egbertum comitem huic negotio exsequendo praeficiens, Albim traicere et locum iussit occupare. Est autem locus super ripam Sturiae fluminis, vocabulo Esesfelth, et occupatus est ab Egberto et comitibus Saxonicis circa idus Martis et muniri coeptus.

сильнаго, завоевательнаго государства. И съ тѣхъ поръ Нѣмцы уже не возвращались за Эльбу, а шли впередъ шагъ за шагомъ, захватывая земли сосѣдей своихъ, пока не овладѣли, наконецъ, всѣмъ славянскимъ берегомъ Балтійскаго моря. И тутъ не остановились они, и шли все дальше и дальше, и успокоились и отдохнули только, когда знамя, водруженное Карломъ Великимъ въ Гамбургѣ и на Эзесскомъ полѣ, развѣвалось въ Ревелѣ и Нарвѣ. Нельзя сочувствовать этому подвигу, какъ всякому насилію и истребленію народностей; но нельзя отказать въ справедливой дани удивленія желѣзной твердости и настойчивости средне-вѣковой Германіи: въ IX и X вѣкѣ ни слова не говорилось по-нѣмецки на всемъ берегу Балтійскаго моря, а въ XIV-мъ нѣмецкій языкъ былъ господствующимъ отъ Голштиніи до Финскаго залива.

V.

Послѣднія войны Карла Великаго съ Балтійскими Славянами. Нѣмецкая военная линія на правомъ берегу Эльбы. 810—811.

Бодричи не противились утвержденію нѣмецкаго владычества въ отнятой у нихъ Нордалбингіи. Они благоговѣли еще передъ Западнымъ императоромъ. Въ 810 году Карлъ пришелъ съ войскомъ въ землю Саксовъ, чтобы открыть военныя дѣйствія противъ Датчанъ, раззорявшихъ берега Германіи; тогда Бодричи послали въ его станъ, расположенный у города Верденa на Везерѣ, своихъ старшинъ, чтобы просить императора объ утвержденіи у нихъ великаго князя, на мѣсто убитаго Дражка [1]. Въ этотъ санъ возведенъ былъ какой-то Славоміръ [2]. Вслѣдствіе чего Бодричи выбрали его, неизвѣстно; мы знаемъ только, что онъ получилъ велико-княжеское достоинство не по наслѣдству, помимо правъ Дражкова сына, Чедрага. Утверждая у Бодричей великаго князя, Карлъ, конечно, требовалъ отъ нихъ помощи для похода въ Данію; но война

---

(1) Annal. Fuldens. подъ 810 г. Carolus imperator cum exercitu Francorum perrexit in Saxonia, et ibi placitum habuit in Fereda, et ibi Wenedi venerunt, et dedit illis regem.

(2) Эйнгардъ подъ 817 г. (M. G. I, 204): regiam potestatem, quam Sclaomir eatenus post mortem Thrasconis solus super Abodritos tenebat.

не состоялась. Предпріимчивый Годофридъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ слугъ, а наслѣдникъ его заключилъ миръ съ императоромъ.

Между тѣмъ Велеты, всегдашніе враги Нѣмцевъ, напали на марку, основанную Карломъ на границѣ ихъ друзей и союзниковъ, Глинянъ и Смольцянъ. Перебравшись черезъ Эльбу, они, безъ сомнѣнія съ помощію этихъ племенъ, осадили крѣпость *Hochbuoki* (насупротивъ Ленцена), охраняемую гарнизономъ Саксовъ, взяли и разрушили ее (¹).

Первымъ дѣломъ Карла, послѣ примиренія съ новымъ королемъ датскимъ Геммингомъ, было отомстить Славянамъ за этотъ уронъ и возстановить Полабскую украйну. Онъ послалъ войско въ землю бодрицкихъ племенъ, жившихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ маркою, именно Глинянъ, о которыхъ мы не разъ встрѣчали извѣстіе, и какихъ-то Бытенцевъ, если мы только правильно читаемъ это имя, которое въ современныхъ нѣмецкихъ памятникахъ пишется *Bethenzr*, *Bethenici*. Племя это было незначительно, и вскорѣ исчезло, вмѣстѣ съ Смольцянами, въ болѣе общемъ имени Полабцевъ, которое придавалось Славянамъ, жившимъ на берегу нижней Эльбы, въ нынѣшнемъ Лауенбургскомъ краѣ и близлежащей части Мекленбургіи (²). Земля Глинянъ и Бытенцевъ была опусто-

(¹) Эйнгардъ (тамъ же, 197) подъ 810 годомъ; Annal Fuldens., тамъ же, 355.

(²) Въ IX и X вѣкѣ имя Полабцевъ вовсе не встрѣчается; въ XI напротивъ, имена Смольцянъ и Бытенцевъ не упоминаются въ исчисленіи славянскихъ племенъ на Эльбѣ, а Полабцы являются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ мы во время Карла В. находимъ эти племена. Вѣроятно Смольняне, Бытенцы и, можетъ быть, еще другія мелкія вѣтви, имена которыхъ не дошли до насъ, слились, съ теченіемъ времени, въ одно племя и приняли тогда названіе Полабцевъ. О Бытенцахъ упоминаетъ безъименный баварскій географъ, писавшій въ концѣ IX вѣка (Шафарикъ, Слав. Древн. Прилож. ко второму тому, 69): Linaa (Глиняне) est populus, qui habet civitates VII. Prope illis resident, quos vocant Bethenici et Smeldingon et Morizani, qui habent civitates XI.—Chron. Moissiac. (M. G. I, 309): Misit Karlus imperator exercitum Francorum et Saxonorum ultra Albiam ad illos Sclavos qui nominantur Linai et Bethenzr; et vastaverunt regiones illas et aedificaverunt iterum castellum in loco qui dicitur Abochi (во второй редакціи той же хроники, M. G. II, 259, очевидно по ошибкѣ, написано Bechelenzi). Шафарикъ (Слав. Древн. II, 3, 151) читаетъ это имя *Bethenici*, *Bethenzr*—Вѣтники, и прибавляетъ: «Дитмаръ подъ именемъ Вѣтниковъ приводитъ особый родъ вооруженной городской стражи, именно: In ea parte (Misnae urbis), qua satellites habitant, dicti sclavonice vethenici, Cukesburgienses (Kukesburger, иначе по-нѣмецки Burgwachter). Названіе *вѣтникъ*, множеств. *вѣтники*, вѣрнѣе всего можно производить отъ корня *вѣть*, откуда *вѣта* (habitaculum), *повѣть* (pagus), *витати* (habitare), или отъ *вѣтити*, *завѣтити*, нѣмец-

шена, и послѣ того нѣмецкое войско занялось возстановленіемъ крѣпости *Hochbuoki* (811).

Въ слѣдующемъ году Карлъ снарядилъ походъ противъ главныхъ соперниковъ Германіи на поморьѣ, Велетовъ. Три войска были одновременно направлены противъ нихъ: одно пошло черезъ землю Бодричей, вѣроятно изъ Нордалбингіи, и конечно получило отъ Бодричей подкрѣпленіе; два другихъ войска двинулись изъ Полабской марки на сѣверъ, на встрѣчу первому отряду, шедшему съ запада. Велеты просили мира, дали Нѣмцамъ заложниковъ и обѣщали покорность императору (¹).

Усмиривъ такимъ образомъ ближайшія племена славянскія, не опасаясь Датчанъ, которые заняты были въ то время внутренними раздорами, и опираясь на укрѣпленія, уже устроенныя, Карлъ довершилъ начатое дѣло: распространилъ и утвердилъ Залабскую марку. «Семь лѣтъ земля Нордалбингская была въ плѣну», писалъ потомъ въ одной грамотѣ его сынъ, императоръ Людовикъ: плѣнъ этотъ былъ славянскій; но (въ 811 году) Карлъ поручилъ извѣст-

---

кое hagen, какъ бы охранители, защитники. Слѣдовательно, неизвѣстно, что такое были эти *вътники*, особенная ли вѣтвь народа, или же только отдѣльное сословіе обитателей. Жилищъ ихъ по сю пору нельзя надлежаще опредѣлить». Можно согласиться, что Мышненскіе (Мейсенскіе) *вътники* были сословіемъ служилыхъ людей, какъ и говоритъ Титмаръ, и что имя ихъ происходило отъ указаннаго Шафарикомъ корня. Но что есть общаго между ними и племенемъ Bethenici, Bethenzr, съ которымъ Карлъ Великій велъ войну на нижней Эльбѣ, кромѣ сходства именъ, и то отличающихся начальными буквами *б* и *в*, которыя у Нѣмцевъ рѣдко смѣшивались. Я сказалъ, что племя Bethenici является въ мѣстахъ, гдѣ въ послѣдствіи мы встрѣчаемъ Полабцевъ: именно тамъ была цѣлая волость, называвшаяся terra Boitin (въ принадлежащемъ Ольденбургу Любекскомъ герцогствѣ на сѣверо-востокъ отъ Ратцебурга: см. подробности у Шрёдера, Papistisches Mecklenburg, 304 и 1654) и кромѣ того южнѣе, въ томъ же краѣ Полабцевъ, у самой Лабы, находится старинный городъ Бойценбургъ, имя котораго имѣетъ очевидно не нѣмецкое начало, не смотря на приставку *бургъ*. Boitin, Boitzen-burg по всей вѣроятности звучали по-славянски *Бытно* или *Бытенъ* (подобныя имена распространены въ Ляшскихъ земляхъ, напр. Бытонь, Бытынь въ Польшѣ, Бытомъ въ Силезіи, Бытовъ въ Помераніи) и отсюда племя называлось *Бытенцы*, у Нѣмцевъ Bethenzr, Bethenici.

(¹) Chron. Moissiac. подъ 812 г. (M. G. 1, 309). Misit Karolus imperator tres scaras ad illos Sclavos qui dicuntur Willi. Unus exercitus eius venit cum eis (т. е. ad eos) super Abodritos, et duo venerunt obviam ei ad (чит. ab) illa marchia. Sed et illi Willi dextras dederunt et obsides obtulerunt, et promiserunt se dare partibus imperatoris Karoli; et postea sic reversus est populus ad propria. Einhardi Ann., тамъ же, 200. Chron. Regin., тамъ ж., 566.

ному нами уже графу Эгберту устроить въ ней защиту противъ язычниковъ. Такимъ образомъ основана была военная линія Сѣверно-саксонская, отдѣлявшая нѣмецкій и славянскій край въ Нордалбингіи. Сюда мало-по-малу возвращались люди, недавно выселенные франкскимъ завоевателемъ, и христіанство начинало водворяться въ этой странѣ. Я уже упомянулъ объ основаніи церкви въ Гамбургѣ и о предначертаніяхъ Карла касательно учрежденія тамъ митрополіи [1].

Нѣмецкая военная линія въ Нордалбингіи соотвѣтствовала той цѣпи рвовъ и укрѣпленій, которую датскій король Годофридъ еще въ 808 году началъ строить отъ Нѣмецкаго до Балтійскаго моря

---

(1) Современные лѣтописцы не упоминаютъ объ этихъ распоряженіяхъ Карла; но на нихъ ясно указываетъ грамота императора Людовика гамбургской митрополіи отъ 15 мая 834 года; съ свидѣтельствомъ этой грамоты сходно преданіе, записанное Адамомъ Бременскимъ (жившимъ во второй половинѣ XI вѣка) о началѣ христіанства въ Нордалбингіи. Ни Адамъ Бременскій, ни грамота императора Людовика не опредѣляютъ года основанія нордалбингской военной линіи и гамбургской церкви. Въ грамотѣ сказано только, что до того времени Нордалбингія семь лѣтъ находилась въ рукахъ варваровъ: стало быть, учрежденія эти относились бы къ 811 году, такъ какъ въ 804 эта земля отдана была Карломъ Славянамъ. Къ 811 году мы и относимъ *окончательное* въ ней устройство военной украины нѣмецкой; но изъ другихъ обстоятельствъ видно, что постепенное водвореніе тамъ власти германскаго императора началось уже съ войны 808 года.—Вотъ слова грамоты, на которыя мы ссылались (Cod. Pomer. 5): Genitor etenim noster gloriose memorie Karolus omnem Saxoniam ecclesiastice religioni subdidit, iugumque Christi adusque terminos Danorum atque Sclavorum, corda ferocia ferro perdomans, ferre docuit. Ubi inter has utrasque gentes Danorum sive Winedorum ultimam Saxonie partem sitam et diversis periculis, temporalibus videlicet ac spiritualibus, interiacentem prospiciens, pontificalem ibidem sedem fieri decrevit trans Albiam. Unde postquam terram Nordalbingorum lavata captivitate, quam ob multam perfidiam in ipsis christianitatis initiis patratam per septennium passi sunt, ne locus ille a barbaris invaderetur, Ecberto comiti restituere preceperat, non iam vicinis episcopis locum illum committere voluit, sed ne quisquam eorum hanc sibi deinceps parrochiam vindicaret, ex remotis Gallie partibus quendam episcopum, Amalarium nomine direxit, qui primitivam ecclesiam ibidem consecraret. Sed et eidem ecclesiae sacras reliquias ac plura ecclesiastica munera pia largitate specialiter destinare curavit. Postmodum vero captivis optatam ad patriam undique confluentibus, eandem parrochiam cuidam presbitero Heridac nomine specialiter commendavit, quem universe Nordalbingorum ecclesiae . . . . . . disposuerat consecrari episcopum . . . . . . Delegavit etiam eidem presbitero quandam cellam Hrodnace (вѣроятно Renaix въ восточной Фландріи) vocatam, quatinus eidem loco periculis undique circumdato fieret supplementum. Sed quia consecrationem iam dicti viri velox ex hac luce transitus pii genitoris nostri in diebus eius fieri prohibuit, и проч. Сравни Адама Бременск. I, 15.

по рѣкѣ Эгидорѣ (Eyder), для огражденія съ юга своихъ владѣній, и которая охранялась тоже сторожевыми отрядами (¹). Нѣмецкая линія, какъ ее, по словамъ Адама Бременскаго, установилъ Карлъ и его преемники, начиналась у нижней Эльбы, именно отъ мѣстности Мезепрѣчье (Mescenreiza) (²), т. е. Междурѣчье, нѣсколько южнѣе нынѣшняго Лауенбурга, и шла на сѣверъ къ рѣкѣ Delvunda (нынѣ Delvenau или Stecknitz) (³), потомъ къ источникамъ р. Бѣлины (у Нѣмцевъ Bilena, теперь Bille), прямо на сѣверъ къ Виспирку (теперь Везенбергъ, на Травнѣ, верстахъ въ 10 на западъ отъ Любска), потомъ на сѣверо-западъ, съ нѣкоторыми изгибами по рѣчкѣ Борзнику или Борзницѣ (Birznig, теперь Bissenitz) и далѣе къ Боле-лонкамъ (Bulilunkin, теперь Blunk) и наконецъ по теченію рѣки Свентины къ Кильскому заливу (⁴). При Карлѣ линія эта шла нѣсколько западнѣе; мы знаемъ, что она подвинута

(¹) Эингардъ подъ 817 г. (M. G. I, 204): Gluomi custos Nordmannici limitis (съ датской стороны).

(²) Трудно опредѣлить въ точности, какъ звучали у Славянъ эти имена, обезображенныя нѣмецко-латинскимъ правописаніемъ. Адамъ Бременскій говоритъ: ab Albiae ripa orientali usque ad rivulum quem Slavi Mescenreiza vocant. Что Mescenreiza значитъ Междурѣчье—не можетъ быть сомнѣнія; я предполагаю, что первую часть слова (mescen) т. е. *между*, слѣдуетъ читать *мезен* (съ носовымъ *н*), ибо старо-славянскому *жд*, польскому *дз* въ рѣчи Балтійскихъ Славянъ, какъ видно изъ другихъ примѣровъ и изъ теперешняго языка Померанскихъ Словинцевъ, соотвѣтствовало *з*, а присутствіе носоваго звука *(мезен)* законно при существованіи въ старо-слав. формы межѧ, въ польск. między (гдѣ носовая перешла неорганически изъ втораго слога въ первый). Но убѣдившись въ томъ, что Mescenreiza есть Мезенрѣчье, мы спросимъ: какимъ образомъ ручей (rivulus) могъ называться Междурѣчьемъ? По всей вѣроятности, Адамъ Бременскій ошибся и принялъ за славянское названіе пограничнаго ручья имя мѣстности, въ которой протекалъ этотъ ручей. Мѣстность эта, какъ видно изъ дальнѣйшаго направленія границы, была, вѣроятно, островокъ ниже Лауенбурга, образуемый Эльбою и рѣкою Delvenau, впадающею въ нее тутъ двумя, довольно широко расходящимися, рукавами, дѣйствительное *междурѣчье*.—Въ имени *Bulilunkin*, очевидно, вторая половина есть то же слово, что польск. łąka (лугъ), очень часто встрѣчаемое въ мѣстныхъ названіяхъ на Славянскомъ поморьѣ; первая часть, *buli*, всего лучше подходитъ къ слав. *боле*, хотя такое сочетаніе довольно необычно.

(³) Рѣка Delvunda, у Эингарда Delbende, теперь Delvenau, впадаетъ, какъ замѣчено, у Лауенбурга въ Эльбу и составляетъ нынѣ границу между Голштейнъ-Лауенбургскимъ владѣніемъ датскаго короля и Мекленбургіею. Она соединена каналомъ съ р. Stecknitz, впадающею въ Траве у Любека, вслѣдствіе чего и на нее переносится теперь названіе Stecknitz.

(⁴) Адамъ Брем. II, 15. Географическія данныя, имъ приведенныя, подробно разобраны въ статьѣ Ведекинда: «limes Saxoniae» (Noten zu einigen Geschichts-

была до Стекницы въ 822 году; прежде, вѣроятно, р. Бѣлина, впадающая въ Эльбу близъ Гамбурга, составляла границу. Точно также и на сѣверной сторонѣ линію, кажется, подвинули отъ верхняго теченія Эгидоры или Эйдера къ параллельной съ нимъ Свентинѣ. На западъ отъ Бѣлины, верхняго теченія Эгидоры и черты, между ними проведенной, нѣтъ ни одного славянскаго мѣстнаго названія; очевидно, что тамъ была искони земля нѣмецкая и что Славяне, получивъ этотъ край на короткое время отъ Карла В., не успѣли основаться въ немъ. Въ полосѣ (верстъ отъ 5 до 15 шириною) между этою предполагаемою первоначальною границею Нѣмцевъ и военною линіею, описанною Адамомъ Бременскимъ, мы находимъ нѣсколько славянскихъ именъ среди множества нѣмецкихъ. Славянскія имена расположены тамъ, можно сказать, тремя кучками: на югѣ, близъ Эльбы, между Бѣлиной и Стекницей, въ серединѣ, близъ р. Травны, и на сѣверѣ близъ Кильскаго залива, между Эгидорой и Свентиной (¹). Очевидно, что тутъ Нѣмцы захва-

schreibern, I, 1). Вотъ полный текстъ описанія Адама Бременскаго и объясненіе именъ, которыя читатель легко отыщетъ на подробной картѣ Голштиніи: Invenimus quoque limitem Saxoniae quae trans Albiam est, praescriptum a Karolo et imperatoribus ceteris, ita se continentem. Hoc est ab Albiae ripa orientali usque ad rivulum quem Sclavi Mescenréiza vocant, a quo sursum limes currit per silvam Delvunder usque in fluvium Delvundum (теперь Delvenau) sicque pervenit in Horchenbici (теперь Hornbeck) et Bilenispring (источникъ рѣки Bille); inde ad Liudwinestein (неизв.) et Wispircon (теп. Wesenberg) et Birznig (рѣчка Bissenitz, у села Pronsdorf) progreditur. Tunc in Horbinstenon (неизв.) vadit usque Travena silvam (Travenhorst) sursumque per ipsam in Bulilunkin (Blunk), mox in Agrimeshov (теп. Tansebeck, см. Helmold. I, 57, 63) et recto ad vadum quod dicitur Agrimeswidil (Stocksee) ascendit. Ubi et Burwido fecit duellum contra campionem Sclavorum interfecitque eum, et lapis in eodem loco positus est in memoriam. Ab eadem igitur aqua sursum procurrens terminus in stagnum Colse (вѣроятно Plöner—see, см. Ведекинда, тамъ же, стр. 13) vadit, sicque ad orientalem campum venit Zuentifeld (Bornhöved, см. Helmold. I, 94) usque in ipsum flumen Zuentinam (Schwentine), per quem limes Saxoniae usque in pelagus Scythicum (Балтійское море) et mare quod vocant orientale delabitur.

(¹) Вотъ эти имена, которыя мы нашли на подробной картѣ Голштиніи: на сѣверѣ, между нижнимъ Эйдеромъ и Свентиной: Preetz (Порѣчье), Barkau (Борково), Warnau (Варново), Loptin (Лопатино), Stolpe (Столпъ); въ серединѣ, по обѣимъ сторонамъ Травы: Wensin; Rönnau; Rissen; Mözen; Bühlau (по-славянски мы этихъ именъ не пишемъ, потому-что трудно опредѣлить въ точности ихъ славянскую форму, хотя происхожденіе изъ славянскаго языка кажется несомнѣннымъ); Leezen (Лѣшно?); Tralau; Nütschau; Vinzier; Grabau (Грабово); Barnitz (Барница); Politz (Полица);—на югѣ, между Бѣлиной и Стекницей: Trittau; Lanken (Лавки

тили въ свою украйну ближайшіе участки славянской земли. Это произошло вскорѣ послѣ основанія Нордальбингской линіи Карломъ Великимъ, какъ видно изъ словъ лѣтописца, который говоритъ: «Въ 822 году Саксы, по приказанію императора (Людовика), построили за Эльбою крѣпость на мѣстѣ, называемомъ *Delbende* (Delbende, у Адама Бременскаго Delvunde, теперь Delvenau), выгнавъ оттуда Славянъ, которые прежде занимали это мѣсто, и поставили тамъ, противъ ихъ набѣговъ, сторожевой отрядъ (praesidium) Саксовъ» ([1]).

Послѣдніе два года царствованія Карла (813—814) прошли мирно въ этой сторонѣ. Славяне ничего не предпринимали. Біографъ великаго императора, Эингардъ, писалъ, съ самодовольствомъ, что всѣ варварскіе народы отъ Дуная до Вислы и Балтійскаго моря, «почти сходные по языку, но весьма разнообразные нравами и образомъ жизни», были «до такой степени укрощены Карломъ, что признали себя его данниками; что кромѣ Велетовъ, (Лабскихъ) Сербовъ, Бодричей и Чеховъ, съ которыми онъ воевалъ, всѣ прочіе, гораздо многочисленнѣйшіе, добровольно поддались ему». Въ этихъ хвастливыхъ словахъ мы слышимъ отголосокъ мнѣній, господствовавшихъ при дворѣ Западнаго императора. Успѣхъ нѣмецкаго оружія у пограничныхъ племенъ славянскихъ, которыхъ не поддержали ихъ восточные братья, Ляхи на Одрѣ и Вислѣ, казался ручательствомъ въ покорности остальнаго славянскаго міра; въ Римѣ и Ахенѣ видѣли уже осуществленіе идеальной задачи новосозданной имперіи, видѣли уже на дѣлѣ владычество римско-германскаго христіанства надъ славянскимъ варварствомъ.

Но въ послѣдніе годы своей жизни, непобѣдимый Карлъ чуялъ что-то недоброе впереди. Не со стороны миролюбивыхъ и разъединенныхъ, хотя несмѣтныхъ числомъ, Славянъ грозила опасность Западу; а со стороны немногочисленныхъ, но предпріимчивыхъ, вѣчно искавшихъ боя и добычи, Скандинавовъ. Съ первыхъ лѣтъ

т. е. Лаки, луга), Kankelow (Кжколево), Pampau (Пжпово), Graban (Грабово), Nüssau, Pötrau, Witzetze (Высѣцы: это же имя встрѣчается и въ Древанской землѣ), Wangelau (Вжглево или Вжглово), Collow, Gülzow, Krukow (Круково), Lütau (Лютово), Basedow, и быть можетъ нѣкоторыя другія.

([1]) Эингардъ, M. G. I, 209.

IX-го столѣтія какой-то таинственный порывъ овладѣлъ жителями Даніи, Швеціи, Норвегіи, какъ будто бы имъ стало вдругъ тѣсно дома, или они хотѣли выместить на всемъ родѣ человѣческомъ обиду Одина и Тора, покинутыхъ всѣми остальными германскими племенами для поклоненія кресту Спасителя. Замѣчательно, что первымъ признакомъ приближающейся бури открывается IX-е столѣтіе въ лѣтописяхъ Запада. Вотъ слова Эингарда (¹): «800 годъ. Когда настала весна, около половины марта, король (Карлъ Великій), отправившись изъ Ахена, осмотрѣлъ берега Галльскаго океана (Ламаншскаго пролива и Атлантики), построилъ флотъ на этомъ морѣ, которое въ то время было тревожимо разбойниками-Норманнами, и распредѣлилъ сторожевые отряды». Какое впечатлѣніе должна была произвести на монархію западнаго христіанства, только что сознавшую себя преемницею міродержавнаго и непобѣдимаго Рима, гордыня датскаго короля Годофрида, этого перваго представителя норманнской дѣятельности въ Европѣ, который, низложивъ Бодричей, возвышенныхъ Карломъ, считалъ уже землю Саксовъ и Фризовъ своею областію и объявлялъ, что скоро явится съ войскомъ въ Ахенъ, столицу грознаго императора (²)! Какое впечатлѣніе долженъ былъ произвести на поколѣніе, исполненное вѣры въ примѣты, тотъ случай (записанный самимъ придворнымъ біографомъ, Эингардомъ), что когда императоръ шелъ войною (810) на этого отважнаго вождя Норманновъ, и однажды выступилъ въ челѣ войска, передъ восхожденіемъ солнца, изъ своего стана, вдругъ передъ нимъ пронесся по небу, съ права на лѣво, какъ бы свѣточъ, и въ ту минуту, какъ всѣ смотрѣли на диво, лошадь подъ государемъ споткнулась на переднія ноги и сбросила его съ себя (³)! Въ народѣ ходила смутная молва. Одинъ святой мужъ (⁴), какъ разсказывали также въ то время, видѣлъ во снѣ, что солнце взошло какъ бы съ сѣвера и понеслось по небу, гонимое тучами, и скрылось, и тучи заволокли все небо.

Что сдѣлаютъ Балтійскіе Славяне среди грозы, которая подымалась на Германію и весь западъ Европы?

(¹) M. G. I. 187.
(²) Einh. vita Karoli M. (M. G. II, 450).
(³) Тамъ же, 460.
(⁴) Св. Людгеръ, первый епископъ мюнстерскій: см. Гизебрехта, wendische Geschichten I, 10.

VI.

Послѣдніе годы мирной зависимости Балтійскихъ Славянъ отъ Каролингской имперіи. Славомиръ и Чедрагъ. 814—826.

Послѣ смерти Карла Великаго нѣсколько лѣтъ протекло довольно мирно. Нужно было время, чтобы расшатать огромное зданіе, имъ воздвигнутое и въ которомъ семья романо-германская достигла своего давнишняго церковно-политическаго идеала. Преемникъ Карла, Людовикъ Благочестивый, не искалъ расширить это зданіе: силъ уже не доставало. Оно держалось еще въ томъ видѣ, какъ было, и только набѣги Датчанъ и другихъ Скандинавовъ, которыхъ западная Европа привыкала называть общимъ именемъ Норманновъ, тревожили спокойствіе нѣмецкихъ и французскихъ береговъ. Пограничные Славяне продолжали повиноваться Западному государю, одни по доброй волѣ и старой привычкѣ, какъ Бодричи, другіе изъ страха передъ державою, надъ которою царила еще великая тѣнь Карла.

Въ 815 году императоръ Людовикъ отправилъ войско въ Данію, чтобы усмирить Датчанъ и посадить на датскій престолъ союзника Германіи, Гаральда. Въ то время Данію оспаривали другъ у друга двѣ вѣтви королевскаго рода: дѣти Альфдена и дѣти Годофрида. Первые склонялись къ дружбѣ съ Западною имперіею и къ принятію христіанства, вторые были представителями язычества и необузданной отваги *викинговъ*. Послѣ убіенія Годофрида (810), сначала восторжествовали миролюбивые сыновья Альфдена. Старшій, Геммингъ, какъ мы уже сказали, поспѣшилъ прекратить войну съ Нѣмцами. Онъ скоро умеръ. Тогда (813) сыновьямъ Годофрида, Олаву и Эрику, удалось выгнать изъ Даніи братьевъ Гемминга, изъ которыхъ старшій былъ Гаральдъ. Они бѣжали сначала къ Бодричамъ (¹), а потомъ явились ко двору германскаго императора. Людовикъ возложилъ походъ въ Данію на Саксовъ и Бодричей; начальникомъ императоръ назначилъ своего легата Балдрика. Два раза въ продолженіи зимы, войско

(¹) Chron. Moissiac. (M. G. II, 259): venerunt filii Godofredi cum exercitu, expuleruntque Herioldum et Reganfredum et Amingum de regno ipsorum; et illi fugerunt usque ad abdita: (по другому списку: usque ad Aberiti;: нѣтъ никакого сомнѣнія (какъ и предполагаетъ издатель Mon. Germ.), что эти слова *Aberiti* и *Abdita* суть испорченное переписчиками имя Abodriti.

Саксовъ пыталось перейти черезъ Эльбу, но переправа казалась слишкомъ опасною вслѣдствіе оттепелей. Только въ половинѣ мая мѣсяца выступили наконецъ въ походъ. Всѣ графы (волостные начальники) Саксонской земли и всѣ войска Бодричей участвовали въ немъ, по словамъ лѣтописца. Перешли черезъ Эгидору (Эйдеръ), пограничную рѣку Даніи, вступили въ Спиландію (такъ называлась южная часть Ютландіи) и оттуда, послѣ семидневнаго перехода, достигли берега Балтійскаго моря. Славяно-нѣмецкое войско расположилось тутъ станомъ. Датскіе вожди стали насупротивъ его съ флотомъ 200 кораблей, у какого-то острова близъ берега (вѣроятно, у острова Альзена). Такъ они стояли другъ противъ друга, Датчане владѣя моремъ, Саксы и Бодричи господствуя на материкѣ: Датчане напасть не хотѣли, Нѣмцы и Славяне не могли, и удовольствовались опустошеніемъ окрестныхъ деревень. Жители дали имъ 40 человѣкъ заложниковъ, обѣщавъ, вѣроятно, признать королемъ Людовикова союзника, Гаральда. Съ этимъ ничтожнымъ успѣхомъ Саксы и Бодричи возвратились назадъ. Гаральдъ не могъ даже остаться въ Даніи. Онъ явился къ императору, который находился тогда въ Падерборнѣ (въ землѣ западныхъ Саксовъ) и держалъ тамъ общій сеймъ своего государства; явились также въ Падерборнъ и Славяне. Императоръ, котораго призывали въ Италію возникшія тамъ неожиданныя замѣшательства, поспѣшилъ рѣшить дѣла, предложенныя ему славянскими послапцами, оставилъ Гаральда въ Саксоніи и уѣхалъ (¹).

Въ слѣдующемъ году (816) императоръ Людовикъ вновь принималъ, въ своемъ Компьенскомъ дворцѣ недалеко отъ Парижа, пословъ отъ Бодричей (²). По какому дѣлу они пріѣзжали, объ этомъ лѣтопись не упоминаетъ; но скоро за тѣмъ послѣдовало распоряженіе, которое взволновало всю Бодрицкую землю. Людовикъ приказалъ Славоміру, великому князю или «королю» Бодричей, какъ его называли Нѣмцы, раздѣлить свою власть съ Чедрагомъ, сыномъ прежняго князя Дражка. Никогда еще Германія не позволяла себѣ такого прямаго вмѣшательства во внутреннее управленіе сосѣдняго и дружественнаго славянскаго племени. Императоръ Людовикъ об-

(¹) Эингардъ подъ 815 годомъ. (M. G. I, 202) Annal. Fuldens. тамъ же 356. Thegani, Vita Hludowici (M. G. II, 593). Vita Hludowici тамъ же, 620.

(²) Эингардъ (M. G. I, 203).

ращался тутъ съ бодрицкимъ княземъ точно также, какъ его отецъ бывало обращался съ своими нѣмецкими или французскими герцогами и графами. Впрочемъ, Людовикъ, слабый и чуждый какихъ-либо новыхъ политическихъ замысловъ, едва-ли сдѣлалъ это съ обдуманною цѣлью усилить вліяніе имперіи въ славянскихъ земляхъ: его, вѣроятно, подбили домашніе враги Славоміра, и мы къ этому дѣлу относимъ посольство Бодричей, пріѣхавшее въ Компьенъ. Какъ бы то ни было, императоръ далъ приказаніе. Славоміръ былъ въ страшномъ гнѣвѣ. Какъ! онъ, который восемь лѣтъ спокойно правилъ, какъ верховный князь, всею землею Бодрицкою, онъ, котораго утвердилъ самъ великій Карлъ и который столько разъ помогалъ Нѣмцамъ въ челѣ славянской рати (¹), вдругъ, безъ причины, будетъ лишенъ власти, по прихоти чужаго государя. « Никогда больше не переѣду я черезъ Лабу, воскликнулъ онъ: нѣтъ, меня уже не увидятъ опять при дворѣ нѣмецкаго цесаря!» (²). Тотчасъ отправилъ онъ посольство за море, къ датскимъ правителямъ Олаву и Эрику, которые, конечно, были рады случаю пособить новому врагу нѣмецкаго императора и отомстить Людовику за помощь, оказанную ихъ совмѣстнику Гаральду. Славоміръ легко уговорилъ ихъ послать войско въ Нордалбингію. Въ скоромъ времени датскіе корабли вошли въ устье Эльбы и поднялись вверхъ по Стыри (Stör); раззоривъ ея берега, они явились подъ новою нѣмецкою крѣпостью Эзесфельдобургомъ (Itzehoe). Въ тоже время подступила къ ней пѣшая рать Датчанъ изъ ихъ пограничной военной линіи; къ этому войску присоединились Бодричи, которые должны были, такимъ образомъ, прорвать сторожевую цѣпь Нѣмцевъ, отдѣлявшую сѣверную марку отъ Славянъ, и пройти всю Нордалбингію. Это свидѣтельствуетъ о значительности силъ, съ какими Бодричи

(¹) Нѣмецкіе лѣтописцы не упоминаютъ о томъ, кто предводительствовалъ Бодричами въ послѣднихъ ихъ войнахъ въ пользу Германіи; но нѣтъ сомнѣнія, что это былъ старшій князь, т. е. Славоміръ, власть котораго до 817 года имѣла у Бодричей общее признаніе, по свидѣтельству самаго Эингарда (M. G. I, 204).

(²) Эингардъ подъ 817 г. (M. G. I, 204): Causa defectionis erat, quod regiam potestatem, quam Sclaomir eatenus post mortem Thrasconis solus super Abodritos tenebat cum Ceadrago filio Thrasconis partiri jubebatur, quae res illumtam graviter exacerbavit, ut adfirmaret, se numquam posthac Albim flumen transiturum neque ad palatium venturum. Что Балтійскіе Славяне называли нѣмецкаго императора цесаремъ, подобно другимъ соплеменникамъ своимъ, видно изъ нѣкоторыхъ собственныхъ именъ городовъ, напр. Ziesar въ землѣ Морачанъ, и др.

выступили въ походъ, и о недостаточности средствъ защиты, которыми Германія располагала тогда въ этой сторонѣ. Но крѣпостей ни Славяне, ни Датчане въ это время брать не умѣли. Нѣмцы отстояли Эзесфельдобургъ, такъ что Датчане и Бодричи сняли осаду и разошлись по домамъ ([1]).

Годъ прошелъ. Наконецъ собралось нѣмецкое войско въ походъ противъ Славоміра. Къ силамъ, выставленнымъ Саксами и ихъ военною украйною, пришло подкрѣпленіе изъ Франконіи. У Славоміра были враги и завистники между самими Бодричами. Они воспользовались нашествіемъ Нѣмцевъ для его низложенія; онъ самъ попался въ руки нѣмецкихъ начальниковъ, и его привезли плѣнникомъ въ Ахенъ. Съ нимъ же ко двору императора явились, по приказанію Нѣмцевъ, и старшины Бодрицкаго народа (вѣроятно князья мелкихъ племенъ и жупаны), и явились они обвинителями того человѣка, который рѣшился ослушаться воли нѣмецкаго государя и мечталъ о единодержавіи и независимости земли своей. Надъ Славоміромъ былъ наряженъ судъ въ Ахенѣ: онъ долженъ былъ отвѣчать на обвиненіе въ измѣнѣ противъ нѣмецкаго императора, предложенное его соотечественниками,—и западный лѣтописецъ наивно прибавляетъ, что онъ не былъ въ состояніи оправдаться «разумными доводами». Его сослали въ одну изъ областей имперіи, а великимъ княземъ или «королемъ» бодрицкимъ провозгласили Дражкова сына Чедрага ([2]).

Но и Чедрагу не долго пришлось властвовать спокойно. Занявъ мѣсто несчастнаго Славоміра, онъ по необходимости вступалъ въ тѣ же политическія отношенія, какія обусловливали дѣятельность его недавняго совмѣстника. Съ того дня, какъ Саксы вошли въ составъ Франкской монархіи и сдѣлались на границѣ Славянскаго поморья представителями ея стремленій къ преобладанію, союзъ Бодричей съ этою монархіею,— нужный и естественный, пока ихъ

([1]) Эингардъ, тамъ же.

([2]) Эингардъ подъ 819 г. (M. G. I, 205): Sclaomir, ... ob cuius perfidiam ulciscendam exercitus Saxonum et orientalium Francorum eodem anno trans Albiam missus fuerat, per praefectos Saxonici limitis et legatos imperatoris qui exercitui praeerant, Aquasgrani adductus est. Quem cum primores populi sui, qui simul iussi venerant, multis criminibus accusarent, et ille rationabili defensione obiecta sibi refellere non valeret, exilio condemnatus est, et regnum Ceadrago, Thrasconis filio datum.—Vita Hludowici, тамъ же, II, 624.

раздѣляли независимые и обоимъ одинаково враждебные Саксы,— становился совершенно невозможнымъ: ибо этотъ союзъ, по понятіямъ тогдашняго Запада, требовалъ подданства бодрицкаго князя, какъ вассала, нѣмецкому императору, а такое подчиненіе влекло за собою подчиненіе Бодричей пограничнымъ начальникамъ Саксовъ, какъ намѣстникамъ императорскимъ въ этомъ краѣ. Понятно, что Чедрагъ тотчасъ же послѣдовалъ примѣру Славоміра: онъ завелъ сношенія съ Датчанами (1), чтобы найти опору противъ Германіи. Донесли объ его измѣнѣ императору. Людовикъ рѣшился низложить Чедрага, и для этого велѣлъ отпустить Славоміра на родину (821). Но Славоміръ заболѣлъ дорогою, въ Саксоніи; на смертномъ одрѣ онъ принялъ—первый изъ Балтійскихъ Славянъ— крещеніе, и скончался. Мы назвали Славоміра первымъ христіаниномъ изъ Балтійскихъ Славянъ, не смотря на извѣстіе, записанное одною германскою лѣтописью, о крещеніи нѣкоторыхъ изъ нихъ въ 780 году. Но если даже это извѣстіе не выдумка, то крещеніе, принятое тогда нѣкоторыми Бодричами, союзниками Карла, не имѣло, очевидно, никакого дѣйствительнаго значенія, и было не болѣе, какъ обрядомъ, которому они подчинились, чтобы угодить могущественному союзнику, нужному для нихъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ. Сорокъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, и христіанство рѣшительно оставалось чуждымъ Балтійскимъ Славянамъ. Если бы хоть нѣсколько человѣкъ между ними исповѣдывали его, то Германія не преминула бы позаботиться объ учрежденіи въ ихъ землѣ іерархической власти, содѣйствіе которой было бы ей такъ полезно для ея политическаго господства надъ этими племенами. Итакъ, повторяемъ, Славоміръ былъ первый Балтійскій Славянинъ, увѣровавшій во Христа: его предсмертное обращеніе было, очевидно, не вынужденнымъ, а добровольнымъ дѣломъ.

Смерть Славоміра избавила Чедрага отъ опаснаго соперника. Онъ остался правителемъ Бодричей. Но, вѣроятно, опасенія, которыя онъ внушалъ Нѣмцамъ, дали поводъ къ распространенію ихъ военной украйны за Эльбою. Мы уже упомянули, что они южную часть этой украйны подвинули, въ 822 году, до рѣки *Delvenau*, впадающей въ Эльбу у Лауенбурга, и выгнали Славянъ изъ занятаго края. Славяне эти принадлежали къ Бодрицкому племени.

(1) Эйнгардъ подъ 821 г. (M. G. I 208).

Войны не произошло однако; напротивъ, Бодричи тогда же отправили къ императору пословъ на сеймъ, который онъ созвалъ въ концѣ года во Франкфуртъ. Кромѣ бодрицкихъ пословъ пріѣхали туда послы и отъ Велетовъ и прочихъ пограничныхъ славянскихъ народовъ, также какъ отъ обѣихъ партій, оспаривавшихъ другъ у друга датскій престолъ (¹).

Послы Бодричей и Велетовъ явились къ императору, вѣроятно, съ обоюдными жалобами, и просили его посредничества, какъ бывало при Карлѣ Великомъ. Между обоими племенами произошла война, въ это-ли именно время, или нѣсколько прежде—неизвѣстно. Лѣтописецъ, по-видимому, указываетъ на то, что въ ней участвовали преимущественно восточныя вѣтви Бодричей, непосредственные сосѣди Велетовъ. Впрочемъ, объ этой войнѣ мы знаемъ только, что въ ней погибъ въ битвѣ великій князь велетскій, Любъ. Этотъ Любъ, по словамъ лѣтописца, владѣлъ Велетскою землею вмѣстѣ съ своими братьями; но какъ онъ былъ старшій, то верховная власть принадлежала ему. Онъ оставилъ двухъ сыновей, Милогостя и Цѣлодрага. Народъ Велетскій поставилъ великимъ княземъ «или королемъ» Милогостя, какъ старшаго сына. Замѣчательно, что верховная власть не перешла, какъ бывало въ древнее время у другихъ Славянъ, къ старшему въ родѣ, то есть къ брату убитаго князя: это избраніе совершилось, по замѣчанію нашего лѣтописца, согласно народному обычаю. Но затѣмъ Велеты увидѣли, что Милогость былъ недостоинъ своего сана; тогда они низложили его, и провозгласили великимъ княземъ младшаго брата. Оба, и Милогость и Цѣлодрагъ, явились въ маѣ мѣсяцѣ 823 года къ императору, который въ то время снова держалъ сеймъ во Франкфуртѣ, и предложили свой споръ на его рѣшеніе. Таково было уже тогда нравственное вліяніе Западной монархіи на мелкія и вѣчно разъединенныя племена Балтійскихъ Славянъ! Людовикъ велѣлъ узнать, на чьей сторонѣ дѣйствительно воля Велетскаго народа. Иначе онъ поступить не могъ; рѣшеніе, противное желанію народному, надобно бы было привести въ исполненіе войною, къ которой императоръ не имѣлъ охоты, а освященіе, данное имъ народному выбору, составляло для Германіи важное нравственное

(¹) Эйнгардъ подъ 822 г. (M. G. I. 209).

завоеваніе. Когда Людовикъ получилъ удостовѣреніе, что народъ Велетскій дѣйствительно стоитъ на сторонѣ младшаго брата, то онъ утвердилъ его великимъ княземъ, но отпуская обоихъ совмѣстниковъ, одарилъ также и отставленнаго князя, и заставилъ и того и другаго дать присягу въ вѣрности и въ дружбѣ между собою ([1]).

На томъ же франкфуртскомъ сеймѣ возобновились обвиненія противъ Чедрага, великаго князя Бодричей, вѣроятно со стороны начальниковъ саксонской украйны. Опять стали твердить императору, что онъ невѣренъ Германіи, и подкрѣпляли подозрѣнія въ измѣнѣ тѣмъ, что онъ долго, подъ разными предлогами, не являлся ко двору императорскому. Людовикъ отправилъ къ нему посольство (823). Бодрицкій князь старался сохранить мирныя отношенія къ Нѣмцамъ, и когда это посольство поѣхало обратно, онъ далъ ему въ спутники нѣсколькихъ почетныхъ людей изъ своего народа, которые его именемъ обѣщали императору, что онъ скоро явится къ нему лично. Дѣйствительно, онъ еще въ концѣ того же года, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ старшинъ (*primores*, т. е., вѣроятно, князей и жупановъ) земли Бодрицкой, пріѣхалъ во Францію, въ Компьенъ, гдѣ императоръ Людовикъ имѣлъ любимое свое пребываніе. Западный государь призналъ уважительными извиненія, какія онъ представилъ въ своей долгой неявкѣ; «въ разныхъ другихъ отношеніяхъ,—прибавляетъ германскій лѣтописецъ,—Чедрагъ казался виновнымъ», (мы знаемъ, какого рода были вины его)» но все это было ему прощено во вниманіе къ заслугамъ его предковъ, и императоръ щедро одарилъ его передъ отъѣздомъ» ([2]). Германская имперія, очевидно, уже не въ состояніи

([1]) Эингардъ подъ 823 г. (M. G. I, 210): inter caeteras barbarorum legationes, quae vel iussae vel sua sponte venerunt, duo fratres, reges videlicet Wiltzorum, controversiam inter se de regno habentes, ad praesentiam imperatoris venerunt, quorum nomina sunt Milegastus et Cealadragus. Erant idem filii Liubi regis Wiltzorum, qui licet cum fratribus suis regnum divisum teneret, tamen propterea quod maior natu erat, ad eum totius regni summa pertinebat. Qui cum, commisso cum orientalibus Abodritis praelio, interisset, populus Wiltzorum filium eius Milegastum, quia maior natu erat, regem sibi constituit; sed cum is secundum ritum gentis commissum sibi regnum parum digne administraret, illo abiecto, iuniori fratri regium honorem deferunt; quam ob causam ambo ad praesentiam imperatoris venerunt. Quos cum audisset et gentis voluntatem proniorem in iunioris fratris honorem agnovisset, statuit ut is delatam sibi a populo suo potestatem haberet, ambos tamen muneribus donatos et sacramento firmatos in patriam remisit.—Vita Hludowici (M. G. II, 627).

([2]) Эингардъ подъ 822 годомъ (M. G. I, 210, 211).

была удерживать силою своего преобладанія надъ Славянскимъ поморьемъ. Въ это время по всей восточной границѣ Карловой державы племена славянскія мало-по-малу свергали съ себя нѣмецкое иго. Первые показали примѣръ возстанія Хорваты, къ которымъ скоро присоединились и Альпійскіе Словенцы; Чехи перестали быть данниками имперіи; Лабскіе Сербы уже въ 816 году пытались освободиться отъ Нѣмцевъ. Наконецъ, у Бодричей власть Германіи стала теперь, очевидно, только номинальною, съ тѣхъ поръ какъ она *простила* бодрицкому князю его сношенія съ заклятыми врагами имперіи, Норманнами, и удовольствовалась наружнымъ выраженіемъ покорности со стороны Чедрага.

Великій князь Бодричей продолжалъ свой прежній образъ дѣйствія, враждебный Германіи; но опять въ самой землѣ Бодричей возникли распри, и завистники Чедрага снова вызвали Нѣмцевъ на вмѣшательство въ дѣла Славянъ. Лѣтомъ 826 года пріѣхали къ императору Людовику въ Ингельгеймъ (во Франконіи на Рейнѣ) нѣкоторые старшины (primores) Бодричей, съ доносомъ на своего верховнаго князя. Они обвиняли его въ неповиновеніи Германіи. Императоръ велѣлъ объявить Чедрагу, чтобы онъ явился для отвѣта на общій имперскій сеймъ, созванный въ этотъ же городъ къ октябрю мѣсяцу; иначе его признаютъ за измѣнника. Чедрагъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Ингельгеймъ къ назначенному сроку. Людовикъ былъ въ недоумѣніи, въ чью пользу рѣшить, за великаго-ли князя, сына многозаслуженнаго Дражка, или за его противниковъ. Какъ и въ недавнемъ спорѣ между сыновьями велетскаго князя Люба, онъ боялся нарушить значеніе своего императорскаго сана приговоромъ, который былъ бы отвергнутъ Бодрицкимъ народомъ. Поэтому онъ задержалъ Чедрага при своемъ дворѣ и отправилъ къ Бодричамъ посольство, чтобы узнать тамъ настоящее расположеніе народа. Воротясь, послы донесли, что нашли у Бодричей разногласіе мнѣній касательно признанія своего «короля», но что лучшіе и знатнѣйшіе люди между ними всѣ желаютъ возвращенія Чедрага. Тогда императоръ взялъ у него заложниковъ и отпустилъ его, подтвердивъ его велико-княжеское достоинство (¹).

(¹) Einh. a. 826 M. G. I, 214, 215.

«Между Бодричами существуетъ разногласіе мнѣній касательно признанія своего *короля*»: эти слова нѣмецкихъ пословъ, пріѣхавшихъ съ Славянскаго поморья въ 826 году, служатъ какъ бы опредѣленіемъ всей политической исторіи Балтійскихъ Славянъ. Закоренѣлые язычники, удерживаемые своими вѣрованіями въ старинномъ племенномъ бытѣ, они никакъ не могли возвыситься до понятія единства народнаго и государственнаго. Стоя на самой границѣ завоевательной имперіи, наслѣдницы идеи древняго Рима, они ей противопоставляли свою племенную раздробленность, свои внутренніе раздоры и свои *станицы*, какъ они называли священныя знамена языческихъ боговъ своихъ. Другой пограничный съ Западною имперіею славянскій народъ, Чехи, рано созналъ свое единство, рано промѣнялъ племенной бытъ на государственный, рано принялъ христіанское просвѣщеніе: но и Чехамъ какъ трудно было устоять противъ Германіи! Какая же судьба ожидала Балтійскихъ Славянъ?

VII.

Освобожденіе Балтійскихъ Славянъ отъ имперіи Каролинговъ. Первая попытка христіанской проповѣди на Балтійскомъ поморьѣ. 826—839.

Десять лѣтъ слишкомъ ничего не слышно о Балтійскихъ Славянахъ. Западная имперія была уже такъ слаба, такъ истощена раздорами, такъ изнурена нападеніями Норманновъ, что ничего не хотѣла предпринимать противъ Балтійскихъ Славянъ. А Балтійскіе Славяне, по недостатку единства и общей народной идеи, не пользовались распаденіемъ Германіи. Вотъ почему западныя лѣтописи въ это время совершенно умалчиваютъ объ нихъ, и мы, имѣя единственнымъ источникомъ западныя лѣтописи, не можемъ сказать ни слова объ этой любопытной эпохѣ въ жизни Балтійскихъ Славянъ.

Мы догадываемся только по позднѣйшимъ событіямъ, что въ эти десять лѣтъ не стало Чедрага, «короля» Бодричей, и что съ нимъ вмѣстѣ исчезли въ Бодрицкомъ народѣ и слабые зачатки единодержавной власти, возникшіе подъ вліяніемъ Франкской монархіи.

Бодричи и Велеты были снова возбуждены къ дѣятельности примѣромъ и вліяніемъ Скандинавовъ.

Держава Карла Великаго была уже легкою добычею отважныхъ «морскихъ королей» норманискихъ; но сами Норманны начинали испытывать на себѣ нравственное воздѣйствіе христіанскихъ народовъ. Въ 822 году сдѣлана была первая попытка христіанской проповѣди между Скандинавами реймскимъ архіепископомъ Эббономъ: онъ ѣздилъ въ Данію и обратилъ тамъ много народу (¹). Императоръ Людовикъ подарилъ ему въ Нордалбингіи помѣстье (Вельна или Вельнау, теперь Münsterdorf) близъ крѣпости Эзесфельдобурга, для того чтобы онъ могъ завести связи съ залабскими народами, и укрываться въ этомъ помѣстьѣ въ случаѣ преслѣдованій (²). Датскій король Гаральдъ, искавшій, какъ мы знаемъ, покровительства Германіи, склонился, наконецъ, на убѣжденія императора Людовика, и въ 826 году торжественно принялъ крещеніе въ Майнцѣ, вмѣстѣ съ своими людьми. Вскорѣ обстоятельства устроились въ Даніи такъ, что Гаральдъ могъ туда возвратиться, и императоръ отправилъ съ нимъ ревностнаго корбейскаго монаха Анскара, уроженца Фландріи (³), чтобы наставлять въ вѣрѣ новообращенныхъ Датчанъ и распространять христіанство между сѣверными народами. Этотъ Анскаръ былъ необыкновеннымъ явленіемъ среди тогдашняго Запада, впавшаго въ полнѣйшее равнодушіе къ успѣхамъ христіанства между язычниками; такое равнодушіе, впрочемъ, весьма понятно при неурядицѣ и страданіяхъ самаго Запада въ то время; оно доходило до того, что Анскаръ, хотя богато снабженный благочестивымъ императоромъ деньгами и всѣмъ нужнымъ для его подвига, принужденъ былъ ѣхать въ Данію съ однимъ только товарищемъ-монахомъ, и не могъ найти себѣ другихъ спутниковъ и прислуги. Не смотря на такой недостатокъ поддержки въ самихъ западныхъ народахъ, Анскаръ не совсѣмъ безплодно проповѣдывалъ. Онъ встрѣтилъ сочувствіе не столько въ Даніи, слишкомъ враждебно расположенной къ сосѣдней Нѣмецкой имперіи, сколько въ Швеціи. Тамъ многіе увѣровали

(¹) Эингардъ подъ 822 г. (M. G. I, 208).

(²) Rimberti vita Anskarii, 13, 14.

(³) Онъ поступилъ сначала въ старый Корбейскій монастырь (Corbie на р. Соммѣ, близъ Аміэна, въ сѣверо-восточной Франціи), а потомъ переведенъ былъ въ основанный императоромъ Людовикомъ ново-Корбейскій монастырь въ землѣ Саксовъ, на р. Везерѣ.

и приняли крещеніе. Въ награду за свои подвиги, тридцатилѣтній Анскаръ получилъ (831) отъ императора и папы архіепископскій жезлъ и санъ митрополита всѣхъ Сѣверныхъ народовъ. Мѣстопребываніе новому архіепископу назначено было, по предначертанію Карла, на нѣмецкой землѣ, на границѣ скандинавскаго міра и Славянскаго поморья, въ Гамбургѣ. Въ папской буллѣ (834 года) архіепископу гамбургскому давалось полномочіе для обращенія «Датчанъ, Шведовъ, Норвежцевъ, Фарейцевъ, Гренландцевъ, Исландцевъ, Финновъ и Славянъ» ([1]) (т. е. Балтійскихъ) ([2]); онъ назначался примасомъ всѣхъ сѣверныхъ и восточныхъ народовъ. Дѣло замѣчательное и характеристическое,—въ этомъ перечнѣ сѣверныхъ народовъ, предназначаемыхъ Западомъ къ призванію въ христіанство, Балтійскіе Славяне занимали послѣднее мѣсто: ближайшіе сосѣди Германіи, они поставлены были послѣ отдаленной и темной Исландіи, Гренландіи, послѣ Финновъ. Анскаръ такъ и понялъ свою обязанность. Его вниманіе обращено было исключительно на скандинавскія земли; къ Балтійскимъ Славянамъ онъ не ѣздилъ и даже, какъ видно изъ его жизнеописанія, весьма подробнаго, не вошелъ съ ними ни въ какія сношенія ([3]), Все, сдѣланное имъ для Славянъ, состояло въ томъ, что Анскаръ покупалъ иногда нѣсколькихъ славянскихъ мальчиковъ, вмѣстѣ съ датскими, а другихъ выкупалъ изъ плѣна, и отдавалъ ихъ для воспитанія въ христіанскомъ законѣ, въ монастырь Тургольтъ во Фландріи, дарованный гамбургской митрополіи для усиленія ея доходовъ. Иныхъ онъ оставлялъ при себѣ; но ему не удалось образовать ни одного проповѣдника Евангелія для Славянскаго поморья; а когда Тургольтскій монастырь отошелъ отъ него, то тамошній аббатъ обратилъ

---

(1) Грамота папы Григорія IV (по-видимому отъ 835 года) объ учрежденіи гамбургскаго архіепископства (Codex Pomer. diplom. 9): Ipsumque filium nostrum iam dictum Ansgarium et successores eius legatos in omnibus circumquaque gentibus Danorum, Sueonum, Noruehorum, Farrie, Gronlondan, Halsingalondan, Islandan, Scridevindun, Slauorum, nec non omnium septentrionalium et orientalium nationum, quocunque modo nominatorum, delegamus. Имя *Scrideuindun* относится къ Финнамъ, которыхъ Скандинавы называли Scridefinni, Scredefenni и т. под.

(2) Прочіе пограничные съ Германіею Славяне, Лабскіе Сербы, Чехи, Хорутане, Хорваты и др., были уже распредѣлены между другими нѣмецкими епархіями.

(3) Въ жалованной грамотѣ императора Людовика Анскару, при его возведеніи въ архіепископскій санъ (Cod. Pomer. 5), вовсе не упомянуто объ обращеніи имъ Славянъ.

нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ въ своихъ крѣпостныхъ людей (¹).

Тѣмъ не менѣе, нѣтъ сомнѣнія, что учрежденіе нѣмецкой митрополіи въ землѣ, недавно еще находившейся въ рукахъ Балтійскихъ Славянъ, могло испугать этотъ народъ, у котораго славянское язычество достигло такой же, если не большей степени развитія и крѣпости, какъ германское у Скандинавовъ. Балтійскіе Славяне должны были почувствовать близость опасности, предстоявшей ихъ богамъ и вооружиться для ея отраженія. Подобное явленіе представлялъ въ то время и скандинавскій міръ. Крещеніе Гаральда и проповѣдь Анскара въ Даніи и Швеціи разожгли тамъ повсюду страшный фанатизмъ язычниковъ. Раздраженные опасностью, которая угрожала Одину и Валгаллѣ, Скандинавы, съ яростью людей отчаянныхъ, обрекавшихъ себя добровольно на смерть, стали бросаться на христіанскія земли и вымещали на нихъ оскорбленіе своихъ боговъ (²). Надобно прочесть современныя лѣтописи и саги, чтобы имѣть понятіе объ ужасахъ, которыми они наполняли въ то время береговыя страны Германіи, Франціи и Англіи.

Противъ Славянъ-язычниковъ Скандинавы не имѣли такой вражды, хотя воинственная удаль попрежнему иногда увлекала ихъ

(¹) Vita S. Anskarii 15 (M. G. II, 700): (Anskarius) in diocesi sibi commissa et in partibus Danorum strenue suum implebat officium, et exemplo bonae conversationis multos ad fidei gratiam provocabat. Coepit quoque ex gente Danorum atque Slavorum nonnullos emere pueros, aliquos etiam ex captivitate redimere, quos ad servitium Dei educaret (это записано наряду съ событіями 835 и 836 годовъ).

(²) Мнѣ кажется, что историки, писавшіе о дѣятельности Норманновъ въ Европѣ въ IX, X и XI вѣкахъ, слишкомъ мало обратили вниманія на религіозное побужденіе ихъ походовъ. Обыкновенно говорятъ, что имъ стало тѣсно дома, и что ихъ влекла на чужбину жажда добычи и власти. Что имъ было тѣсно дома, кажется весьма сомнительнымъ: отчего же вдругъ перестало быть тѣсно, въ продолженіе многихъ столѣтій, со времени принятія христіанской вѣры этими народами? Жаждою добычи и власти вовсе не объясняется *furor Normannorum*, направленный преимущественно противъ христіанскихъ церквей и священниковъ, а еще менѣе ярость такъ называемыхъ *берсеркеровъ*, искавшихъ смерти во славу Одина. Но, разумѣется, легкіе успѣхи Норманновъ на берегахъ Германіи, Англіи, Франціи и Испаніи тотчасъ же внушили имъ мысль объ обогащеніи и завоеваніяхъ, и они вскорѣ не стали разбирать, кто ихъ враги, христіане или язычники, тѣмъ болѣе, что самая ихъ вѣра дѣлала изъ воинственной отваги главную добродѣтель человѣческую.

къ нападеніямъ на ихъ богатыя торговыя пристани. Сохранилось извѣстіе ([1]), что одинъ изъ королей, раздѣлявшихъ между собою Швецію, Амундъ, проживъ нѣсколько времени изгнанникомъ въ Даніи, собралъ тамъ дружину *викинговъ*, чтобы напасть на шведскій торговый городъ Бирку, гдѣ стараніями св. Анскара насаждено было христіанство и построена церковь. Снарядили 21 корабль; 11 кораблей принадлежали самому Амунду и товарищамъ его изгнанія; остальные—датскимъ удальцамъ, добровольно присоединившимся къ предпріятію. Переплывъ Балтійское море, они явились подъ стѣнами Бирки; жители, призывая имя Христово, приготовились къ упорной защитѣ. Тогда дружина Амунда обратилась къ языческимъ гаданіямъ, которыя сказали ей, что тутъ не будетъ удачи, и что слѣдуетъ направиться на какой-то отдаленный городъ въ землѣ Славянъ. Викинги раздѣлились: Датчане послушались жребія и поплыли прямо, куда имъ было указано; Амундъ заключилъ договоръ съ своими соотечественниками и остался въ Швеціи. Нежданно напали Датчане на мирный славянскій городъ, не помышлявшій о военной тревогѣ, захватили тамъ богатую добычу и возвратились домой ([2]). Какой это былъ городъ, мы не знаемъ: если позволено сдѣлать предположеніе, то мы назвали бы Волынъ (Wollin) на устьѣ Одры, столь извѣстный въ послѣдствіи, какъ средоточіе торговли Славянскаго поморья и какъ постоянная цѣль Норманнскихъ грабителей.—Но систематической вражды скандинавскіе *викинги* противъ Балтійскихъ Славянъ не имѣли въ то время; это видно изъ тогдашнихъ сагъ. Напротивъ, вслѣдствіе извѣстныхъ намъ уже обстоятельствъ, между тѣми и другими образовалась дружба и согласіе. Славяне перестали держать, какъ въ недавнее время, сторону Германской имперіи противъ Скандинавовъ. Имъ выгоднѣе казалось грабить вмѣстѣ съ Норманнами Нѣмцевъ, за одно съ ними отразить христіанство, одинаково враждебное Одину и Святовиту, и съ помощью ихъ свергнуть съ себя зависимость отъ Западнаго императора.

([1]) Rimberti vita Anskarii, 19.

([2]) Время этого предпріятія не указано въ житіи Анскара; оно помѣщено тамъ вслѣдъ за разсказомъ о разрушеніи Гамбурга и современномъ этому разрушенію гоненіи на христіанъ въ Швеціи, т. е. послѣ 841 года; но по другимъ даннымъ свидѣтельствующимъ о пребываніи Амунда въ Даніи, скорѣе можно заключить что это случилось въ 837 или 838 году.

Въ 836 или 837 году Бодричи и Велеты отказались отъ послушанія Нѣмцамъ. Въ первый разъ эти два славянскихъ племени, всегда противоборствовавшія другъ другу, являются дѣйствующими вмѣстѣ противъ общаго врага, Германіи. Императоръ Людовикъ отправилъ противъ нихъ войско (1). Освободившіеся Славяне, какъ видно, прибѣгли тотчасъ къ союзу и покровительству Датчанъ-язычниковъ. Датскій король Эрикъ (Горихъ) отправилъ къ Людовику посольство, требовать, чтобы Германія отказалась отъ верховной власти надъ землею Бодричей и передала ее Даніи, вмѣстѣ съ землею Фризовъ, которая въ то время почти завоевана была скандинавскими *викингами* (2) Людовикъ отвергъ это предложеніе, которое показалось ему верхомъ наглости со стороны Норманновъ, —и война Нѣмцевъ съ Балтійскими Славянами продолжалась. Успѣхъ Людовикова войска былъ весьма сомнителенъ: правда, военачальники его возвратились къ императорскому двору съ заложниками и объявили, что Славяне усмирены (838); но на другой годъ тѣ же Славяне, вмѣстѣ съ датскими викингами, грабили нѣмецкіе предѣлы. Бодричи и Велеты тутъ снова дѣйствовали за одно; Глиняне, недавно еще и не разъ отпадавшіе отъ общаго союза бодрицкихъ племенъ, тоже участвовали въ войнѣ. Къ Бодричамъ, Глинянамъ, Велетамъ приступили Лабскіе Сербы. Войска Славянъ вторгались въ *марки*, устроенныя Карломъ, и выжигали въ нихъ нѣмецкія селенія. Императоръ послалъ противъ нихъ, въ концѣ лѣта 839 года, ополченіе Саксовъ, Турииговъ и Аустразійцевъ (жителей Лотарингіи) (3); но германскій лѣтописецъ не упомянулъ объ успѣхѣ ихъ противъ Славянъ: видно исходъ войны не былъ благопріятенъ для имперіи; только въ землѣ Лабскихъ Сербовъ Нѣмцы одержали побѣду.

---

(1) Подъ начальствомъ графовъ Адальгара и Эгилона. Annal. Bertiniani подъ 838 г. (M G. I, 432). Adalgarius et Egilo comes ad Abodritos et Wilzos a fide deficientes dudum directi, reversi sunt, adductis secum obsidibus imperatori deinceps subditos fore nunciantes.

(2) Тамъ же. Missi Horich . . . piratarum in nostros fines dudum irruentium maximos a se ob imperatoris fidelitatem captos atque interfici iussos retulerunt, petentes insuper sibi dari Frisianos atque Abodritos. Cuius petitio, quanto imperatori indecens sive incongrua visa est, tanto vilius spreta et pro nihilo ducta est.

(3) Тамъ же. 435, 438.

VIII.

Дѣйствія Балтійскихъ Славянъ въ союзѣ съ Норманнами. 839—858.

Нуженъ былъ пятидесятилѣтній опытъ, чтобы убѣдить Балтійскихъ Славянъ въ томъ, что ихъ природный и главный врагъ— Германія, что для отпора ей слѣдовало забывать междоусобную непріязнь. Осуществившійся въ 838 и 839 годахъ союзъ Бодричей, Глинянъ и Велетовъ, для общихъ дѣйствій противъ Нѣмцевъ, представляетъ первый шагъ, сдѣланный на Славянскомъ поморьѣ къ образованію изъ раздробленныхъ племенъ народа и государства; но дальше этого Балтійскіе Славяне, для своей гибели, не пошли. Союзы между ними оставались случайностью, которую вызывала иногда настоятельная нужда самосохраненія, раздробленность же племенъ и вслѣдствіе того слабость, нерѣшительность и безсвязность дѣйствій продолжали составлять постоянную принадлежность исторической жизни у этихъ Славянъ.

Они не воспользовались полнымъ безсиліемъ Западной имперіи въ послѣдніе годы царствованія Людовика Благочестиваго и при его сыновьяхъ, для того, чтобы обезпечить себя со стороны Германіи и овладѣть недавно потерянною ими Нордалбингіею, которая стояла передъ ними открытою.

Держава Карла Великаго представляла около 840 года безотраднѣйшій хаосъ. Всѣ многоразличныя стихіи Западной Европы, собранной имъ во едино, находились въ полномъ разложеніи. Вражда и мракъ царили повсюду. Власть императора сдѣлалась призракомъ; сыновья Людовика безпрестанно вооружались другъ противъ друга и бились между собою; не оставалось никакого права, кромѣ кулачнаго; Норманны безнаказанно раззоряли и выжигали города, къ которымъ только могли подъѣхать ихъ плоскодонныя ладьи. Послѣ смерти императора Людовика (840), между его сыновьями возгорѣлась упорная война. Старшій изъ нихъ, Лотаръ, разбитый на голову въ кровопролитной битвѣ двумя младшими братьями, прибѣгнулъ къ отчаянному средству. Онъ призвалъ къ оружію нижнія сословія народа Саксовъ, обѣщая имъ имущество благородныхъ, свободу возвратиться къ язычеству и возстановленіе стараго быта. Большими толпами стекались возмутившіеся Саксы, которые приняли названіе *стеллинговъ*, подъ знамена старшаго потомка

Карла Великаго; люди знатнаго сословія (эделинги) бѣжали или гибли; свободные земледѣльцы (фрилинги) и люди жившіе на чужой землѣ (лассы) сдѣлались на время господами на ихъ мѣстѣ. Лотаръ пригласилъ на помощь и Датчанъ, обѣщая имъ уступку какого-то края (вѣроятно Нордалбингіи); ожидали также, что Славяне, которыхъ связывало съ *стеллингами* естественное сродство бытовыхъ понятій и интересовъ, соединятъ съ ними свои силы и помогутъ разрушить окончательно и завоевательную церковь и завоевательный государственный порядокъ, наложенные рукою Франковъ на сосѣднія съ ними нѣмецкія земли. Опасность эта ясно сознавалась младшими сыновьями Людовика (1). Но Славяне ничего не предприняли, а подобное стеченіе выгодныхъ обстоятельствъ никогда уже не повторилось для нихъ.

Братъ Лотара, Людовикъ, которому при раздѣленіи Карловой монархіи предназначалась Германія, поспѣшилъ явиться въ землю Саксовъ, и ему удалось мало-по-малу усмирить тамъ возстаніе, тѣмъ болѣе, что Лотаръ ничего не дѣлалъ для поддержки призваннаго имъ къ оружію народа. Норманны продолжали нападать на нѣмецкія земли; Славяне иногда выступали вмѣстѣ съ ними въ походъ, но самостоятельно они не дѣйствовали. Въ то самое время, когда возстаніе Саксовъ было въ полномъ разгарѣ (841—842), морскіе разбойники вдругъ явились подъ Гамбургомъ. Нападеніе было такъ внезапно, что жители окрестныхъ мѣстъ не успѣли собраться къ защитѣ; притомъ же военный начальникъ Нордалбингской марки, Бернаръ, былъ въ отлучкѣ. Архіепископъ, Анскаръ, хотѣлъ выдержать осаду съ одними горожанами и жителями подгородной слободы, называвшейся Гамвикомъ (2); но напоръ язычниковъ былъ такъ силенъ, что противостоять имъ съ этими малыми силами было невозможно. Анскаръ съ своими священниками покинулъ новосозданную митрополію Сѣвера, унося съ собою мощи святыхъ; они бѣжали въ разныя стороны; непріятель былъ такъ близокъ, что архіепископъ, по словамъ его жизнеописателя, не успѣлъ захватить своего плаща. Большая часть гамбургскихъ жителей были умерщвлены. Язычники заняли городъ и слободу и

---

(1) Nithardi historia (M. G. II, 668).

(2) Теперь предмѣстье св. Николая.

принялись грабить; на другой день продолжалось разграбленіе Гамбурга; наконецъ, они зажгли городъ и удалились съ добычею. Недавно выстроенная стараніями Анскара «дивной работы» церковь и принадлежавшій къ ней монастырь были истреблены огнемъ, также какъ многія книги, собранныя архіепископомъ [1].

Кто были эти морскіе разбойники, уничтожившіе новоучрежденную христіанскую митрополію въ Залабьѣ, не сказано писателемъ, который передалъ намъ это извѣстіе. Другой современникъ, писавшій во Франціи, упоминаетъ вскользь о разрушеніи Гамбурга Норманнами [2]. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тутъ дѣйствовали и Норманны [3]; но всѣ позднѣйшія легенды, изображающія съ разными прикрасами нападеніе язычниковъ на духовную столицу сѣверной Европы, приписываютъ его Славянамъ. Онѣ называютъ виновникомъ гоненія, постигшаго тогда христіанъ въ Нордалбингіи, какого-то славянскаго князя Борута, который владѣлъ страною у нѣмецкой границы. Подробности этой легенды баснословны и спутаны съ событіями гораздо позднѣйшаго времени [4]; но участіе Славянъ въ разрушеніи Гамбурга кажется вполнѣ достовѣрнымъ, такъ какъ они въ то время вообще дѣйствовали за одно съ Скандинавами противъ ближайшихъ нѣмецкихъ поселеній.

Дѣйствія ихъ не привели однако ни къ чему, кромѣ временной независимости отъ Нѣмцевъ. Обезпечить эту независимость прочнымъ утвержденіемъ на устьѣ Эльбы они не съумѣли; они про-

---

(1) Rimberti vita S. Anskarii, 16. Adam Brem. I. 23. Житіе Анскара, достовѣрнѣйшій источникъ для этихъ событій, не говоритъ, въ какое время случилось нападеніе язычниковъ на Гамбургъ; Адамъ Бременскій приводитъ, «на основаніи исторіи Франковъ и папскихъ грамотъ», послѣдній годъ царствованія императора Людовика (840); Нитгардъ упоминаетъ вскользь о разрушеніи Гамвика (т. е. Гамбурга) между событіями 842 года. Послѣднее вѣроятнѣе, по соображенію съ другими хронологическими данными. См. Гизебрехта, wend. Geschichten, I, 162.

(2) Nithardi historia (M. G. II, 669) подъ 842 годомъ: Per idem tempus Nortmanni Contwig depraedati sunt inibique mare traiecto *Hamwig* et Novdhumwig similiter depopulati sunt. Что Гамбургъ назывался вначалѣ тоже Гамвикомъ (т. е. Гамскимъ посадомъ), доказывается свидѣтельствомъ житія св. Анскара о торговомъ селеніи, *викѣ*, существовавшемъ тамъ у города, *бурга*.

(3) Адамъ Бременскій I, 23, называетъ Норманновъ виновниками этого бѣдствія.

(4) См. Legenda de S. S. martyribus interfectis in Hamburgh: Leibnitz, scriptores rerum Brunsvicensium I, 184. Сравни также Lambecii, Origines Hamburgenses I, 13.

пустили время замѣшательства, когда государственная власть почти перестала существовать въ сѣверной Германіи; Нордалбингія осталась по-прежнему нѣмецкой землею, хотя страшно раззоренная и на время совершенно беззащитная. Славяне видѣли возлѣ себя развалины военной линіи, устроенной Карломъ Великимъ, и дождались, пока другой государь нѣмецкій принялся ее возстановлять несравненно крѣпче, чѣмъ она была прежде.

Въ 844 году, когда мятежъ Саксовъ былъ усмиренъ, Людовикъ, король нѣмецкій, рѣшился пойти войною на Балтійскихъ Славянъ, чтобы наказать ихъ за всѣ ихъ нападенія на Германію. Ударъ былъ направленъ на Бодричей, ближайшихъ ея сосѣдей. Старшій князь ихъ, Гостомыслъ, былъ убитъ; другіе князья и народъ изъявили покорность Нѣмцамъ, по увѣренію западнаго лѣтописца, но снова принялись за оружіе, какъ скоро Людовикъ выступилъ изъ ихъ земли (1). Въ 845 году Славяне опять нападали на Нѣмцевъ, вмѣстѣ съ Датчанами. Шестьсотъ датскихъ кораблей, снаряжен-

---

(1) Annal. Fuldens. (M. G. I, 364). Hludowicus Abodritos defectionem molientes bello perdomuit, occiso rege eorum Gotzomiuzli terramque illorum et populum sibi divinitus subiugatum per duces ordinavit. Annal. Bertin. (тамъ же, 441). Hludowicus rex Germanorum populos Sclavorum et terras aggressus, quosdam in deditionem cepit, quosdam interfecit, omnes pene illorum partium regulos sibi aut vi aut gratia subegit. Annal. Xantens. (тамъ же, II, 228). Ludewicus rex perrexit in Winithos cum exercitu. Ibique unus ex regibus eorum interiit, Gestimus nomine, reliqui vero fidem praebentes venerunt ad eum; quam illo absente statim mentientes. Къ этому извѣстію о походѣ противъ Бодричей и гибели ихъ князя Гостомысла позднѣе приплетено было сказаніе о томъ, будтобы король Людовикъ воевалъ противъ Ранъ (Славянъ, жителей острова Рюгена), убилъ тамошняго князя Гостомысла, принудилъ Ранъ къ принятію христіанской вѣры и даровалъ ихъ островъ Корбейскому монастырю. Притязанія Корбейскаго монастыря на владѣніе островомъ Раною, являющіяся уже въ XI вѣкѣ, возникли, кажется, изъ сходства имени ранскаго божества Святовита со Святымъ Витомъ, покровителемъ Корбейскаго монастыря. Монахи корбейскіе, желая извлечь изъ этого выгоду, пустили въ ходъ сказку, будто они, по порученію Людовика, водворили христіанство въ покоренномъ имъ славянскомъ островѣ, но что Славяне, возвратившись потомъ въ язычество, изъ христіанскаго святаго, Вита, сдѣлали себѣ божество Святовита (см. Гельмольда, I, 6); для подтвержденія своихъ мнимыхъ правъ они не только извратили свидѣтельство современныхъ Людовику лѣтописей, но изготовили поддѣльную грамоту этого короля, въ которой онъ говоритъ о своей войнѣ съ Ранскими Славянами, о смерти ихъ короля «Gestimulus» и о дарованіи всего острова Корбейскому монастырю (Cod. Pomer. 11). Странно, что между нѣмецкими учеными нѣкоторые, даже въ новѣйшее время, могли колебаться въ признаніи подложности этого акта и всѣхъ отношеній Корбейскаго монастыря къ острову Ранѣ.

ныхъ королемъ Эрикомъ, вошли въ устье Эльбы и снова разграбили Гамбургъ, гдѣ Саксы успѣли уже возстановить укрѣпленіе. Славяне, какъ кажется, помогали имъ. Король Людовикъ съ войскомъ Саксовъ пошелъ на встрѣчу непріятелю, и вступилъ въ бой съ Норманнами; онъ одержалъ надъ ними побѣду. Датчане удалились; на возвратномъ пути Саксы напали на Славянъ и взяли у нихъ какой-то городъ (вѣроятно близъ нижней Эльбы) (1).

Побѣда, одержанная Нѣмцами, а также другія обстоятельства, склонили короля датскаго Эрика къ миру съ Германіею. Онъ отправилъ посольство къ Людовику въ Падерборнъ, куда созванъ былъ нѣмецкій сеймъ. Туда же явились и посланцы отъ Славянъ, можетъ быть именно отъ тѣхъ прибалтійскихъ племенъ, которыя сражались вмѣстѣ съ Датчанами. Миръ, заключенный тогда (845) между Германіею и Даніею, былъ вскорѣ скрѣпленъ сближеніемъ датскаго государя съ христіанскимъ проповѣдникомъ. Со времени раззоренія Гамбурга Датчанами и Славянами, архіепископъ Анскаръ жилъ изгнанникомъ на лѣвомъ берегу Эльбы (2), посѣщая иногда Гамбургъ и Нордалбингію, для поддержанія тамъ христіанства. Въ Нордалбингіи, кромѣ Гамбурга, находились въ то время только три приходскія церкви (3), и то на западномъ краю ея, далеко отъ Славянской земли, которая такимъ образомъ оставалась внѣ христіанскаго вліянія. Король Людовикъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы пристроить скитальца-архіепископа. Возстановленіе гамбургской митрополіи казалось невозможнымъ, до такой степени власть Германіи упала въ этомъ краѣ; потому Людовикъ назначилъ Анскара епископомъ въ Бременъ, какъ скоро это мѣсто сдѣлалось свободнымъ (4) (847). Гамбургская ми-

---

(1) Annal. Fuld. подъ 845 г. (M. G. I, 364). (Nortmanni) castellum etiam in Saxonia quod vocatur Hammaburg, populati, nec inulti reversi sunt. Annal. Bertin. тамъ же, 442: Nortmannorum rex Oricus sexcentas naves per Albim fluvium in Germaniam adversus Hludowicum dirigit, quibus Saxones occurrentes, commisso proelio, domini nostri Iesu Christi auxilio victores efficiuntur: unde digressi Sclavorum quandam impetunt et capiunt civitatem. Ср. Annal. Xantens. подъ тѣмъ же годомъ (M. G. II, 228).

(2) Преимущественно въ подаренномъ ему одною благочестивою женщиною имѣніи Ramesloh.

(3) Въ Мельдорпѣ, Гейлигенштеттенѣ и Шенефельдѣ.

(4) За смертью епископа Леудериха.

трополія была соединена такимъ образомъ съ бременскою епархіею; Гамбургъ продолжалъ именоваться главнымъ городомъ, но епископъ «Сѣвера» жилъ съ тѣхъ поръ въ Бременѣ: миссіонерская дѣятельность Запада удалилась еще больше отъ Славянскаго поморья, и еще исключительнѣе устремлена была на Скандинавовъ, съ которыми Бременъ имѣлъ моремъ постоянныя сношенія. Получивъ новую точку опоры и новыя средства для своей дѣятельности, Анскаръ сталъ часто ѣздить въ Данію съ государственными порученіями отъ короля Людовика, пріобрѣлъ благоволеніе короля Эрика, построилъ церковь въ Шлезвигѣ и обратилъ многихъ Датчанъ [1]. Затѣмъ онъ посѣтилъ также Швецію и возстановилъ тамъ христіанство, почти искорененное языческою реакціею въ то самое время, когда разрушена была гамбургская митрополія. Но на Славянъ онъ во все время своей дѣятельности въ санѣ бременскаго епископа (847—865), точно также какъ и преемникъ его Римбертъ (865—888), его ученикъ и жизнеописатель, не обращалъ никакого вниманія. Христіанство нисколько не проникало къ нимъ. Мало того: ихъ примѣръ, какъ нѣмецкій государь писалъ папѣ въ 850 году, потрясалъ христіанскую вѣру въ самихъ Саксахъ, ихъ сосѣдяхъ, изъ которыхъ многіе (по всей вѣроятности преимущественно въ Нордальбингіи) возвращались въ то время къ языческимъ богамъ [2].

Съ тѣхъ поръ, какъ Данія вошла въ мирныя сношенія съ Германіею, и Балтійскіе Славяне стали покойны: въ продолженіе тринадцати лѣтъ (845—858), не слышно ни о какомъ столкновеніи между ими и Нѣмцами. Этимъ подтверждаются наши слова, что Балтійскіе Славяне, вслѣдствіе внутреннихъ отношеній своихъ, не имѣли никакихъ самостоятельныхъ политическихъ замысловъ, и побуждаемы были въ то время къ дѣятельности только вліяніемъ Скандинавовъ. Безсильное государство нѣмецкое не помышляло тогда о нарушеніи ихъ независимости; тѣмъ они и довольствовались. Но какъ они пользовались этимъ временемъ внѣшней безопасности, продолжали ли свои внутренніе раздоры, мы рѣшитель-

---

(1) Vita Anskarii, 24. Adam. Brem. I, 27.

(2) Письмо короля Людовика къ папѣ Льву IV, помѣщенное въ Translatio S. Alexandri, (M. G. II).

но не знаемъ. Изъ послѣдующихъ событій видно только, что они остались чуждыми того стремленія къ внутреннему единству и сосредоточенію, которое именно въ эту эпоху (во второй половинѣ IX вѣка) проявлялось повсемѣстно у другихъ славянскихъ народовъ, подъ Карпатами, на Вислѣ и на Ильменѣ. Балтійскіе Славяне не тронулись изъ своего племеннаго быта.

IX.

События на Славянскомъ поморьѣ до совершеннаго уничтоженія власти Германіи надъ сѣверо-западными Славянами. 858 — 877. Начатки проповѣди Кирилла и Меѳодія у сѣверо-западныхъ Славянъ; ея пресѣченіе.

Не смотря на миръ, заключенный между датскимъ и нѣмецкимъ королями, норманнскіе *викинги* продолжали нападать на имперію Каролинговъ. Удѣлы двухъ старшихъ братьевъ Людовика страдали отъ нихъ ужасно. Особенно отличался своими подвигами Рорикъ, племянникъ датскаго короля Гаральда. Съ дружиною своихъ Норманновъ онъ еще въ 850 г. завоевалъ часть Фрисландіи ([1]), въ области короля лотарингскаго Лотара II, который принужденъ былъ признать его владѣтелемъ этого края. Въ 857 году Рорикъ, сговорившись съ королемъ Лотаромъ, снарядилъ свои корабли и поплылъ въ Данію, гдѣ получилъ отъ короля Эрика удѣлъ для поселенія, между р. Эйдеромъ и морскимъ берегомъ, т. е., вѣроятно, западную часть нынѣшняго Шлезвига. Воинственный витязь норманнскій водворился такимъ образомъ на самой границѣ Залабской *марки* и могъ войти въ сношенія съ своими близкими сосѣдями, Бодричами. Бодричи и Глиняне стали нападать на Германію. По всей вѣроятности, подстрекнулъ ихъ къ тому Рорикъ, который служилъ орудіемъ королю лотарингскому для противоборства Людовику Нѣмецкому. Вся восточная граница Германіи была въ опасности. Нѣсколько лѣтъ уже Нѣмцы вели постоянныя войны съ сосѣдними Славянами: Сербы на Салѣ и верхней Эльбѣ безпрестанно возставали противъ устроенной Карломъ Великимъ военной украины ([2]); Чехи

([1]) Съ городомъ Дорштадтомъ.—См. Annal. Fuld. M. G. 1, 366. Ann. Bertin., тамъ же 445.

([2]) Возстанія эти начали обращать на себя вниманіе западныхъ лѣтописцевъ съ 851 года. См. Ann. Bertin.

и Моравцы, слагавшіеся уже въ могущественное государство, наносили Германіи тяжелые удары; Словенцы и Хорваты враждовали противъ нея, и даже Болгаре приходили Словенцамъ и Хорватамъ на помощь, по наущенію Франціи (¹). Вотъ наконецъ и Славяне на нижней Эльбѣ и у Балтійскаго моря присоединяются къ этому общему ополченію славянскихъ народовъ противъ Германіи, раздражившей ихъ завоевательными попытками Карла. Въ іюлѣ 858 года нѣмецкій король Людвикъ принужденъ былъ отправить три войска противъ Славянъ: одно противъ моравскаго князя Ростислава, другое противъ Лабскихъ Сербовъ, третье наконецъ, весьма значительное, подъ предводительствомъ своего меньшаго сына Людовика, противъ Бодричей и Глинянъ (²). Самъ король германскій въ то же время предпринялъ походъ противъ брата своего, Карла, короля французскаго. Пока онъ тамъ воевалъ, Норманны напали на землю Саксовъ (³); должно полагать, что это была дружина Рорикова, вторгшаяся въ Нордалбингію. Лѣтописецъ говоритъ, что Нѣмцы отбили ихъ; а про то, что̀ сдѣлано было противъ Бодричей, вовсе не упоминаетъ. Изъ этого мы заключаемъ, что результатъ похода былъ ничтожный, быть можетъ, онъ и не состоялся, и войска̀, назначенныя противъ Балтійскихъ Славянъ, обращены были на защиту границы отъ Норманновъ и ихъ союзниковъ Славянъ. На верхней же Эльбѣ, вооруженіе Сербовъ приняло такой угрожающій видъ, что нѣмецкій король бросилъ дѣла свои во Франціи и поспѣшно воротился въ Германію (въ началѣ 859 года) (⁴).

Средне-вѣковыя западныя лѣтописи, вообще столь скупыя на слова, когда дѣло идетъ о Славянахъ, а тѣмъ болѣе о Славянахъ-язычникахъ, становятся еще скуднѣе въ эту мрачную на Западѣ эпоху. А какъ свѣтла и радостна была она на всемъ пространствѣ славянскаго міра: повсюду независимость, на сѣверѣ и востокѣ заря жизни политической, начало государственной организаціи, на югѣ заря жизни духовной, начало просвѣщенія народнаго! У

(¹) Ann. Bertin. 851.
(²) Ann. Fuld. Ann. Hildesheim. 858.
(³) Ann. Bertin. 858.
(⁴) Annal. Fuld. 858, 859.

Балтійскихъ Славянъ эпоха эта прошла безплодно, не оставила по себѣ никакихъ слѣдовъ внутренняго развитія.

Я упомянулъ о походѣ Нѣмцевъ въ 858 году противъ Бодричей и Глинянъ. Затѣмъ, на три года о Балтійскихъ Славянахъ снова прекращаются извѣстія. Въ 862 году Германія опять вооружается на нихъ. Ведетъ войска въ этотъ разъ самъ король Людовикъ; онъ идетъ ратью на бодрицкаго князя Добомысла, о которомъ ничего другаго мы, впрочемъ, не знаемъ. Лѣтопись, составлявшаяся въ нѣмецкомъ монастырѣ Фульдѣ, повѣствуетъ именно, что король, предпринявъ походъ противъ Бодричей, принудилъ ихъ мятежнаго князя Добомысла покориться ему и дать ему, въ числѣ другихъ заложниковъ, своего собственнаго сына (¹). Но на этотъ разъ мы можемъ судить о правдивости германскаго лѣтописца, сравнивъ его свидѣтельство съ разсказомъ Гинкмара епископа реймскаго, который писалъ во Франціи и не считалъ нужнымъ льстить нѣмецкому королю и превозносить успѣхи его оружія. Онъ говоритъ, что король Людовикъ, готовясь къ походу противъ Славянъ (Бодричей) и ихъ князя (Дабомысла), просилъ содѣйствія своего племянника Лотара, короля лотарингскаго; Лотаръ обѣщалъ, но потомъ не пріѣхалъ. Нѣмецкій король пошелъ однако войною на этихъ Славянъ съ однимъ изъ своихъ сыновей, Людовикомъ. Походъ ему не посчастливился: онъ потерялъ нѣкоторыхъ изъ знатнѣйшихъ лицъ своего войска, не имѣлъ никакого успѣха и возвратился въ Германію, удовольствовавшись тѣмъ, что ему дали какихъ-то заложниковъ (²). Свидѣтельство французскаго епископа Гинкмара

(¹) Annal. Fuld. 862. Rex ducto in Abodritos exercitu, ducem eorum Tabomiuzlem rebellantem dicto obedire et filium suum cum aliis obsidibus dare coegit.

(²) Annal. Bert. auct. Hincmaro Rem. a. 862 (M. G. I, 458). Hludowicus rex Germaniae Lotharium nepotem suum ad Moguntiam accersiens, petit ut cum eo contra Winidos qui appellantur . . . . . . advertus eorum regulum . . . . cum apparatu hostili pergat; qui se primum iturum promisit, post vero a promissione sua defecit. Hludowicus autem, relicto in patria filio suo Carolo Hludowicum filium suum secum ducens, aggreditur Winidos; unde amissis quibusdam primoribus et nihil prospere gestis, sub obtentu obsidum ad Francofurd revertitur. Въ рукописи гинкмаровой лѣтописи имена славянскаго племени и князя, противъ которыхъ велась война, оставлены пробѣломъ; видно, переписчикъ не могъ разобрать ихъ; но изъ сличенія годовъ и событій оказывается несомнѣннымъ, что это были Бодричи и ихъ князь Дабомыслъ.—Тоже событіе записано

важно для насъ, какъ доказательство, до какой степени средне-вѣковыя лѣтописи, сочинявшіяся въ Германіи, искажали истину событій въ отношеніи къ «варварамъ», язычникамъ, Славянамъ: мы видимъ, какъ подъ перомъ фульдскаго монаха война крайне неудачная преобразилась въ блистательный успѣхъ. Къ сожалѣнію, случаи, въ которыхъ мы можемъ повѣрять нѣмецкіе источники лѣтописцами другихъ странъ, менѣе враждебныхъ къ Славянамъ, чрезвычайно рѣдки, особенно когда дѣло идетъ о племени прибалтійскихъ Ляховъ: это отдаленное, языческое племя мало обращало на себя вниманіе Франціи, Англіи, Италіи; оно безпокоило только Германію и одна Германія писала о немъ. Такимъ образомъ, принужденные возстановлять его историческую жизнь почти единственно по сказаніямъ нѣмецкимъ, мы должны постоянно имѣть въ виду ту долю неправды, которая внесена нашими источниками во всѣ свѣдѣнія наши о четырехсотлѣтней борьбѣ этихъ Славянъ съ Германіей. Конечно, общій смыслъ ихъ исторіи отъ этого не измѣняется: все таки въ этой четырехсотлѣтней борьбѣ Нѣмецкій народъ остался побѣдителемъ, и такимъ побѣдителемъ, что онъ могъ безпрепятственно истребить все племя Балтійскихъ Ляховъ; но побѣдитель скрылъ многія частныя свои пораженія, и предалъ забвенію многіе доблестные подвиги своего несчастнаго противника.

Послѣ неудачнаго похода 862 года, Германія пять лѣтъ не тревожила Балтійскихъ Славянъ: по крайней мѣрѣ объ нихъ мы ничего въ лѣтописяхъ не читаемъ. Противъ другихъ Славянъ, устремляла тогда ослабѣвшая Германія все, что оставалось у нея силы. Славянская держава, которая возрастала на среднемъ Дунаѣ и уже грозила баварскимъ границамъ, была въ то время опаснѣйшимъ врагомъ нѣмецкой земли.—Но подъ 867 годомъ записано въ лѣтописяхъ, что норманскій викингъ Рорикъ, о которомъ у насъ уже была рѣчь, снова сталъ грозить нидерландскимъ берегамъ и что противъ него долженъ былъ выступить лотарингскій король; а въ то же время король нѣмецкій выслалъ своего сына, Людовика младшаго, съ ополченіемъ Саксовъ и Турииговъ противъ Бодричей,

вкратцѣ и въ Лотарингской (Ксантенской) лѣтописи, но поставлено подъ 863 г. (M. G. II, 230): Ludewicus rex primum conventum habuit Wangiona et post hac Magontia, ibique venit ad eum Lotharius, hostem machinantes in Sclavos; quod et postea fecerunt; sed non profuit.

и велѣлъ остальнымъ войскамъ Германіи держаться наготовѣ; онъ сбирался вести ихъ въ случаѣ нужды [1]. Снова видна связь между враждебными дѣйствіями Рориковой дружины противъ Каролингской державы и движеніемъ Балтійскихъ Славянъ, принудившимъ Германію вооружиться на нихъ. Мы не знаемъ только, произошло ли въ этотъ разъ столкновеніе; лѣтописецъ ничего больше не говоритъ объ этомъ походѣ противъ Бодричей.

Бодричи и все вообще Славянское поморье пользовалось уже полною независимостью и безопасностью со стороны Германіи. Только съ мелкихъ пограничныхъ племенъ, жившихъ вдоль Эльбы на самой чертѣ пограничныхъ военныхъ поселеній нѣмецкихъ, какъ-то съ Глинянъ, сосѣдей Саксонской *марки*, съ Суселцевъ, вѣтви Лабскихъ Сербовъ, жившихъ въ углу между Салою и Эльбою, подлѣ Турингской марки, и другихъ тамошнихъ племенъ, взымалась или по крайней мѣрѣ требовалась Нѣмцами дань. Въ 877 г. племена эти отказались платить ее. Лѣтопись расказываетъ, что нѣмецкій король Людовикъ (младшій) послалъ къ нимъ своихъ людей, которымъ удалось усмирить ихъ безъ боя. Они взяли съ нихъ нѣсколькихъ заложниковъ и большіе подарки и принесли своему государю извѣстіе, что эти Славяне «возвратились въ прежнее свое подданство» [2]. Вѣроятно, о дани уже рѣчи не было, и король удовольствовался посланными ему подарками: ибо въ слѣдъ затѣмъ мы видимъ уже эти мелкія пограничныя съ Нѣмцами племена въ такой же полной независимости, какою пользовались уже почти сорокъ лѣтъ болѣе сильные и отдаленные Бодричи.

Въ 871 году Германія, все болѣе и болѣе распадавшаяся внутри, напрягла остатокъ своихъ силъ для того, чтобы возстановить свое владычество надъ Славянами юго-западными, надъ державою Велико-моравскою. Усиліе это кончилось страшнымъ пораженіемъ, 871 г.

(1) Ann. Bersin. 867.

(2) Ann. Fuldens. 877: Sclavi qui vocantur Linones et Siusli eorumque vicini defectionem molientes solitum dare censum rennuunt; quos Hludowicus rex, missis quibusdam fidelibus suis, circa mediam quadragesimam, sine bello compressit, acceptisque obsidibus nonnullis et muneribus non paucis, eos sub pristinum subegit servitium. Сосѣди Суселцевъ, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, не исчисляя ихъ именъ, были, безъ сомнѣнія, другія мелкія вѣтви Сербовъ, жившія около ихъ на западномъ берегу Эльбы, до р. Салы, именно Коледичи, Нелѣтичи, Нудичи и Жирмунты.

которое дало юго-западной державѣ славянской совершенно новое значеніе, дало ей первенство въ славянскомъ мірѣ, поставило ее въ равновѣсіе съ цѣлой Германіей. А черезъ шесть лѣтъ послѣ великой побѣды Славянъ подъ Велеградомъ Моравскимъ, въ 877 году, мы видѣли, что сѣверо-западныя племена славянскія, на берегу Салы и Эльбы, довершили свое освобожденіе отъ нѣмецкаго владычества. Теперь оставалось только, чтобы они вступили въ связь съ средоточіемъ славянской жизни, съ державою Славянъ прикарпатскихъ. Отъ Великой Маравіи сѣверо-западныя племена славянскія могли получить основанія порядка государственнаго, начатки котораго, приносимые изъ Германіи, къ нимъ не прививались (намъ извѣстно, какъ неудачны были попытки учредить у Бодричей единодержавіе подъ покровительствомъ Западныхъ императоровъ). Что еще важнѣе, отъ Великой Моравіи сѣверо-западныя племена славянскія могли получить зародыши христіанства, проповѣданнаго народными просвѣтителями Кирилломъ и Меѳодіемъ. Изъ этихъ рукъ Балтійскіе Славяне не стали бы отвергать ученіе новой вѣры, какъ они отвергали его, когда оно являлось къ нимъ въ сопровожденіи латинскихъ молитвъ и политическаго подчиненія нѣмецкому государству, нѣмецкому народу.

Дѣйствительно, Велико-Моравская держава начала уже простирать свое связующее и просвѣтительное вліяніе на сѣверозападъ до Эльбы. Чехія добровольно подчинилась верховной власти славянскаго государя, царствовавшаго въ Моравскомъ Велеградѣ, славнаго до сихъ поръ въ народныхъ повѣріяхъ Святополка; она добровольно приняла крещеніе изъ рукъ славянскаго апостола Меѳодія (около 874 года). Въ слѣдъ за Чехіею и Лабскіе Сербы, ближайшіе сосѣди Балтійскихъ Славянъ и ихъ союзники въ послѣднихъ войнахъ съ Германіею, вошли въ составъ новаго славянскаго государства: они, которые такъ недавно еще платили дань нѣмецкимъ королямъ, стали платить ее теперь Святополку моравскому [1]. До насъ не дошло извѣстій о томъ, какъ это произошло, хо-

[1] Титмаръ (VI, 60) говоритъ о краѣ, гдѣ онъ жилъ (въ концѣ X-го и началѣ XI-го столѣтія) и гдѣ сдѣланъ былъ епископомъ и о которомъ преимущественно писалъ,—о такъ называвшейся Турингской маркѣ, основанной въ землѣ Сербовъ между Салой и Эльбой: Boemii, regnante Zuetepulco duce, quondam fuere principes nostri. Huic a nostris parentibus quotannis solvitur census et episcopos in sua regione Marierun (нѣмецкая форма имени Моравія) dicta habuit.

тя мы можемъ предполагать, что Лабскіе Сербы, находясь, по самому положенію своему, въ постоянной опасности отъ Нѣмцевъ, добровольно искали защиты и покровительства единоплеменнаго имъ, могущественнаго соперника Германіи, государя моравскаго, по примѣру Чеховъ, своихъ сосѣдей. Мы не знаемъ также, проникла-ли къ Лабскимъ Сербамъ, вмѣстѣ съ политическимъ вліяніемъ Моравіи, проповѣдь Меѳодія; но если позволено сдѣлать предположеніе, при совершенномъ отсутствіи современныхъ данныхъ, то мы готовы утверждать, что и къ этому отдаленному племени принесены были, въ краткую эпоху господства православной славянской проповѣди въ Моравіи и Чехіи, начатки христіанскаго ученія. Этимъ и объясняется для насъ, что въ слѣдующее время, христіанство, даже какъ оно предлагалось нѣмецкими властями, духовными и свѣтскими, уже не встрѣчало у Лабскихъ Сербовъ особеннаго сопротивленія; они сдѣлались легко и охотно христіанами; борьба ихъ съ Нѣмцами, въ теченіе первой первой половины X-го столѣтія, велась за независимость, но не имѣла въ себѣ того ожесточеннаго фанатизма, съ какимъ сосѣди Сербовъ, Балтійскіе Славяне, защищали, вмѣстѣ съ свободою, языческихъ боговъ своихъ. Скорому и легкому принятію христіанства Лабскіе Сербы преимущественно обязаны были тѣмъ, что они избѣгли полнаго истребленія, какому подверглись племена прибалтійскія, и что хотя частица ихъ края, нѣкогда обширнаго, сохранила донынѣ славянскій языкъ и славянскую народность.

Если бы дано было время восточному христіанству, проповѣданному народными просвѣтителями славянскими, окрѣпнуть въ Моравіи и Чехіи и съ тѣмъ вмѣстѣ укорениться между Лабскими Сербами, то оно, безъ всякаго сомнѣнія, скоро подвинулось бы оттуда далѣе на сѣверъ и овладѣло бы племенами балтійскихъ Ляховъ, Стодорянами, Бодричами, Велетами, Поморянами, какъ оно начинало уже проникать къ восточнымъ Ляхамъ у Вислы. Исторія всѣхъ этихъ земель приняла бы другой оборотъ, южный берегъ Балтійскаго моря остался бы славянскою землею.—Общеніе между Чехами и Балтійскими Ляхами существовало. Сынъ и преемникъ перваго христіанскаго князя чешскаго Боривоя, Вратиславъ, женился (въ послѣднихъ годахъ IX-го вѣка) на Драгоміри, «родомъ изъ лютѣйшаго народа Лютицкаго, изъ земли, называвшейся Стодор-

скою»[1]. Она была матерью св. Вячеслава, знаменитаго исповѣдника и мученика чешскаго, и Болеслава I, при которомъ Чешское государство достигло небывалаго дотолѣ могущества. Правда, Драгоміръ не измѣнила характеру своего племени, сама была тверже камня, по выраженію лѣтописца, въ языческомъ упорствѣ; она погубила своего роднаго сына Вячеслава за его ревность къ христіанству. Но при другихъ условіяхъ, общеніе между Чехами и Балтійскими Ляхами могло бы продолжаться и принесло бы, рано или поздно, свои плоды; вліяніе Чеховъ-христіанъ преодолѣло бы фанатизмъ поклонниковъ Святовита; образъ свирѣпой Драгоміри вѣроятно смѣнился бы вскорѣ свѣтлымъ образомъ другой женщины, подобной той Дубравкѣ, которая изъ Чешской земли принесла христіанство въ Польшу.

Но вторженіе Венгровъ, уничтоженіе Велико-Моравской державы, истребленіе славянской народности и христіанства въ самомъ средоточіи дѣятельности Кирилла и Меѳодія, въ одно мгновеніе заглушили главный источникъ просвѣщенія для сѣверозападныхъ Славянъ. Племена прибалтійскія не успѣли еще услышать слова христіанской проповѣди на родномъ языкѣ, къ нимъ не успѣла дойти страница Евангелія въ славянскомъ переводѣ, когда ученики Кирилла и Меѳодія принуждены были удалиться за Дунай и сосредоточить свои дѣйствія исключительно между Болгарами и Сербами. Отдѣленные отъ южныхъ славянскихъ земель дикими язычниками Мадьярами, Чехи и Надвислянскіе Ляхи уже не въ состояніи были сохранить ученіе, переданное имъ первыми ихъ просвѣтителями; славянское богослуженіе уступило у нихъ мѣсто латинскому, общеніе съ православными землями Востока замѣнилось подчиненіемъ главенству папы и верховной власти нѣмецкой имперіи. Если преданіе Кирилла и Меѳодія долго еще жило между Чехами, то лишь въ постоянномъ гоненіи, скрываясь отъ бдительности латинскаго духовенства, и дѣйствовать на другіе славянскіе народы оно не было въ состояніи. Еще легче и скорѣе заглушены были слабые начатки православнаго славянскаго христіанства у Лабскихъ Сербовъ, если дѣйствительно оно

---

[1] Cosm. Prag. (Mencken, scr. rer. German I, 1987): Wratislaus . . . . qui accepit uxorem nomine Dragomir de durissima gente Luticensi, et ipsam saxis duriorem ad redendum, ex provincia nomine Stodor.

успѣло проникнуть къ нимъ, какъ мы предполагаемъ. Снова сомкнулся, едва открывшись на нѣсколько лѣтъ, тотъ кругъ, который отдѣлялъ Балтійскихъ Славянъ отъ всѣхъ источниковъ свободнаго христіанскаго просвѣщенія и приковывалъ ихъ къ ѳеократической имперіи Нѣмецкой. Снова имъ представлялся единственный выборъ: принять христіанство отъ Германіи и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлаться, въ силу тогдашнихъ понятій романо-германской Европы, подданными нѣмецкаго государства, или биться до послѣдней капли крови за свободу и язычество. Если Чехи и Поляки, вступая въ западную церковь, тѣмъ самымъ подчинялись нѣмецкому государству (у Чеховъ это подчиненіе осталось; Поляки освободились отъ него съ теченіемъ времени),—то тѣмъ менѣе могли избѣгнуть этихъ притязаній Запада ближайшія племена Балтійскихъ Ляховъ, обладаніе которыми составляло для Германіи существенную политическую выгоду. Для Чеховъ вслѣдствіе ихъ внутренней сосредоточенности и благопріятныхъ условій мѣстности, для Поляковъ вслѣдствіе ихъ отдаленности, подчиненіе Западной державѣ не было особенно тягостно и, ограничиваясь вассальными отношеніями ихъ правителей къ государямъ нѣмецкимъ, едва ощущалось самимъ народомъ. У Балтійскихъ Ляховъ, напротивъ, раздробленность и относительная слабость, близость къ Германіи и народная вражда съ нею, все это должно было обратить подчиненіе Западной державѣ въ непосредственное подданство, и въ подданство не только главѣ государства, императору, но и проводникамъ его воли, пограничнымъ саксонскимъ начальникамъ и самому племени Саксовъ, на которое падала обязанность держать императорскій мечъ и римскій крестъ надъ сосѣдними *варварами*, Славянами. Что же оставалось дѣлать Балтійскимъ Ляхамъ? Выбрать между неровною борьбою или тяжкою неволею. Выборъ для нихъ не могъ быть сомнительнымъ, и черезъ сто лѣтъ послѣ того, какъ надъ западно-славянскимъ міромъ промелькнула народная проповѣдь восточнаго христіанства и, заглушенная въ самомъ началѣ, погасла тамъ, не коснувшись племенъ прибалтійскихъ, для которыхъ она была бы единственнымъ выходомъ, единственнымъ средствомъ спасенія,—черезъ сто лѣтъ, говорю я, послѣ этой эпохи, историкъ Саксовъ, Видукиндъ (¹), могъ уже ясно сознать

(¹) Онъ жилъ при Оттонѣ I (ум. 973) и, можетъ быть, при Оттонѣ II (ум. 983).

роковыя отношенія Балтійскихъ Славянъ къ своему народу и написалъ эти знаменательныя и въ его время еще пророческія слова: *Transeunt sane dies plurimi, his pro gloria et pro magno latoque imperio, illis pro libertate ac ultima servitute varie certantibus*: «много дней проходитъ, что они борются съ перемѣннымъ счастіемъ, Саксы для славы и обширнаго, пространнаго владычества, Балтійскіе Славяне, чтобы найти свободу или же крайнее рабство» (¹).

X.

Балтійскіе Славяне во время полнаго упадка Германіи въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка; ихъ вторженія и переселенія въ нѣмецкія земли. 877—919.

Не скоро еще однако могла Германія начать снова эту борьбу, завѣщанную ей Карломъ Великимъ и всѣми преданіями нѣмецкаго племени; и вотъ, въ пору самаго глубокаго ея упадка, когда она казалась легкою добычею Славянъ, напиравшихъ на нее отъ Голштиніи до Адріатическаго моря, судьба послала ей съ дальняго востока, изъ-за Волги и Дона, на помощь степную орду: Мадьяры, какъ мы сказали, задавили центръ западно-славянскаго міра; они раздробили западно-славянскій міръ и приготовили будущее его паденіе передъ нѣмецкимъ народомъ. Тяжело досталось на первыхъ порахъ и самой Германіи отъ этихъ дикарей. До Бремена, до Страсбурга и до Констанцскаго озера, черезо всѣ нѣмецкія земли, простирали Мадьяры свои жестокіе набѣги, и вопли подымались со всѣхъ концовъ земли нѣмецкой противъ свирѣпой орды. Но Германія должна признать, что эта орда спасла ее отъ опасности безконечно страшнѣйшей для нея: она ее предохранила отъ соединенія и развитія силъ у сосѣднихъ Славянъ, въ то именно время, когда самъ нѣмецкій народъ и весь западъ Европы, переходя черезъ хаотическое броженіе къ образованію органическихъ народностей и государствъ, были безоружны передъ юнымъ племенемъ славянскимъ, радостно ощутившимъ свое политическое бытіе. Дѣломъ Мадьяръ было то, что этой хаотической Германіи не противостала какая-нибудь стройная, цѣльная держава славянская, которая обняла бы всю ширину средне-европейскаго материка, что зародышъ такой

---

¹) Widukindi res gestae Saxonicae (Mon. Germ. III) II, 20.

державы уничтоженъ былъ въ самомъ зачаткѣ, и что, затѣмъ, подлѣ Германіи остались по прежнему, какъ было при Карлѣ Великомъ, безсвязныя племена славянскія, ждавшія спокойно, пока нѣмецкій народъ выйдетъ изъ своего хаотическаго броженія, установится, сосредоточится и бросится на нихъ.

Вся исторія Балтійскихъ Славянъ съ того времени, какъ Германія отказалась отъ владычества надъ ними, до той поры, когда она возобновила попытки покорить ихъ, въ продолженіи сорока слишкомъ лѣтъ (877—919) не представляетъ ни одного блестящаго, выдающагося факта. Славяне живутъ себѣ по-старому, пользуясь минутною независимостью, не помышляя о томъ, какъ бы упрочить ее въ будущемъ. Германія не тревожитъ ихъ, и этого съ нихъ довольно. Съ своей стороны, и они не тревожатъ Германіи, или тревожатъ такъ мало, что при большомъ протяженіи границы, открытой ихъ набѣгамъ, при слабости ея защиты и при множествѣ нанесенныхъ имъ въ прежнее время обидъ, эти нападенія кажутся совершенно ничтожными; только изрѣдка лѣтописецъ упоминаетъ о какомъ-нибудь частномъ набѣгѣ того или другаго славянскаго племени на пограничныя мѣста Германіи; а въ то же время какъ часты, какъ обширны, какъ безпощадны были нападенія на нее другихъ, отдаленнѣйшихъ отъ нея и несравненно слабѣйшихъ народовъ, Норманновъ и Мадьяръ!

Связнаго историческаго разсказа объ этой эпохѣ въ жизни Балтійскихъ Славянъ мы не можемъ представить. Намъ приходится здѣсь сохранить отрывочный способъ повѣствованія лѣтописцевъ того времени.

Въ 880 году Норманны устремились на Германію съ особенною яростью и ударили на нее въ двухъ мѣстахъ: на Шельдѣ и на Эльбѣ. На Шельдѣ, въ Нидерландахъ, они были отбиты; но въ землѣ Саксовъ (вѣроятно въ Нордалбингіи) удальцы сѣвера одержали одну изъ самыхъ славныхъ своихъ побѣдъ (2 февраля). Пораженіе Саксовъ было полное; нѣсколько столѣтій жило о немъ воспоминаніе. Оружіе Норманновъ и неожиданно выступившая изъ береговъ своихъ рѣка (безъ сомнѣнія, Эльба) уничтожили все войско Саксовъ: тутъ погибъ герцогъ саксонскій Брунъ, дядя знаменитаго въ послѣдствіи короля Генриха Птицелова; съ нимъ погибли 11 графовъ Саксонской земли съ своими полками и 18 служилыхъ

людей королевскихъ (satellites regis) вмѣстѣ съ ихъ дружинами; наконецъ, погибли два епископа, Тіотрихъ Минденскій и Марквартъ Гильдесгеймскій, которые, по возникавшему въ эту эпоху на западѣ обычаю, сражались въ рядахъ войска. Въ этой великой побѣдѣ участвовали и Славяне—безъ сомнѣнія ближайшіе къ Саксамъ и Датчанамъ, Бодричи и Лютичи. Объ епископѣ Маркквартѣ лѣтописецъ говоритъ именно, что онъ убитъ былъ Славянами (1); но главную роль въ битвѣ играли Норманны: Славяне составляли, какъ видно, только вспомогательную рать, которую Норманны вызвали итти на Нѣмцевъ. Оттого большая часть лѣтописцевъ даже не упомянули объ ихъ участіи въ этой войнѣ (2).

Побѣда эта отозвалась далеко между Славянами: она подвигнула Лабскихъ Сербовъ и Чеховъ къ нападенію на Турингію (3). Тѣмъ болѣе замѣчательно, что ближайшія къ Норманнамъ и Саксамъ прибалтійскія племена, Бодричи и Лютичи, передъ глазами которыхъ произошло страшное пораженіе ихъ непримиримыхъ враговъ, не воспользовались имъ и не устремились на землю Саксовъ. Но послѣ всего, что мы сказали о политическомъ характерѣ этихъ племенъ, такое явленіе намъ совершенно понятно. Балтійскіе Славяне остались спокойными въ своихъ границахъ, и девять лѣтъ объ нихъ не упоминаютъ нѣмецкіе лѣтописцы.

Король нѣмецкій Арнульфъ, который успѣлъ на нѣсколько лѣтъ возстановить единство и силу Германіи и велъ непрестанную борьбу съ велико-моравскимъ королемъ Святополкомъ, въ 889 году, пользуясь краткимъ срокомъ мира съ Великою Моравіею, обратилъ свои взоры на Славянское поморье. Заключивъ миръ съ Норманнами и разными славянскими племенами, онъ созвалъ войско, чтобы итти на Бодричей. Войско было весьма большое, говоритъ лѣтописецъ, но походъ кончился несчастливо, и Арнульфъ скоро возвратился и распустилъ свою рать (4). Разрывъ съ Бодричами продолжался до 895 года, но, какъ видно, безъ особенно важныхъ предпріятій съ той или другой стороны. Наконецъ, въ 895

---

(1) Chron. Hildesheim. (M. G. IX, 851): Marcquardus episcopus . . . . . occisus est a Sclavis.

(2) Ann. Fuldens. 880. Widukind. I, 16. Thietmar. II, 15.

(3) Ann. Fuldens. 880.

(4) Ann. Fuld. 889 (M. G. I, 406).

году, Бодричи прислали къ Арнульфу посольство съ подарками и предложили ему миръ, на всѣ условія котораго онъ охотно согласился (¹).

Императоръ Арнульфъ, кое-какъ сдерживавшій еще Германію, умеръ въ 899 году. «Со всѣхъ сторонъ, пишетъ нѣмецкій историкъ, опасность и гибель окружала государство, а все-таки на престолъ возвели дитя, сдѣлали его хранителемъ обуреваемой власти. И такъ, настало то, что должно было случиться: Германія распалась и сдѣлалась добычею внѣшнихъ враговъ. Наступило въ земляхъ нѣмецкихъ время глубочайшаго позора и самаго плачевнаго замѣшательства». Далѣе, тотъ же историкъ приводитъ картину тогдашняго внутренняго состоянія Германіи, какъ ее рисуетъ современникъ, констанцкій епископъ Соломонъ: «Повсюду распри, между графами и между вассалами, междоусобія раздираютъ волости и племена, въ городахъ свирѣпствуетъ мятежъ, законъ попирается ногами и именно тѣ, которые должны бы были защищать землю и народъ, подаютъ самый гибельный примѣръ. Вельможи, отцы которыхъ нѣкогда подавляли возстанія, теперь сами разжигаютъ междоусобную войну. Хворое дитя, носящее имя короля, лишаетъ насъ возможности имѣть настоящаго властителя. Его юность неспособна къ оружію, къ суду и расправѣ. Его хилое тѣло, его безсиліе и отсутствіе мужественнаго духа дѣлаютъ его презрѣннымъ для своихъ и внушаютъ врагамъ такую смѣлость, что они отваживаются на все . . . . . . » (²).

Между этими врагами появляются и Балтійскіе Славяне. Въ 902 году они опустошали Саксонію, но скудная лѣтопись ничего не прибавляетъ къ этимъ краткимъ словамъ: *Sclavi vastaverunt Saxoniam* (³). Самые страшные, самые разрушительные враги Германіи были однако въ то время Венгры. Вторженія ихъ въ предѣлы Германскаго государства начались еще въ 899 году. Но гораздо смѣлѣе, яростнѣе начали они терзать ее, когда окончили завоеваніе славянской державы, бывшей между Карпа-

---

(¹) Тамъ же, 895 (M. G. I, 411) Legatos Obodritorum curte regia Salz munera secum deferentes, ad regem pacifica optantes pervenerunt, quos rex ut audivit, sine mora postulata annuens et abire permisit.

(²) Giesebrecht, Gesch. der deutschen Kaiserzeit, I, 169, 174.

(³) Ann. Hildesheim. 902 (M. G. III, 50).

тами и Дунаемъ, и тутъ себя обезпечили. На сѣверъ отъ Карпатовъ они, по-видимому, не хотѣли распространять своихъ завоеваній; потому тамошніе Славяне находили въ нихъ союзниковъ, которые готовы были за одно съ ними бросаться на Германію, какъ на свою добычу.

Между сѣверо-западными Славянами въ это время особенно часто подымали оружіе на Нѣмцевъ Лабскіе Сербы, гораздо чаще, нежели Балтійскіе Славяне; а изъ всѣхъ Лабскихъ Сербовъ, кажется, особенно воинственны были Гломачи (или Далеминцы, какъ ихъ называли Нѣмцы), жившіе на лѣвомъ берегу Эльбы, между этой рѣкой и рѣчкой Каменицей, теперь Chemnitz, въ нынѣшнемъ Саксонскомъ королевствѣ (¹). Мы знаемъ, что они нападали на Турингію въ 880 году. Въ 892 году погибъ, съ цѣлымъ своимъ войскомъ, въ предѣлахъ сосѣдняго съ Гломачами небольшаго племени Хутичей, епископъ вирцбургскій Аридъ, и это пораженіе, которое произвело глубокое впечатлѣніе въ тогдашней Германіи, едва-ли обошлось безъ участія Гломачей, сдѣлавшихся, какъ видно, въ то время главою союза сосѣднихъ съ ними мелкихъ племенъ. Постоянно воевалъ съ Гломачами храбрый герцогъ саксонскій Оттонъ. Въ 906 г. онъ послалъ противъ нихъ съ войскомъ своего сына Генриха, въ послѣдствіи знаменитаго короля, возстановителя Германіи: этотъ походъ былъ его первымъ воинскимъ опытомъ. Гломачи испугались сильнаго войска нѣмецкаго и призвали на помощь Венгровъ. Мадьярская рать, проведенная ими въ землю Саксовъ, опустошила ее ужасно и возвратилась къ Гломачамъ съ громадною добычею. «Но тутъ, прибавляетъ лѣтописецъ, эти Венгры встрѣтили другую рать венгерскую, которая грозила поднять оружіе на ихъ союзниковъ, Славянъ, за то, что они пренебрегли ея помощью, а тѣмъ указали путь къ такой огромной добычѣ. Вслѣдствіе того, Саксонія подверглась вторичному нашествію Венгровъ; а между тѣмъ, первое войско, ожидая возвращенія втораго, стояло въ землѣ Гломачей, которая отъ этого, въ свою очередь, доведена была до такой нищеты, что жители въ тотъ годъ принуж-

---

(¹) Thietm. I, 2, 3 . . . . provinciam quam nos teutonice Deleminci vocamus, Slavi autem Glomaci appellant.

дены были покинуть свою родину и итти заработывать хлѣбъ у другихъ народовъ» (¹).

Таковъ разсказъ саксонскаго лѣтописца о первомъ вторженіи Венгровъ въ сѣверные края Германіи. Мы имѣемъ право сомнѣваться въ точности этого разсказа, тамъ гдѣ говорится о двухъ войскахъ Венгерскихъ, поочередно отправившихся грабить Саксонію и изъ которыхъ первое дожидалось возвращенія втораго, живя на счетъ Лабскихъ Сербовъ. По всей вѣроятности, мы читаемъ тутъ у лѣтописца народное преданіе Саксовъ, смыслъ котораго былъ тотъ, что вторженіе Венгровъ въ ихъ землю, хотя совершившееся съ помощью Славянъ, а можетъ быть и вызванное ими, обошлось самимъ Славянамъ почти также дорого, какъ ихъ врагамъ.

Какъ бы то ни было, нашествія Венгровъ на самые отдаленные края сѣверной Германіи съ тѣхъ поръ не прекращались (²).

Вся Германія отдалась этимъ дикарямъ, какъ безпомощная жертва. Стоитъ прочесть современныя лѣтописи, чтобы понять тогдашнее оцѣпенѣніе земли нѣмецкой. Прочитаемъ подъ-рядъ *все*, что говоритъ объ этомъ времени относительно подробная лѣтопись германская, извѣстная подъ именемъ продолженія Регинона:

«907. *Баварцы, вступивъ въ бой съ Венграми, поражены были съ великимъ урономъ, и въ этой битвѣ погибъ герцогъ Ліутбальдъ,* которому наслѣдовалъ въ герцогствѣ его сынъ Арнульфъ.

«908. *Венгры, снова перешедши границы, опустошили Саксонію и Турингію.*

«909. *Венгры вступили въ Аламаннію* (Швабію).

«910. *Франки* (т. е. Франконцы), *вступивъ въ бой съ Венграми на границѣ Баваріи и Франціи* (т. е. Франконіи), *были частью побиты, частью обращены въ бѣгство плачевнымъ образомъ. Въ этой битвѣ погибъ графъ Годеардъ,* оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, Удона и Германна, которые въ послѣдствіи сдѣлались славными и знатными во Франціи (т. е. Франконіи).

«911. Король Хлудовигъ, сынъ императора Арнульфа, умеръ; ему наслѣдовалъ въ королевствѣ Куонрадъ, сынъ убитаго Адалбертомъ Куонрада.

(¹) Widuk. I, 17, 20.

(²) Adam Brem. I, 55. Ann. Quedlinb. 916 (M. G. III, 52). Cont. Reginonis. 915 (M. G. I, 614).

«912. *Венгры снова, не встрѣчая ни въ комъ сопротивленія, раззорили Францію* (Франконію) *и Турингію*. Архіепископъ Хатто умеръ, человѣкъ весьма сильный и мудрый, которому наслѣдовалъ Гернгеръ. Оттонъ, герцогъ Саксовъ, умеръ.

«913. Весьма жестокая зима. *Венгры опустошили часть Аламанніи* (Швабіи), *и побиты были у рѣки Инна Баварцами и Аламаннами*. Въ томъ же году, Эингардъ, епископъ спирскій, ослѣпленъ былъ графами Бернгардомъ и Куонрадомъ.

«914. Отбертъ, епископъ страсбургскій, убитъ. Епископъ Саломонъ полоненъ.

«915. *Венгры опустошили всю Аламаннію огнемъ и мечемъ, а равно прошли по всей Турингіи и Саксоніи и достигли до монастыря Фульды*.

«916.—917. *Венгры чрезъ Аламаннію проникли въ Алзацію* (Эльзассъ) *и до предѣловъ Лотарингскаго королевства*. Эркангеръ и Барахтольдъ казнены. Арнульфъ, герцогъ баварскій, взбунтовался противъ короля (¹)».

Мы видимъ, почти ничего не записано въ тогдашней германской лѣтописи, кромѣ венгерскихъ набѣговъ, да внутреннихъ безпорядковъ.

Германія дошла до того, что она казалась безжизненнымъ трупомъ. Въ это время, наконецъ, и Балтійскіе Славяне покинули свое прежнее исключительно оборонительное положеніе и вышли вмѣстѣ съ другими народами на поживу, т. е. на раззореніе земли нѣмецкой. «Въ тѣ дни, говоритъ Адамъ Бременскій, ужаснѣйшая напасть обрушилась на землю Саксовъ, ибо съ одной стороны Датчане и Славяне, съ другой Чехи и Венгры опустошали тамъ церкви» (вмѣсто Чеховъ было бы правильнѣе и согласнѣе съ другими извѣстіями назвать Лабскихъ Сербовъ, ихъ сосѣдей). «Въ то время, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, гамбургская епархія была опустошена Славянами, бременская—Венграми» (²). Раззореніе Бремена Венграми случилось въ 916 году. Къ этому же времени слѣдуетъ, по всей вѣроятности, отнести и раззореніе гамбургской епархіи или Нордалбингіи Славянами (т. е. конечно, ближайшимъ славянскимъ племенемъ, Бодричами).

(¹) Cont. Reginonis M. G. I, 614.
(²) Ad. Brem. I, 54.

Мы видѣли, какъ скудны извѣстія тогдашнихъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ; притомъ же лѣтописи составлялись въ то время еще только въ средней и южной Германіи, во Франконіи, Швабіи, Лотарингіи, и т. д. Въ землѣ Саксовъ стали вести лѣтописи только во второй половинѣ X-го вѣка, когда тяжелыя для Германіи событія первыхъ годовъ этого столѣтія частью изгладились изъ памяти, частью обратились въ общія, неопредѣленныя воспоминанія. Вотъ почему до насъ не дошло никакихъ подробностей о тогдашнихъ нашествіяхъ Балтійскихъ Славянъ на Германію. Мы знаемъ только, что Балтійскіе Славяне вторгались въ то время въ нѣмецкія земли, что они дѣйствовали тамъ за одно съ Датчанами и, вѣроятно, даже, какъ прежде, были ими побуждаемы къ этимъ предпріятіямъ, наконецъ, что они, вмѣстѣ съ Датчанами, раззоривъ сперва Нордалбингію, стали потомъ переходить за Эльбу и, по словамъ лѣтописца, «наполнили землю Саксовъ великимъ ужасомъ»: обо всемъ этомъ сохранилъ намъ воспоминаніе Адамъ Бременскій (¹). Самое сильное нападеніе Датчанъ на нѣмецкія области, сопровождаемое, какъ видно, и вторженіемъ Славянъ за Эльбу, произошло въ 919 году. А въ это самое время король нѣмецкій Конрадъ, слабый и безпомощный, на смертномъ одрѣ, завѣщевалъ престолъ своему сопернику и врагу, герцогу саксонскому Генриху и поручалъ его крѣпкой рукѣ спасеніе Германіи; и народъ нѣмецкій провозглашалъ своимъ королемъ этого мужественнаго, настойчиваго, могучаго душой и тѣломъ Саксонца. Началась новая эпоха, въ которую нѣмецкій народъ сдѣлался главнымъ двигателемъ и рѣшителемъ судебъ Европы; началась новая эпоха и для Балтійскихъ Славянъ, та эпоха, въ которую Германія возобновила и стала приводить въ исполненіе неудавшееся предпріятіе Карла Великаго—завоеваніе и порабощеніе славянскихъ племенъ на южномъ берегу Балтійскаго моря. Племена же эти, какъ мы видѣли, въ пору отдыха, которую судьба имъ послала,—въ пору полной независимости и торжества надъ Нѣмцами,—ничего не сдѣлали для того, чтобы обезпечить себя отъ возобновленія и исполненія предпріятія Карла Великаго.

(¹) Ad. Brem. I, 57.

XI.

Дополненіе къ предъидущей главѣ: обзоръ поселеній Балтійскихъ Славянъ, образовавшихся, преимущественно въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка, на западномъ берегу Эльбы.

Одинъ только результатъ имѣла, кажется, для Балтійскихъ Славянъ пройденная нами эпоха; но этотъ результатъ былъ въ политическомъ смыслѣ ничтожный. Они воспользовались опустошеніемъ Саксонской земли и безсиліемъ Саксовъ, чтобы водвориться между ними, на лѣвомъ берегу Эльбы, мирными колоніями земледѣльцевъ. Таковъ былъ повсюду характеръ славянскихъ народовъ: опустошительные набѣги ихъ на земли враждебныхъ народовъ оставляли всегда послѣ себя осадокъ трудолюбивыхъ хлѣбопашцевъ. Вспомнимъ нашествія Славянъ на Греческія земли въ VI, VII и VIII вѣкѣ. Тоже самое явленіе повторилось, хотя въ гораздо меньшихъ размѣрахъ, въ сѣверной Германіи въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка. Въ эпоху Каролинговъ мы не встрѣчаемъ ни въ современныхъ извѣстіяхъ, ни въ мѣстныхъ названіяхъ, никакого намека на существованіе славянскихъ поселеній на лѣвомъ, нѣмецкомъ берегу Эльбы (выше впаденія въ нее Салы): Эльба является во всѣхъ свидѣтельствахъ того времени рѣзкою гранью между Саксами и Славянами. Напротивъ, въ слѣдующій затѣмъ періодъ, т. е. при саксонскихъ императорахъ, мы находимъ несомнѣнные признаки поселеній славянскихъ, и даже довольно обширныхъ, на лѣвомъ, саксонскомъ берегу этой рѣки. Потому мы и заключаемъ, что поселенія эти образовались именно въ концѣ IX-го и началѣ X-го вѣка, въ то время, когда Славяне, по свидѣтельству лѣтописцевъ, производили безъ сопротивленія нашествія въ землю Саксовъ.

Читатель помнитъ о великой побѣдѣ, одержанной въ 880 году Норманнами, вмѣстѣ съ Славянами, надъ войскомъ саксонскаго герцога Бруна, на низовьяхъ Эльбы. Одна современная лѣтопись прибавляетъ, что вѣсть объ этомъ пораженіи Саксовъ побудила племена Лабскихъ Сербовъ взяться за оружіе. Въ союзѣ съ Чехами и, можетъ быть, съ Стодорянами (жителями Бранденбургіи), они вознамѣрились вторгнуться въ Турингію, но встрѣтили неожиданное сопротивленіе въ ближайшихъ къ Нѣмцамъ сербскихъ вѣтвяхъ, которыя жили около рѣки Салы: тамошніе Славяне остались вѣрными

Германіи, и соплеменники ихъ принялись жечь и губить ихъ селенія. Наконецъ подоспѣлъ начальникъ (герцогъ) Сербо-Турингской *марки*, Поппо, разбилъ на голову Славянъ и истребилъ всю ихъ рать ([1]).—Это извѣстіе открываетъ намъ любопытное обстоятельство: отдаленнѣйшія къ западу поселенія Славянъ около рѣки Салы, не только не участвуютъ въ войнѣ противъ Нѣмцевъ, но даже стоятъ на ихъ сторонѣ въ такое время, когда Германія казалась легкою добычею всѣмъ ея врагамъ. Въ этихъ поселеніяхъ, три года передъ тѣмъ (877), было, какъ мы уже сказали, возмущеніе противъ Нѣмцевъ, и его усмирили не оружіемъ, а кроткими мѣрами и подарками. Потребность народной независимости не сказывалась въ этихъ отдаленныхъ поселеніяхъ Славянъ, въ этихъ послѣднихъ, слабыхъ волнахъ славянскаго моря, которыя захватили окраины нѣмецкаго материка: тутъ Славяне были только мирными и покорными земледѣльцами. Въ тѣхъ славянскихъ поселеніяхъ, которыя образовались на западной сторонѣ р. Салы, во Франконіи, въ окрестностяхъ Фульды, Бамберга и Вирцбурга, даже и рѣчи не могло быть о независимости отъ Нѣмцевъ. Ближайшія къ Салѣ сербскія вѣтви, мы видѣли какъ мало дорожили ею. То же самое должно сказать и о тѣхъ выходцахъ съ Славянскаго поморья, которые, какъ мы съ достовѣрностью можемъ предполагать, въ разсматриваемую нами эпоху, двинулись на лѣвый берегъ Эльбы и разселились по всей юговосточной части земли Саксовъ: они, подобно западнымъ отраслямъ Лабскихъ Сербовъ, разъ признавъ нѣмецкое владычество, уже не старались его свергнуть съ себя. Въ слѣдствіе этого Германія обошлась съ этими славянскими колоніями въ ея собственныхъ нѣдрахъ милостивѣе, нежели съ тѣми племенами, которыя жили въ ея сосѣдствѣ, за Салой и Эльбой. Сосѣднія племена, послѣ завоеванія, были преданы не-

---

([1]) Ann. Fuld. 880 (M. G. I, 393). Sclavi qui vocantur Dalmatii (это тѣ, которыхъ западные источники обыкновенно называютъ Далеминцами, и которые сами себя называли Гломачами,—вѣтвь Полабскихъ Сербовъ, жившая въ средней части нынѣшняго королевства Саксоніи на лѣвомъ берегу Эльбы, въ Мейсенскомъ краѣ) et Behemi atque Sorabi (Полабскіе Сербы) caeterique circumcirca vicini, audientes stragem Saxonum a Nordmannis factam, pariter conglobati Thuringios invadere nituntur, et in Sclavis circa Salam fluvium Thuringiis fidelibus praedas et incendia exercent. Quibus Poppo comes et dux Sorabici limitis occurrit et Dei auxilio fretus ita eos prostravit, ut nullus de tanta multitudine remaneret.

требленію, тогда какъ въ смиренныхъ колоніяхъ на нѣмецкой землѣ позволено было славянской народности спокойно доживать свой вѣкъ въ деревенской глуши. Когда отъ крѣпкихъ бойцевъ, отъ Бодричей и Лютичей, уже давно не оставалось слѣда, потомки Древлянъ и Глинянъ, поселившихся на западномъ берегу Эльбы, продолжали еще говорить по-славянски. Славянская рѣчь сохранилась у нихъ до конца прошлаго столѣтія, и до сихъ поръ, даже послѣ утраты языка своего, они отличаютъ себя отъ окружающихъ Нѣмцевъ, сами себя еще сознаютъ особымъ племенемъ, *Вендами*. То же самое видимъ мы у Сербовъ на р. Салѣ: хотя они раньше утратили свой языкъ, но и тамъ, въ Альтенбургскомъ герцогствѣ, сохранился уголокъ, гдѣ жители помнятъ о своемъ славянскомъ происхожденіи и до сихъ поръ не смѣшиваются съ нѣмецкимъ населеніемъ (это такъ называемые *Altenburger Wenden*).

Съ этими Славянскими поселеніями въ глубинѣ земель Нѣмецкихъ мы уже не будемъ имѣть случая встрѣчаться въ продолженіи нашего историческаго разсказа: ибо исторической дѣятельности эти слабыя, затерянныя славянскія поселенія не могли имѣть. Потому, чтобы не возвращаться болѣе къ нимъ, мы постараемся обозрѣть эти поселенія, поскольку онѣ принадлежатъ къ племени Балтійскихъ Ляховъ. Точное опредѣленіе славянской колонизаціи въ Германіи весьма возможно, даже при недостаткѣ историческихъ свѣдѣній: между мѣстными именами германскаго и славянскаго происхожденія существуетъ такое рѣзкое различіе, что можно почти безошибочно угадать, какія деревни, рѣки, ручьи получили свое названіе отъ Славянъ и какіе отъ Нѣмцевъ.

Въ изслѣдованіи такого рода необходимо, за неимѣніемъ опредѣленныхъ историческихъ свидѣтельствъ, принять исходною точкою современность.

Въ настоящее время, на лѣвомъ, издревле нѣмецкомъ, берегу Эльбы *Вендландомъ*, землею Славянскою, называется край, почти совпадающій границами съ Люховскимъ округомъ (Amt Lüchow), въ восточномъ углу Ганноверскаго королевства. Городокъ Люховъ (такъ онъ, вѣроятно, и назывался первоначально по-славянски [1];

---

[1] Въ Польшѣ есть тоже Люховъ: Польскія мѣстныя имена служатъ вѣрнѣйшимъ руководствомъ для объясненія мѣстныхъ именъ Балтійскихъ и Залабскихъ Ляховъ, вслѣдствіе ближайшаго сродства этихъ Ляховъ съ Польскими Славянами.

въ XVII столѣтіи, когда рѣчь Залабскихъ Славянъ была уже крайне испорчена, они звали его Ljauchiw ([1])),—городокъ Люховъ лежитъ почти въ серединѣ этого края. Къ *Вендланду* причисляются, на сѣверѣ и востокѣ, ближайшія деревни ганноверскихъ округовъ Данненбергскаго и Гартовскаго.

Небольшой уголокъ этотъ, въ которомъ сохранится донынѣ славянское преданіе, имѣетъ свои твердые естественные предѣлы. На западъ границею служитъ гряда каменистыхъ и глинистыхъ холмовъ, которые не слишкомъ высоки, но довольно неудобны для перехода и до сихъ поръ почти разобщаютъ жителей одной стороны отъ другой. Гряда эта начинается у прусской границы у рѣчки Дитте, близь дер. Darsckau (т. е. по-славянски Даржковъ ([2])), отдѣляя ганноверскій приходъ Clenze (село это Славяне называли Клонска ([3])), причисляемый къ нынѣшнему *Вендланду*, отъ прихода Bergen (по-слав. Горска ([4])), теперь уже не призна-

Большая часть мѣстныхъ именъ славянскихъ, какія мы встрѣчаемъ въ Помераніи, Мекленбургіи, Бранденбургіи и въ колоніяхъ за Эльбою, повторяются въ Польшѣ. Къ сожалѣнію, матеріалъ, которымъ мы въ настоящее время могли пользоваться относительно польскихъ мѣстныхъ именъ, не полонъ, и касается только Царства Польскаго (это изданная въ 1827 г. въ Варшавѣ Правительственною Коммиссіею Внутреннихъ Дѣлъ и Полиціи Tabella miast, wsi, osad Królewstwa Polskiego) и Польской части Галиціи (Skorowidz wszystkich miejscowosci Galicyi i Lodomeryi Lwów 1855). Для Познани и польской части Силезіи и Пруссіи у насъ не было подъ рукою подобныхъ топографическихъ указателей, а на картахъ и въ географическихъ словаряхъ, намъ доступныхъ, тамошнія мѣстныя имена такъ искажены нѣмецкимъ произношеніемъ и правописаніемъ, что не годятся для нашей цѣли. Но и при такомъ недостаточномъ матеріалѣ, мы найдемъ поразительное сходство между мѣстными именами въ Польшѣ и въ самыхъ отдаленныхъ къ западу поселеніяхъ Балтійскихъ Славянъ: новое доказательство утверждаемаго нами тождества обоихъ народовъ, или вѣрнѣе сказать, обѣихъ вѣтвей Ляшскаго народа.

([1]) Рукоп. словарь Геннинга: онъ пишетъ Ljauchi, Ljeuchi.

([2]) Въ Польшѣ Dzierżkow.

([3]) Геннингъ: Clonzca.

([4]) Геннингъ пишетъ Tjörska, потому что въ XVII в. ганноверскіе Славяне постоянно передъ гласными смягчали гортанныя *г* и *к* въ *дь* и *ть*. Мы не считаемъ нужнымъ распространяться здѣсь о тѣхъ, довольно правильныхъ, измѣненіяхъ, которымъ подвергалась ляшская рѣчь въ говорѣ Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ, какъ онъ намъ извѣстенъ изъ Геннингова словаря и разныхъ записокъ XVII и XVIII вѣка. Измѣненія эти указаны нами въ статьѣ: «Памятники нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ», напечатанной въ Прибавленіяхъ къ V-му тому «Извѣстій» II Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ. Тамъ же приведены нами и тѣ, наиболѣе обыкновенныя, искаженія, которыя испытывали слова этого нарѣчія отъ нѣмецкаго слуха и правописанія.

ваемаго *вендскимъ*. Она идетъ на сѣверъ и потомъ на сѣверо-востокъ до дер. Witzetze im Drawehn (т. е. Осѣча (¹) въ Древянахъ). Отсюда граница *Вендской* земли идетъ на востокъ и потомъ на сѣверо-востокъ и у деревень Пресѣча (Pretzetze) и Лазъ (Laase) упирается въ Эльбу; по всей этой чертѣ тянется, ограждая *Вендскую* землю, непрерывная полоса болотъ, которыя въ старину считались непроходимыми, и отъ которыхъ теперь еще остаются, близъ Эльбы, глубокія топи, занимающія нѣсколько квадратныхъ миль. Граница современнаго Вендланда только въ одномъ означенномъ нами мѣстѣ (между дер. Pretzetze и Laase) примыкаетъ къ Эльбѣ, которая тутъ течетъ тоже прямо съ востока на западъ; отъ этой точки граница спускается съ сѣверо-запада къ юго-востоку, по широкой полосѣ лѣсовъ, отдѣляющей *вендскую* часть Гартовскаго округа отъ той, въ которой имя *Вендовъ* ужѣ изчезло. За ганноверскою деревнею Prezelle (Пресслье) восточная граница *Вендланда* упирается подъ прямымъ угломъ въ границу Ганноверскаго королевства и принадлежащаго Пруссіи Зальцведельскаго округа. Южная граница *Вендланда*, по представленію самихъ ганноверскихъ *Вендовъ*, совпадаетъ съ прусскою границею, которая проведена вдоль болотистыхъ рѣчекъ и черезъ болотистые лѣса; въ дѣйствительности однако, сопредѣльныя съ Ганноверомъ Прусскія деревни въ этой сторонѣ, на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ г. Зальцведеля (который по-славянски назывался Лозди или Лоздѣй (²)) не только въ старину заселены были Славянами, но и донынѣ жители ихъ носятъ имя *Вендовъ*, хотя у нихъ преданіе о славянскомъ происхожденіи сохранилось гораздо слабѣе и менѣе ясно, нежели у ихъ ганноверскихъ сосѣдей.

Ганноверскій *Вендландъ* составляетъ, такимъ образомъ, островокъ рѣзко отдѣленный отъ окружающей страны своими топями, лѣсами и холмами. Эти природныя грани, безъ сомнѣнія, помогли славянской народности удержаться тутъ долѣе, чѣмъ въ окрестныхъ мѣстахъ. Притомъ же, вѣроятно, Славяне, когда двинулись за Эльбу

(¹) Польск. Osiecz, Osiecza. О правильности перехода имени Osiecza у Залабскихъ Славянъ въ Wisieca, которое нѣмцами передѣлано въ Witzetze, сравн. сказанное въ вышеупомянутой статьѣ.

(²) Losdy: см. Riedel, die Mark Brandenburg im Jahre 1250, I, 41. Не умѣю сказать, что значило это имя, но оно есть и въ Польшѣ, именно село Lozdzieje, Августовской губерніи, Сейненскаго уѣзда.

въ опустѣлыя земли Саксовъ, заняли этотъ уединенный и непривѣтливый край цѣликомъ, тогда какъ въ другихъ мѣстахъ они разселились между нѣмецкими жителями. Въ настоящее время, послѣ девяти слишкомъ столѣтій нѣмецкаго владычества, мы находимъ въ Ганноверскомъ *Вендландѣ* только 17 или 18 селеній съ нѣмецкими именами, при огромномъ большинствѣ такихъ, которыя получили названія свои отъ Славянъ: это служитъ уже очевиднымъ свидѣтельствомъ, что этотъ уголокъ Саксонской земли нѣкогда занятъ былъ безсовмѣстно славянскими жителями.

При всей незначительности своего пространства (отъ 10 до 12 квадр. миль съ 25.000 жителей приблизительно; самое большое протяженіе съ запада на востокъ около 30 верстъ, съ сѣвера на югъ около 20), Ганноверскій *Вендландъ* дѣлится самимъ народомъ на три части, и дѣленіе это носитъ несомнѣнные признаки глубокой древности. Западная, плодороднѣйшая часть Вендланда, по рѣчку Еце или Ецель (1), притокъ Эльбы, раздѣляющую Вендландъ на двѣ почти ровныя половины, называется теперь *der Drawehn*; въ древнихъ документахъ это имя пишется *Drevani* (2). Это, очевидно, *Древляне*, или, по произношенію западныхъ Славянъ, *Древяне* (3).

Въ восточной половинѣ Вендланда только юговосточной уголъ и сѣверная окраина имѣютъ особенныя названія. Первый именуется *der Lemgow;* это названіе есть искаженіе слова *Linegon*, какъ оно дѣйствительно пишется въ древнихъ актахъ (4), т. е. *волость* (нѣмецкое *gau*) *Линовъ;* а *Лины* или *Линоны*—нѣмецкая передѣлка славянскаго имени Глинянъ (5). Глинянъ мы часто встрѣчали въ

(1) Залабскіе Ляхи называли Ецель просто Рѣкою: словарь Геннинга: «grosse Jetze—willge reka» (чит. willja reka), «kleine Jetze—mola reka, faule Jetze, wo es morastig ist—ggnoala reza» (чит. gnoala reca, т. е. гнилорѣчье). Эльбу они называли Labi (у Геннинга Laby), т. е. Лабье (имя средняго рода, какъ и чешская форма Labe, древнѣе Labie, лужицкая Lobjo).

(2) «Claniki (т. е. Clenze, по-слав. Клонска) in Drevani» въ грамотѣ Генриха II, 1004 г., см. Шафарика, Сл. Др. II, 3. 153.

(3) Волость эта, въ свою очередь, дѣлится на верхнюю и нижнюю: *der untere Drawehn* на сѣверѣ, *der obere Drawehn* на югѣ. Мѣстность на югъ отъ села Bühlitz въ верхнихъ Древлянахъ называется теперь *der Gain*: это, вѣроятно, искаженное славянское названіе *гай*, т. е. роща: дѣйствительно, мѣстность эта до сихъ поръ особенно лѣсиста.

(4) См. Riedel, Mark Brandenb. I, 32.

(5) Это несомнѣнно доказано Шафарикомъ (Сл. Др. II, 3. 150), и притомъ же подтверждается рукописями Эингарда, гдѣ вмѣсто *Linones* пишется *Hilinones*.

борьбѣ съ Нѣмцами въ эпоху Каролинговъ; они жили на восточномъ берегу Эльбы именно насупротивъ теперешняго *Lemgow*. Мы видимъ тутъ очевидный слѣдъ перехода части этого племени на нѣмецкую сторону рѣки. Племеннаго названія своего, принятаго отъ почвы, на какой они жили, Глиняне-переселенцы не имѣли нужды мѣнять, потому что юговосточный уголъ Вендланда дѣйствительно отличается обиліемъ глины, тогда какъ западная часть его, жилище Древлянъ, до сихъ поръ представляетъ слѣды лѣсистой мѣстности.

Наконецъ, сѣверовосточная, покрытая топями, часть Ганноверскаго Вендланда, называется теперь *die Lucie*. Этого имени мы въ древнихъ документахъ не встрѣчаемъ; но имѣя передъ собою Древлянъ и Глинянъ, прозванныхъ, очевидно, по свойству мѣстности, мы полагаемъ, что теперешнее *Lucie* есть остатокъ древняго славянскаго имени *Луки* или *Лучье*, т. е. луга, болота (¹), и что жители этой низменной части Вендланда назывались *Лучанами*, какъ жители лѣсистой стороны—*Древлянами*, жители глинистыхъ полей—*Глинянами*.

Такимъ образомъ, Славяне, переселившіеся, какъ видно, около 900 года, на лѣвый берегъ Эльбы, найдя себѣ уголокъ, въ которомъ могли сдѣлаться полными хозяевами, устроились тамъ мирными общинами (²) и, какъ говоритъ Несторъ про ихъ братій на

Замѣтимъ кстати, что городъ Люнебургъ назывался Залабскими Ляхами Glejn (Glein у Геннинга).

(¹) Единственное сомнѣніе въ этомъ объясненіи возбуждаетъ отсутствіе носоваго звука, который требуется этимологіею и характеромъ языка Балтійскихъ Ляховъ въ словѣ *лукъ*, *лука*; но, не говоря о томъ, что форма *Lucie* вмѣсто *Luncie*, которой слѣдовало бы ожидать, могла произойти отъ позднѣйшаго нѣмецкаго искаженія,—именно корень *лук* и *луч* теряетъ часто свой носовой звукъ въ самомъ языкѣ Ляшскаго племени, вообще такъ твердо хранящаго эти звуки. Въ Польшѣ, даже въ краяхъ отдаленныхъ отъ возможнаго вліянія русской рѣчи, мы находимъ множество мѣстностей Лугъ, Луги, Лукава, Лукомъ, Лукова, и т. под.

(²) Я говорю объ общинномъ характерѣ Славянъ-колонистовъ за Эльбой не по предвзятой теоріи. До сихъ поръ, не смотря на господство нѣмецкихъ гражданскихъ отношеній, люди, коротко знакомые съ бытомъ Ганноверскихъ *Вендовъ*, замѣчаютъ въ нихъ гораздо большую силу общиннаго элемента, нежели въ Германцахъ. Впрочемъ, самая наружность *Вендскихъ* селеній свидѣтельствуетъ объ ихъ общинномъ характерѣ: они всѣ построены кругомъ или, вѣрнѣе сказать, въ формѣ подковы, такъ что въ деревню остается только одинъ въѣздъ; избы, одна подлѣ другой, обращены всѣ лицомъ на круглую площадь посреди деревни; среди площади почти вездѣ возвышается старое, развѣсистое дерево, или нѣсколько

Руси, — *прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ.*

Въ Ганноверскомъ Вендландѣ мы находимъ слѣдующія мѣстности съ славянскими именами (¹):

1) Нижние Древляне (der untere Drawehn):

Въ Данненбергскомъ округѣ:

Iameln — польск. Iamielna.

деревьевъ, подъ которыми народъ (въ силу теперешнихъ законовъ, одни хозяева собирается на совѣщаніе. Въ концѣ XVII вѣка, по свидѣтельству записокъ одного уроженца Вендланда, среди деревенской площади почти вездѣ стояла общественная изба (тоже, что говорятъ жизнеописатели Оттона Бамбергскаго о городахъ Поморянъ въ началѣ XII столѣтія); эти общественныя избы истреблены были въ Ганноверскомъ Вендландѣ около 1700 года.—Впрочемъ, мы предполагаемъ посвятить особую статью описанію быта и преданій этого славянскаго уголка въ Германіи, лично осмотрѣннаго нами во всей подробности.

(¹) Мы предлагаемъ здѣсь, на основаніи мѣстныхъ названій, опытъ топографіи славянскихъ поселеній на западномъ берегу Эльбы. Для приблизительнаго опредѣленія славянскихъ формъ этихъ, искаженныхъ нѣмецкимъ произношеніемъ, названій, мы прежде всего прибѣгаемъ къ названіямъ мѣстностей въ Польшѣ, заимствуя ихъ изъ упомянутыхъ выше «Tabella miast, wsi, osad Królewstwa Polskiego» и «Skorowidz miejscowości Galicyi i Lodomeryi. Читатель увидитъ, что по крайней мѣрѣ три четверти славянскихъ названій, встрѣчающихся за Эльбою, повторяются и въ Польскихъ земляхъ. При сравненіи ихъ, надобно имѣть въ виду, кромѣ случайныхъ искаженій отъ нѣмецкаго вліянія, и тѣ звуковыя измѣненія, которымъ рѣчь Залабскихъ Ляховъ подверглась съ теченіемъ времени и на которыя указано въ упомянутой выше статьѣ: «Памятники нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ»; надобно еще имѣть въ виду и то, что языкъ Прибалтійскихъ и Залабскихъ Ляховъ охранилъ, съ другой стороны, нѣкоторые звуки отъ измѣненій, которымъ они подверглись у Поляковъ въ позднее время, т. е. послѣ обособленія польскаго языка отъ языка западныхъ (теперь исчезнувшихъ) Ляховъ; такъ Балтійскіе и Залабскіе Ляхи не допустили превращенія звуковъ *r*, *d* и *t*, при смягченіи, въ *rz*, *dz* и *c*, какъ это случилось въ рѣчи Ляховъ восточныхъ (Поляковъ).—Тѣ названія, которымъ нѣтъ аналогіи въ доступныхъ намъ сборникахъ польскихъ мѣстныхъ именъ (къ сожалѣнію, повторяемъ, мы принуждены въ этомъ отношеніи ограничиться Царствомъ Польскимъ и западною Галиціею), —мы большею частію встрѣтимъ или въ Чехіи, или въ землѣ Лужичанъ. Нашъ матеріалъ въ этомъ отношеніи: «Popis Králowstwí Českého» Палацкаго; «Niederlausitzisch - wendisch — deutsches Handwörterbuch v. Zwahr;» «Serbski słownik od Dra Pfula».

При всей недостаточности своей и ограниченности разсматриваемаго пространства, мы надѣемся, что предлагаемый трудъ будетъ не безполезенъ, не только въ историческомъ отношеніи, чтобы показать распространеніе славянской колонизаціи на западномъ берегу Эльбы, но и какъ первый шагъ къ систематическому своду и объясненію того громаднаго количества топографическихъ названій, которыя остались памятникомъ минувшихъ поколѣній славянскихъ въ странахъ, отвоеванныхъ у Славянъ чужими народами.

Breselenz (село): (Брѣзя лѫка, березовый лугъ).
Breustian—польск. Brześciany.
Sareitz—польск. Zarzycz, Zarzyce, Zarzecze.
Maddau (Медово).

Въ Люховскомъ округѣ:

Grabow—польск. Grabów.
Boitau—польск. Bytów.
Carmitz—польск. Karnice.
Crummasel или Crumoisel (с)—Кромѣмышль, сравн. чешск. Кромѣрижъ.
Saggrian—польск. Zagorzany.
Tüschau—польск. Tuszów.
Witzetze (im Drawehn), Польск. Osiecza.
Sallahn—польск. Zielone.
Witfeitzen—польск. Wilowice.
Dommatzen—польск. Domanice, Domaszno.
Kröte, сравн. чешск. Кротивъ.
Waddeweitz, сравн. чешск. Вадковице.
Dickfeitzen—чешск. Тыковице.
Gaddau—польск. Gadowo.
Zebbelin (с)—польск. Czepielin.
Marlin, сравн. польск. Mierzwin.
Tolstefanz—Толстожсы, чешск. Тлустовоусы.
Göttien, сравн. польск. Guty, Gutowo.
Belitz—польск. Bielice.
Reitze—польск. Rycze.

2) Верхние Древляне (der obere Drawehn):

Lübeln—польск. Lublin.
Gühlitz—польск. Golice.
Satemin (с)—польск. Seeemin.
Güstritz—польск. Ostrzyca.
Nauden—Нудно, сравн. чешск. Nauzow.
Luckau—польск. Łukowa.
Schreyahn, сравн. польск. Skrzany.
Lensian—польск. Łężyn.
Ganse—польск. Gąsne.

Iabel—польск. Iabłon'.
Serau (im Drawehn) — Жерава, нпж. луж. Жаровъ (Sorau), сравн. польск. Żerań, Żerocin, Żeromin, и друг.
Meuchefitz—Муховицы, сравн. польск. Muchnice.
Naulitz, срав. верх. луж. Новослице (Nausslitz).
Süthen—польск. Sycyna.
Küsten (c)—польск. Kościany.
Schwiepke.
Kremlin—польск. Krzemienin.
Köhlen—польск. Kolno.
Mamoïsel (Мамышль).
Bühlitz (c)—польск. Bielice.
Beesem—польск. Biezeń, Biezun.
Dalitz—польск. Dalowice.
Cassau—польск. Kaszew.
Brüchau—польск. Brochów.
Iiggel, сравн. польск. Iigłówka.
Starrel, сравн. польск. Starzyny.
Bösen—польск. Biezeń.
Mützen—польск. Moczuny.
Clenze (мѣстечко), по-слав. Клонска.
Lefitz, сравн. польск. Lewiczyn.
Corvin, польск. Korwin.
Guhreitzen, чешск. Горице.
Sachau—польск. Sachów.
Zeetze—польск. Sieceń.
Bussau (c)—польск. Bosewo.
Priesseck—польск. Przysieka.
Reddereitz—польск. Radoryż.
Bausen, чешск. Боусница, Боусовъ.

3) Средняя часть Вендланда:

Lüsen—польск. Łyziny, Łuszna.
Gollau—Голава, польск. Goławice.
Plate (c)—польск. Plato.
Lüchow (городъ), см. выше.

Reetze—польск. Rycze.
Ieetzel—польск. Iaśnia [1].
Neritz, сравн. польск. Nierawy.
Klennow—польск. Kleniewo, Klonów.
Dolgow—Долгово, сравн. польск. Długoiów.
Wustrow (городъ)—польск. Ostrów.
Lübbau—польск. Lubów.
Bösel, ср. выше Bösen.
Saasse.
Reddebeitz—Радовицы, (у южн. Слав.), польск. Radomice.
Tarmitz—Търницы, сравн. польск. Tarnów.
Breese—польск. Brzezia, Brzezie.
Thurau—польск. Turowo.

Въ Гартовскомъ округѣ:

Crautse—польск. Krusze.
Vasentien—польск. Osieciny
Nemitz—польск. Niemiec.
Trebel (c)—польск. Trzebeń, Trzeblinka.
Clautze, —польск. Klucze.
Lanze (c), срав. польск. Łączna.
Prezelle (c)—Преселье.

4) Такъ называемая Lucie.

Въ Данненбергскомъ округѣ:

Liepe—польск. Lipa, Lipie.
Soven—польск. Sowin, Sobiń.
Zadrau.
Siemen—польск. Zimna.
Pretzeeze—чешск. Přiсече́.
Laase—польск. Łazy.

Въ Гартовскомъ округѣ:

Gedelitz—польск. Jedlica.

---

(1) Деревня эта носитъ тоже названіе, что рѣка Ieetzel, которая въ старинныхъ памятникахъ именуется Iesna; очевидно, что теперешняя форма есть искаженіе славянскаго *Ясна*. Впрочемъ, какъ видно изъ словаря Геннинга (см. выше), рѣчка эта въ XVII в. называлась Древлянами просто: Reka.

Въ Люховскомъ округѣ:

Serau (in der Lucie), см. выше.
Ranzau, сравн. польск. Ręczaje, Ręczno.
Pannecke—польск. Panki.
Liepe см. выше.

5) Гляняне, такъ называемый Lemgow:

Въ Люховскомъ округѣ:

Puttball—Подвалъ или польск. Podbiel.
Schweskau.
Trabuhn—польск. Trzebuń.
Predohl (c)—чешск. Придоли
Criwitz,—польск. Krzywica.
Prezier—польск. Przyzorz.
Witzeetze im Lemgow—польск. Osiecze.
Simander.
Schletau—польск. Słotowo.
Schmarsau—польск. Smarzewo.

Въ Гартовскомъ округѣ:

Lomitz (c)—польск. Lomnica.

Нынѣшній Ганноверскій *Вендландъ* есть только небольшой остатокъ бывшихъ въ старину славянскихъ поселеній въ сѣверной Германіи, на лѣвомъ берегу Эльбы. Еще въ прошедшемъ столѣтіи помнили о томъ, что весь Данненбергскій, Гитцакерскій и Гартовскій округи были въ прежнее время населены Славянами, и часто распространяли имя Вендланда на весь край отъ большаго заповѣднаго лѣса *Göhrde* на югъ до прусской границы и на западъ до Эльбы, т. е. на весь треугольникъ, составляющій юговосточную оконечность Ганноверскаго королевства,

Въ эпоху Каролинговъ весь этотъ край принадлежалъ, судя по тогдашнимъ памятникамъ, къ землѣ (или волости) (1) Бардовъ—

---

(1) За неимѣніемъ лучшаго, мы передаемъ нѣмецкій терминъ *gau* словами волость или земля; *gau* (въ средне-вѣковыхъ латинскихъ памятникахъ *pagus*) было подраздѣленіемъ *племени* и имѣло свою внутреннюю самостоятельность, управля-

Bardengawe—сѣверовосточной части племени Саксовъ-Остфаловъ. Въ слѣдующую затѣмъ эпоху (X, XI и XII стол.) мы видимъ уже подраздѣленіе этой земли: бо́льшая, сѣверная часть ея сохраняетъ свое нѣмецкое названіе *Bardengow*, а южная превратилась въ двѣ славянскія волости, Drevani (Древляне) и Linegou (земля Глинянъ). По всей вѣроятности въ эту эпоху края Древлянъ и Глинянъ занимали не то малое пространство, за которымъ имена ихъ остались теперь; но мы не имѣемъ достаточныхъ свѣдѣній для точнаго опредѣленія ихъ древнихъ границъ. Во всякомъ случаѣ, славянская колонизація, которую мы застаемъ въ X вѣкѣ, не ограничивалась южною частью древней Бардской земли, получившею чисто-славянскій характеръ *жупы* Древлянской и Глинянской, а проникла и въ сѣверную ея часть, гдѣ нѣмецкая стихія сохранила свое господство. Мѣстныя названія служатъ вѣрнымъ признакомъ объема славянской колонизаціи и ея относительной густоты. Въ иныхъ мѣстахъ встрѣчается кое-гдѣ одинокое имя, напоминающее о Славянахъ, среди множества именъ нѣмецкихъ; въ другихъ, славянскія названія являются въ большинствѣ, цѣлыми группами, среди которыхъ одиноко выглядываетъ имя нѣмецкое.

Самый дальній на сѣверѣ въ этой странѣ, древнемъ Барденгау, слѣдъ славянства есть такъ называемое *Schlauen-Lohnfeld* (т. е. наемное поле Славянъ), мѣстность на сѣверъ отъ стариннаго торговаго города Бардовика, недалеко отъ устья рѣки Ильменау, отъ впаденія которой въ Эльбу до Гарбурга считается съ небольшимъ 2 мили. Рѣка Ильменау течетъ съ юговостока на сѣверозападъ, большею частію черезъ такъ называемую *Lüneburger Heide* (Люнебургскую пустошь), на протяженіи приблизительно 100 верстъ, и замѣчательно, что около нея сосредоточивается цѣлая группа рѣчекъ и ручьевъ, имена которыхъ звучатъ почти всѣ по славянски. Съ лѣвой стороны мы находимъ рѣчки *Bühna*, *Hardau*, *Gerdau* съ притокомъ *Schwienau*, *Roddau* и, наконецъ *Lopau* (¹) (притокъ Luhe, впадающей въ Ильменау); съ правой, рѣчки *Esterau* (иначе *Steterau*), *Wipperau*, *Neetze* (²) и наконецъ, рукавъ самой Ильменау, который называется *Hau*. Между тѣмъ, нѣсколько далѣе на

лось своимъ графомъ: нѣмецкому *gau* соотвѣтствовала у западныхъ и южныхъ Славянъ *жупа*.

(¹) Сравн. Лопава (Lupow) въ восточной Помераніи.

(²) Сравн. Netze, по-польски Notec, въ Прусской Польшѣ.

западъ, рѣки и рѣчки, принадлежащія къ другому водостоку, къ системѣ Везера, имѣютъ названія, по звукамъ чисто нѣмецкія.

Имена Ильменовы, Лопавы и др. потому странны и загадочны, что ихъ окружаетъ масса селъ и деревень съ названіями нѣмецкими. На западной сторонѣ Ильменовы нѣтъ мѣстностей съ славянскими именами; только верстахъ въ 25 отъ г. Люнебурга (въ 10 верстахъ на сѣверъ отъ г. *Uelzen*) мы находимъ названія, которыя говорятъ о томъ, что тутъ нѣкогда славянскія поселенія встрѣчались съ нѣмецкими; именно, тутъ другъ подлѣ друга лежатъ *Vinstedt*, *Taetendorf*, *Sasendorf*, т. е. очевидно, *Wendstädt*, *Teutendorf*, *Sachsendorf*, вендское мѣсто, нѣмецкая деревня, деревня Саксовъ. Подобныя названія, т. е. деревня такого-то или другаго народа, могутъ существовать только тамъ, гдѣ нѣкогда сходились два племени, гдѣ народонаселеніе было смѣшанное.—На восточной сторонѣ р. Ильменау является больше слѣдовъ Славянства, но тоже разбросанные среди сплошной массы нѣмецкихъ именъ. Подъ самымъ Люнебургомъ, главнымъ городомъ всей этой страны, есть дер. *Wenhausen* (т. е. славянское жилье), есть *Wendisch-Evern* подлѣ *Deutsch-Evern*. Если мы отъ города Лауенбурга поднимемся верстъ 12 вверхъ противъ теченія Эльбы, то мы встрѣтимъ тамъ, насупротивъ края древнихъ Бытенцевъ и Смольнянъ, первыя на сѣверѣ имена славянскихъ селеній въ землѣ Саксовъ: с. Radegast (т. е. Радигощь), с. Gartze (т. е. Гардецъ,Градецъ); тутъ же, подъ городомъ *Bleckede* мы найдемъ славянскую деревню (*wendisch Bleckede*) и въ двухъ верстахъ оттуда *Alt Wendischthun* (¹). Отъ города *Bleckede* поднявшись еще верстъ 10 на юговостокъ вверхъ по Эльбѣ, начинаются славянскія имена цѣлыми группами, занимая восточный край Даленбургскаго и весь Гитцакерскій, Данненбергскій, и далѣе на югъ Гартовскій округъ и примыкая непосредственно къ теперешнему Вендланду, къ которому эта страна, какъ мы сказали, въ старину причислялась.

Въ Даленбургскомъ округѣ:

Catemin—Хотоминъ, сравн. польск. Chotomów
Neu-Darchau (²)—польск. Drochów.

(¹) *Neu Wendischthun* лежитъ на противоположномъ берегу Эльбы.
(²) Alt-Darchau находится на противоположномъ берегу Эльбы.

Tosterglope.
Ventschau—польск. Wężewo.
Nüdelitz (Новодѣлицы, ср. польск. Nowodzice).
Kovahl—польск. Kowal.
Neestahl, сравн. польск. Niestanice, Niestachów.
Tangsehl, сравн. польск. Tązowy.
Breese—польск. Brzezia и Brzezie.
Lüben—польск. Lubno.
Pommoissel—чешск. Помышль.
Nieperfitz.
Dübberkold—Добры хладъ (?).

Въ Гитцакерскомъ округѣ; по Эльбѣ:

Klein Kühren ([1])—Курно, сравн. польск. Kurniki.
Schutschur.
Glienitz—польск. Glinice.
Tiessau—Тисова, польск. Cisowa.
Meudelfitz—польск. Mydłowice.
г. Hitzacker, называвшійся по-славянски въ XVII стол. Лаущпвъ ([2]), искаженіемъ слова Лучковъ—польск. Łuczkowo.
Wussegel.
Grabau—польск. Grabowa.
Strachau—польск. Strachów.
Penckefitz—польск. Pankowce.

Внутри страны, на сѣверъ и западъ отъ большаго лѣса *Göhrde*:

Darzau—чешск. Држовъ.
Sammatz—польск. Samowicze.
Wietzetze, см. выше.
Im Radelitz (урочище)—Радлицы, польск. Radliczyce.
Govelien.
Pussade—Посады, польск. Posadów, чешск. Посада.
Seerau, см. выше.
Kähmen—польск. Kamien'.

([1]) Gross-Kühren лежитъ на правомъ берегу Эльбы.
([2]) Геннингъ пишетъ Lgautztgi.

Schmessau, сравн. чешск. Смечице, Смечно.
Schmardau—польск. Smardzów.
Wrechau—Ворѣхово, польск. Orzechowo.
Pargar—Прапоръ; сравн. чешск. Прӗпере.
Ribrau с.—Рѣброво, сравн. польск. Żebry.
Breese, см. выше.
Wedderin—Ведрино.
Pudripp—Подрипъ (сравн. Рипъ, древнее названіе горы у Чеховъ).
Mehlfiel, сравн. ниже Mehlfien—Мѣловина.
Timmeitz—чешск. Тѣмице.
Zernien—чешск. Черниnъ.
Bellahn—польск. Bielany.
Fliessau.
Spranz.
Redemoissel—польск. Radomysl.
Middefeitz—Медовица.

Въ Данненбергскомъ округѣ, по Эльбѣ:

Barnitz—Барницы, польск. Bronice.
Damnatz (с), польск. Domanice, Domaniż.

Внутри страны:

Cacherien.
Splietau.
Breese, см. выше.
Sipnitz—Сыпница, сравн. польск. Sypniewo.
Predöhl—Придолъ, чешск. Придолй.
Streetz,—польск. Strojec.
Lüggau—польск. Ługów.
г. Данненбергъ, называвшійся по-славянски въ XVII стол. Weidörs, т. е. Выдержъ, сравн. чешск. Выдржице (1).
Schmarsau, см. выше.
Bückau—польск. Buków, Bukowa, Bukowo.
Prisser—польск. Przyzorz.

---

(1) Это имя въ каталогѣ чешскихъ селеній, изданномъ Палацкимъ, написано Выджице, Виджице: и то и другое противно единственной возможной этимологіи, требующей формы Выдржице.

Thunpadel—польск. Tupadły (вмѣсто Tępadły).
Carwitz—польск. Karwice.
Lenzen; польск. Łęczno.
Nausen, сравн. чешск. Ноузовъ.
Dragahn—польск. Draganie.
Gamehlen—польск. Gomolin.
Wibbese (с.)
Mehlfien—Мѣловина.
Volkfien—Волковина, сравн. польск. Wilkowizna.
Breese im Bruch (с.) сравн. выше.

Въ Гартовскомъ округѣ (насупротивъ земли древняго племени Глинянъ): по Эльбѣ:

Pölitz, польск. Police.
Meetschow, сравн. польск. Miecze, Mieczyn, чешск. Мечовъ.

Внутри страны:

Gummern, польск. Komarno.
Kapern.
г. Gartow, по-славянски въ XVII в. Gorsty, искаженіе формы Гордеко—польск. Grodzisko.
Wirl, польск. Orle.
Gedelitz, см. выше.
г. Schnackenburg, по-славянски въ XVII в. Godegard, искаженіе формы Гадіи-гардъ, т. е. Гадіи-градъ, городъ гадовъ (змѣй), тоже, что значитъ и нѣмецкое названіе.

Мы обозрѣли всѣ славянскія поселенія на сѣверъ отъ теперешняго Ганноверскаго Вендланда. Селенія эти, какъ мы видѣли, начинаются группами въ трехъ съ небольшимъ миляхъ выше Лауенбурга, и ограничиваются къ западу чертою, которая была бы проведена отсюда прямо на югъ къ большому лѣсу *Göhrde*. Лѣсъ этотъ, который и теперь славится во всей странѣ своимъ пространствомъ и густотою, а въ древности былъ, конечно, несравненно значительнѣе, остановилъ, должно быть, движеніе славянской колонизаціи, шедшей за Эльбу на западъ. Дѣйствительно, за этимъ лѣсомъ мы находимъ только два одинокихъ селенія, напоминающія о Славянахъ: Vindorf (Вендская деревня) и Boitze. А если мы продолжимъ отъ лѣса Göhrde прежнюю черту прямо на югъ, до самой

прусской границы, то и тутъ получимъ предѣлъ славянскихъ поселеній. Они простирались такимъ образомъ на западъ и сѣверо-западъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 миль далѣе нынѣшняго *Вендланда*, занимая восточную часть округовъ Ольденштадтскаго и Бодентейхскаго:

Въ Ольденштадтскомъ округѣ:

Boicke, сравн. польск. Boiska.
Schlankau—Слѧково.
Zieritz, сравн. чешск. Жирецъ, Жиречъ.
Stoitze—Стоицы.
Törwe—польск. Turowo.
Gross Malchau—польск. Malachów.
Glienitz—польск. Glinice.
Sellien—польск. Zieluń.
Reddien—польск. Radonia, Raduń.
Nievelitz—чешск. Неволице.
Schmölau—польск. Smolewo.
Bankevitz—польск. Bąkowiec.
Probien, сравн чешск. Пробыловъ.
Schwemlitz—чешск. Свѣмыслице.
Polau—Полево.
Katzien—польск. Kaczyn.
Prielip—Прилипъ (сербск.), чешск. Прилѣпы.
Klein Malchau, см. выше.
Iarlitz—польск. Iarnice.
Gansau—польск. Gąsewo.
Rassau—польск. Raszewo.
Schlieckau—чешск. Славиковъ.

Въ Бодентейхскомъ округѣ:

Dallahn—Даляны, сравн. польск. Dalanowo.
Sattkau—польск. Sadków, Sadkowo.
Meussliessen—польск. Myśliszowice.
Grabau—польск. Grabów.
Nestau, сравн. польск. Nieszków.
Prezier, см. выше.
Növenthien—Новѧтинъ.
Güstau, сравн. польск. Gostwica, Gostkowo, чешск. Гостовице.

Köhlau—польск. Kołowo.
Solkau—польск. Żolkiew.
Loitze—польск. Łoiowiec.
Lütenthien, сравн. польск. Lutocin.
Proitze.
Göhrde, см. выше.
Schnega (с.)—Снѣгова, сравн. польск. Sniegula, чешск. Снѣговъ.
Varbitz—польск. Wierzbica.
Kakau—польск. Kakawa.
Kattien—польск. Katyny.
Thielitz—польск. Cielce.

Сюда же принадлежитъ западная оконечность Люховскаго округа, именно: мѣстечко Bergen, по-слав. Tjörska (¹) т. е. Горско.

Bantzau, сравн. полск. Bęczków, Bęczkowo.
Belau—польск. Bielawa.
Luskau (урочище), польск. Łuszków.
Kühlitz, сравн. польск. Kielce или Kolińce
Gielau—польск. Gilów.

Если мы продолжимъ еще дальше на югъ ту же черту, составлявшую западный предѣлъ славянскихъ поселеній за Эльбой, то черта эта будетъ совпадать съ границею, отдѣляющею нынѣ ганноверскія владѣнія отъ западной части Зальцведельскаго округа въ Пруссіи. На прусской сторонѣ мы найдемъ тутъ множество славянскихъ именъ, на ганноверской все одни нѣмецкія (²). Замѣчательно, что граница эта, образуемая почти на цѣломъ ея протяженіи рѣкою Ohre, пролегала тутъ съ самыхъ древнихъ временъ: въ X вѣкѣ она отдѣляла двѣ саксонскія волости, *Witinga* (въ тепер. Ганноверскихъ владѣніяхъ) и *Osterwaldi* (въ тепер. Пруссіи). Славянская колонизація наполнила вторую и почти не коснулась первой.

На югъ отъ древняго *Bardengau* или Люнебургскаго края и отъ Ганноверскаго Вендланда, лежитъ, примыкая непосредственно къ

(¹) Геннингъ; правильнѣе было бы Djörska.

(²) За исключеніемъ нѣсколькихъ селеній у самой пограничной черты, какъ-то Lüben (польск. Łubno), Plastau (сравн. чешск. Пластовище), Behnitz (польск. Bieniec), Parsau (польск. Parszów) и одного нѣсколько дальше: Oerrel (польск. Orzoł, Orle, Orło).

послѣднему, страна, извѣстная подъ именемъ *Altmark* (Старая Марка) и называемая такъ въ противоположность Новой Маркѣ бранденбургской, образовавшейся на покоренной Нѣмцами славянской землѣ по ту сторону Эльбы. Теперь страна эта присоединена, оффиціально, къ прусской провинціи Саксоніи (Provinz Sachsen), но въ общежитіи сохраняетъ свое наименованіе *Altmark*.

Она была колыбелью прусскаго государства. Мы въ послѣдствіи увидимъ, какъ въ этомъ краѣ образовалась сильная военная украина и какъ отсюда пошло завоевательное движеніе Германіи на правый берегъ Эльбы.

Въ составъ Старой Марки вошли древнія нѣмецкія волости (gaue) Osterwaldi, Belxa (иначе Balsamia) и Mosidi.—Кромѣ того, тѣсно связаны съ нею исторически двѣ, лежащія на югъ отъ предъидущихъ, волости Nordthuringo и Nordsuevego; послѣдняя составляла южную окраину Саксонской земли и граничила съ Турингіею. Всѣ эти края получили весьма сильную славянскую колонизацію, и по всѣмъ признакамъ, именно въ ту же эпоху, какъ сосѣдняя Люнебургская страна, т. е. въ концѣ IX и началѣ X столѣтія. Получили онѣ эту колонизацію, безъ сомнѣнія, отъ ближайшихъ славянскихъ племенъ, обитавшихъ на противоположномъ берегу Эльбы и на которыя распространялось общее названіе Брежанъ и Стодорянъ.

Волость Osterwaldi занимала сѣверовосточную часть нынѣшняго Остербургскаго округа съ городами *Seehausen* и *Arendsee*, примыкая на протяженіи нѣсколькихъ миль къ извилистому теченію Эльбы, и простиралась далеко на западъ и югозападъ, обнимая весь нынѣшній Зальцведельскій и западную половину Гарделенгенскаго округа.

Въ этой волости мы находимъ Славянскія мѣстныя имена въ изобиліи, а именно:

1) *Въ сѣверовосточной части Остербургскаго округа*, у Эльбы и близъ Ганноверскаго Lemgow, насупротивъ края древнихъ Глинянъ и Нелѣтичей:

Stresow—польск. Strzeżów.
Wanzer—польск. Wążerów.
Böhmenzien (вмѣсто Wöhmenzien)—польск. Omięcin.
Drösede—польск. Drozdy.
Der Zeilitz (роща), польск. Sielice.

Aulosen—польск. Uleże.
Pollitz—польск. Police.
Pretzier—польск. Przyzor.
Gartz—Гардецъ, т. е Градецъ.
Ieggel—польск. Ieglewo.
Crüden, въ стар. Kruysen,—польск. Kruszyna.
Beuster—польск. Bystro.
Zehren—польск. Żerań, Żerzeń.
Leppin—польск. Lipiny.
Genzin—польск. Gężyn.
Gestien—польск. Gostynie.
Ziessau, въ старину Szissow, чешск. Жижовъ.
г. Seehausen, по-славянски Wungörjunty (1), т. е. Вѫгъраты, сравн. польск. Węgrzce, чешск. Угретице.

2) *Въ югозападной части Остербургскаго округа*, между ганноверскою границею и р. *Biese:*

Drüsedau—польск. Drozdów.
Polkern.
Krevese (2)—польск. Krzywice.
Bretsch—Брѣще, польск. Brzeszcze.
Priemern—Премѣрно, сравн. польск. Przemiarowo.
Dewitz—чешск. Девице.
Kossebau—польск. Koziobudy (?).
Gladigau—Гладиховъ, сравн. польск. Gładyszów.
Kleinau—польск. Klinowo.
Dessau, сравн. серб. Дежево.
Lohne—польск. Łony.
Kerkau или Karkow—польск. Karkowo.
Velgau—польск. Wielkowo.
Bukow—польск. Buków.
Kallehne—польск. Kalino.
Kassuhn—польск. Kazuń.

---

(1) У Геннинга Wunggörjungty.

(2) Ридель (die Mark Brandenb. I, 109) отождествляетъ эту деревню съ древнимъ Zerwest; но такой фонетическій переходъ кажется невозможнымъ. Древнее Zerwest есть, очевидно, *Сербище*, имя встрѣчающееся и въ другихъ мѣстахъ у сѣверо-западныхъ Славянъ; съ *Krevese*, т. е. Кривици, Кривичи, оно едва-ли можетъ имѣть что-нибудь общее. Древнее *Zerwest*, вѣроятно, исчезло.

Schernichau—польск. Czernichów.
Kerkuhn, сравн. польск. Karkowo, Karkosy.
Zühlen—польск. Sulina.
Kladen—польск. Kłodna.
Kraatz, сравн. польск. Kraczów.
Mechau—польск. Miechów.
Kaulitz (древн. Kovlitz)—польск. Kowalewice.
г. Arendsee, по-славянски Wlasdeîske (¹), т. е. Властѣйско или правильнѣе Властѣевско — чешск. Властѣйовско.

Въ этомъ же краѣ были, исчезнувшія нынѣ, деревни:
Noyden.
Szatun—польск. Szatunie.
Baudissin: Будышинъ у Лужичанъ, польск. Budzieszyn.
Grindel, сравн. польск. Grędzice.

3) *Въ Зальцведельскомъ округѣ:*

Rademien—польск. Radzymin.
Lübbars, сравн. польск. Lubierz.
Brunau—польск. Bronów.
Mehrin—польск. Mierzyn.
Vinau—польск. Winiawa.
Dolchau—польск. Dalechowy.
Molitz—польск. Malice.
Störpke,—польск. Stropkowo.
Thuritz—польск. Turzec, чешск. Турице.
Ieggeleben—польск. Jeglewo.
Zierau—польск. Siarzewo.
Mösenthien, сравн. чешск. Мужетице.
Cheinitz—чешск. Хынице, Хейнице.
Baars—польск. Barszcze.
Buchwitz—польск. Bukowice.
Liesten—Листно, польск. Lisno.
Gartz—Гардецъ, польск. Grodziec.
Deutsch-Pretzier, см. выше.
Riebau—польск. Grzybów.

(¹) По словарю языка Ганноверскихъ Славянъ, Геннинга.

Chüden, сравн. чешск. Худенице.
Jahrsau—польск. Jaroszewo.
Jebel—польск. Jabłon.
Perwer—польск. Przywory.
Chüttlitz—польск. Kotlice.
г. Salzwedel, по-слав. Losdy, т. е. Лоздій (см. выше).
Brietz—польск. Brześć.
Cheine—чешск. Хыновъ, Хынице, Хыпинъ.
Seeben, сравн. чешск. Жебнице.
Darsekau—польск. Dzierżków.
Wiebelitz—польск. Obelica.
Kemnitz—польск. Kamienica.
Ziethnitz—чешск. Житенице.
Gieseritz—польск. Iezierzec.
Sienau, сравн. чешск. Жипяны, Жинице.
Brewitz—чешск. Бревнице.
Wöpel—польск. Opole.
Valfitz—польск. Walewice.
Gischau—польск. Jeżewo.
Kaeckelitz, сравн. чешск. Каковице.
Poppau—польск. Popów.
Bandau, сравн. польск. Bądków, Bądzyn.
Peertz, сравн. польск. Piersk.
Nesenitz—Нѣженица, сравн. чешск. Нѣжовице.
Dönitz, сравн. чешск. Донинъ, Доньовъ.
Köbbelitz—польск. Kobielice.
Ferchau—чешск. Врховѣ.
Reppin—польск. Rzepin.
Cunrau—польск. Konarzewo.
Germenau—польск. Ierzmanowo.
Mellin—польск. Melno.
Netgau.
Jübar—польск. Jawór.

Въ сѣверо-западной части этого округа, за рѣкою Dumme, на границѣ древняго края Wilinga, слѣды Славянъ малочисленнѣе; тутъ мы находимъ только:

Kleistau—польск. Chelstowo.

Schmölau—польск. Smolewo
и Wendisch—Horst.

4) *Въ западной части Гарделегенскаго округа:*

Weteritz—польск. Wiatrowice.
Wustrewe—польск. Ostrów.
Brüchau—польск. Brochów.
Iemmeritz—польск. Iamirzewice.
Pansau—польск. Panoszew.
Zichtau, сравн. польск. Żychcice.
Schwiesau—польск. Swieżawy.
Döllnitz—польск. Dolnica.
Zartau—польск. Czartowo.
Lupitz, сравн. польск. Lupki, Łupicha.
Ieggau, сравн. польск. Ieglewo.
Tarnewitz—польск. Tarnowiec.
Sichau—польск. Żychów.
Solpke, Слупки, сравн. польск. Slupiec, Slupica.
Peckwitz—чешск. Пековице.
Röwitz—польск. Rowce.
Wernitz—польск. Wierznica.
Sachow—польск. Zachowo.

Югозападная часть этого округа, составлявшая южную оконечность края Osterwaldi, покрытая болотами и лѣсами и называвшаяся въ древности *Thrimmining*, теперь *Drömling*, вовсе не получила славянской колонизаціи; всѣ имена въ этой мѣстности нѣмецкія.

Переходимъ къ волости *Belxa*, имя которой пишется въ древнихъ памятникахъ также *Belineshеim* (можетъ быть, это и коренная форма), *Belkesheim*. *Belesem*, *Balsamia*. Она граничила къ сѣверу и западу съ волостью *Osterwalde*, къ востоку съ Эльбою, къ югу съ рѣкою *Ohre*, отдѣлявшею ее отъ края *Nordthuringo*. Сѣверовосточная оконечность ея носила особое названіе — *Mintga*, южная часть—*Mosidi*. Въ обширномъ смыслѣ, край *Belxa* обнималъ юговосточную часть нынѣшняго Остербургскаго, весь Стендальскій, восточную часть Гарделегенскаго и сѣверную (бо́льшую) половину Вольмирштедтскаго округа. Онъ примыкалъ къ славянскимъ племенамъ Целѣтичамъ, Лѣшичамъ и Морачанамъ, жившимъ на про-

тивоположномъ берегу Эльбы и принадлежавшимъ къ союзу Стодорянъ.

Слѣды славянства въ немъ также многочисленны, какъ въ волости Osterwalde:

1) *Въ юговосточной части Остербургскаго округа, въ древности Mintga:*

г. Werben, въ древн. Wirbene, Wirbena — польск. Wierzbno; подлѣ этого города дер. Wendenmark.
Räbel—польск. Wróbel.
Käcklitz, сравн. польск. Kukle, Kuklin, Kuklowka.
Görne—польск. Górna.
Dalchau—польск. Dalechowy.
Ferchlipp—Връхлипы.
Dobbrun—польск. Dobryń.
Polkritz.
Bertkau—польск. Bartków.
Dusedau—Дъждево, польск. Tszewo.
Mockern—польск. Mokrany.
Polkau—польск. Polków.
Flessau.
Zedau—польск. Cadów.
Rossau, см. выше.
Schmersau, см. выше.

2) *Въ Стендальскомъ округѣ:*

Beelitz—польск. Bielice.
Baaben—польск. Babin, Babino.
Iarchau—польск. Iarochów.
Storkau—чешск. Старковъ.
Rochau—польск. Rochów.
Schartau—польск. Czartowo.
Grassau—польск. Krasów, Kraszewo.
Grävenitz—польск. Grabienice.
Dobberkau—польск. Dobraków.
Dölnitz—польск. Dolnica.
Poritz—польск. Pórzyca.
Karritz—польск. Karwice.

Kremkau, сравн. польск. Krzemianka.
Berkau—польск. Barchów.
Garlipp—польск. Charłupia.
Bülitz—польск. Bielice.
Schäpliz—польск. Czaplice.
Kläden—польск. Kłodno.
Schernikau—польск. Czernichów.
Tornau—польск. Tarnawa, Tarnów.
Döbbeln—польск. Doblin.
Dahlen—польск. Dalanowo.
Hüselitz.

3) *Въ восточной части Гарделегенскаго округа.*

Börgitz, сравн. польск. Brogowo.
Seethen—польск. Sitno.
Kassiek, польск. Koziki.
Geskau—чешск. Єшковъ.
Pollwitz—Полевица.
Potzehne—Почнвъ, Почины.
Clüden—польск. Kłodna.
Iävenitz, сравн. чешск. Сваны, Івно, Івовице.
Salchau—польск. Żelechów,
Zöbbenitz (пограничная съ Пруссіею брауншвейгска деревня), чешск. Собѣнице.

4) *На южномъ краю Стендальскаго округа, принадлежавшемъ къ древней волости Mosidi:*

Steglitz—чешск. Стегловице.
Köckle—польск. Kukle.
Ierchel.
Grieben—польск. Grzebień.
Bittkau—польск. Bitkowice.
Briest—польск. Brześć.

5) *Въ сѣверной половинѣ Вольмирштедтскаго округа (древняя волость Mosidi):*

Cobbel—польск. Kobiel.

Wenddorf (1).
Rogätz—польск. Rogaczów.
Döbritzer-see (озеро) польск: Dobrzyce.
Zielitz—польск. Sielice.
Kolbitz—польск. Kobielice.
Lübberitz (2), сравн. польск. Lubierz.

Волость *Nordthuringo* простиралась по Эльбѣ, на югъ отъ *Mosidi*, и лежала насупротивъ славянскаго племени Морачанъ. Она обнимала южную часть Вольмирштедтскаго округа, округъ города Магдебурга и почти весь Ванцлебенскій округъ; на западѣ въ составъ ея входила часть Нейгальденслебенскаго округа.

Въ сѣверной части этого края, до самаго города Магдебурга, также какъ въ западной его части (нын. Нейгальденслебенскомъ округѣ), мы не замѣчаемъ ни одного славянскаго мѣстнаго названія. Тутъ какъ будто бы лежитъ полоса (впрочемъ весьма не широкая: отъ 2 до 3 миль въ ширину), которой не тронула славянская колонизація. Можно бы предполагать, что колонизація эта шла двумя потоками, однимъ, съ сѣвера, собственно отъ Балтійскихъ Славянъ, другой, черезъ среднюю Эльбу, отъ южныхъ Стодорянъ и Полабскихъ Сербовъ, и что между этими двумя потоками остался, такимъ образомъ, промежутокъ. Въ такомъ случаѣ Славяне, разселившіеся въ южной половинѣ волости *Nordthuringo*, также какъ въ *Suevego* и въ Турингіи, принадлежали бы къ послѣднимъ, поименованнымъ нами, племенамъ.

Въ *Nordthuringo* славянскія мѣстныя имена начинаются подъ самымъ городомъ Магдебургомъ: тутъ мы находимъ Buckau—польск. Buków; далѣе на югъ, между Магдебургомъ и рѣкою *Bude* (въ средніе вѣка *Boda*), притокомъ Салы съ лѣвой стороны, составлявшимъ границу Nordthuringo и Suevego, мы находимъ:

Schleibnitz—чешск. Сливонице.
Salbke—польск. Żłobek.
Frose—польск. Wrzos.
Glinde.

---

(1) Возлѣ находится дер. Angern, получившая названіе, вѣроятно, отъ вѣтви саксонскаго племени, Энгровъ.

(2) Въ сѣверной окраинѣ Нейгальденслебенскаго округа.

Pömmelle—Помлаты.
Zeitz—чешск. Житче,
Tornitz—Търница.
Werkleitz—польск. Wierzchlesie.
Wendische Mark.
Zens.
Glöthe.
Uelnitz—польск. Ulenice.
Löbnitz—польск. Lubnica.

Suevego (иначе *Nordsuavia*) составлялъ южную оконечность древней саксонской земли между Бодою, Салою и Турингіею, а на западъ граничилъ съ Гарцскою волостью (*Hardego*); теперь это южная оконечность прусской Магдебургской и сѣверная оконечность Мерзебургской области, со включеніемъ разбросанныхъ между ними кусочковъ разныхъ ангальтскихъ владѣній. На противоположномъ берегу Салы находились сербскія *жупы* (волости) Сербище, Жиромунты и Нудичи. Славянскія имена въ *Suevego*:

Waldau, на Салѣ, насупротивъ г. Бернбурга, польск. Wlodawa.
г. Plötzkau—польск. Plocochowo.
Zeitz—чешск. Житче.
Gnölbtzig—Конопельскъ.
Nelben—Нелюбно, сравн. польск. Nielubańce.
Zellewitz—чешск. Желевице.
Zickeritz—чешск. Секерице.
Ihlewitz—польск. Iłowice.
Lochewitz—чешск. Луховице.
Reidewitz—Радовицы, польск. Radomice
Zabitz—польск. Żabice.
г. Güsten—польск. Gostynie.
Börnicke—польск. Bronik.
Frosa—польск. Wrzos.
Tarthun, сравн. чешск. Тротень.
Hübitz—чешск. Губце ([1]).

([1]) Здѣсь уже обнаруживается по признакамъ языка, что эти мѣстности получили названія свои не отъ Балтійскихъ Ляховъ, а отъ Полабскихъ Сербовъ. Сѣвернѣе, эта же мѣстность называлась бы теперь, по всей вѣроятности, не Hubitz, а Gambitz—польск. Gębice.

Biskaberu—Бисконарпя, сравн. польск. Biskupionka.
Gorenzen—чешск. Гōренице.

Всѣ эти имена сосредоточены въ восточной (бо́льшей) половинѣ Свевской волости. Славяне не проникли въ отроги Гарца; только подъ городомъ Гарцгероде мы находимъ «Славянское поле», *das Wendfeld.*

Въ настоящее время память о славянскомъ населеніи въ Старой Маркѣ сохранилась только въ сѣверной ея части, на границѣ Гановерскаго *Вендланда.* Но источники X-го, XI-го и XII-го вѣка подтверждаютъ свидѣтельство мѣстныхъ названій, указывающихъ на повсемѣстное почти распространеніе славянской колонизаціи въ этомъ краѣ. Извѣстія о славянскомъ его населеніи являются тотчасъ послѣ того времени, къ которому мы отнесли славянскую колонизацію за Эльбою. Такъ саксонскій лѣтописецъ Видукиндъ пишетъ, подъ 938 годомъ, что какой-то Славянинъ служилъ проводникомъ Венграмъ, вторгнимся въ южную часть Саксонской земли, и завелъ ихъ въ непроходимыя топи Триминига (нынѣшняго *Drömling*, о которомъ см. выше) (¹). Въ одной грамотѣ папы Бенедикта VII, писанной около 980 г., говорится о Славянскомъ краѣ, принадлежавшемъ къ городу Арнебургу въ волости *Belxa* (²) и приводятся въ немъ, исчезнувшія теперь, деревни *Clenobic* (т. е. Кленове, польск. *Klonowo*), Centonie (вѣроятно слѣдуетъ читать Sventonie, сравн. польск. Swiętne), Seucrowinful (вѣроятно слѣдуетъ читать Severovingul, т. е. сѣверный уголъ): въ этихъ именахъ, не смотря на то, что они такъ обезображены переписчиками, нельзя не узнать славянскихъ звуковъ.—Въ началѣ XI вѣка, когда писалъ лѣтописецъ Титмаръ, городъ Вольмирштедтъ (въ волости *Mosidi*) носилъ, по его словамъ, два имени: нѣмецкое *Walmerstidi* и славянское *Usture*, «потому, прибавляетъ Титмаръ, что здѣсь сливаются Ара (теперь Ohre) и Эльба» (³). И такъ это названіе было Усть-Юра, а рѣка Ohre, дѣлившая волость

(¹) Widuk. II, 11.

(²) Riedel, Mark. Brandenb. I, 135: civitatis Arneburch et totius praedii ad ipsam respicientis dimidia parte, et addito totius proprietatis suae iure *in locis Slavoniae* Clenobic, Centonie, Seucrowinful nuncupatis, и проч.

(³) Thietm. VI, 33.

Belxa отъ *Nordthuringo*, вѣроятно, именовались Славянами Ура или Юра.—Въ 1135 году, подлѣ монастыря *Hildeslevе* (теперь Hillersleben), на этой рѣкѣ *Ohre*, упоминаются, несуществующія уже, деревни Polgorizi (Подгорицы) и Bolizi (сравн. Польск. Bolcie) и подать, которая съ нихъ взымалась, именуется *wozop* (читай *восопъ*, древн. польск. *osep*, натуральная повинность зерномъ, отъ глагола *сыпать*) (¹). Подъ 1161 годомъ мы читаемъ любопытное свидѣтельство о краѣ, гдѣ въ настоящее время славянскія мѣстныя названія такъ рѣдки, что трудно бы было подозрѣвать тамъ значительный приливъ славянскихъ поселенцевъ, именно о сѣверо-западной части Остервальдской волости (т. е. теперешняго Зальцведельскаго округа): свидѣтельство это показываетъ, что во время основанія тамъ Дидорфскаго монастыря (въ 1161 г.), восемь дарованныхъ монастырю деревень, носившія *нѣмецкія* имена, имѣли жителей Славянъ (²).—Подъ 1184 г. деревни около озера Arendsee (въ той же волости) были славянскія и только деревня *Kaulitz*, хотя и носившая славянское названіе, уже населена была въ то время Нѣмцами (³).—Въ 1247 г. маркграфы бранденбургскіе Іоаннъ I и Оттонъ III передали городу Новому Зальцведелю право суда надъ приходившими туда поселянами, *какъ Нѣмцами, такъ Славянами* (rustici theutonici sivé slavi) (⁴).—Мы могли бы умножить число этихъ показаній; но при неопровержимомъ свидѣтельствѣ мѣстныхъ названій, это было бы излишнимъ. Въ заключеніе приведемъ только слова Гельмольда, писавшаго около 1170 года. Онъ говоритъ о побѣдахъ маркграфа Альбрехта Медвѣдя (умеръ 1170) надъ Славянами и разсказываетъ, что Альбрехтъ призвалъ изъ Голлан-

---

(¹) Gercken, Codex diplom. Brandenb. I, 6: . . . contuli . . . . fratribus eiusdem loci reditum annualem qui vocatur Wozop super duas villulas ipsis prope adiacentes quorum nomina sunt polgorizi et bolizi: грамота императора Лотара 1135 года.

(²) Buchholz, Gesch. der Churmark Brandenburg, IV. Anhang. 7: грамота верденскаго епископа Германна: octo villas, videlicet Bergmere, Abbandorp, Verenthorp, Pychenusen, Ellenberke, Wadencoten, Budenstede, *quorum incolae adhuc Slavi erant*, eidem ecclesiae contradidimus. Эти деревни теперь называются Bergmoor, Abbendorf, Fahrendorf, Peckensen, Ellenberg, Waddekath (на самой границѣ древняго Witinga), Böddenstedt. Имя восьмой деревни пропущено.

(³) Тамъ же, стр. 29: грамота Оттона, I маркграфа бранденбургскаго, 1184 г.: ad utilitatem . . . . ecclesiae in Arnsee, villam teutonicam quae dicitur Kaulitz, *et slavicas villas eidem stagno adiacentes* . . . . contradidi.

(⁴) Riedel, Mark Brandenb. I, 49.

діи и Фландріи колонистовъ, для водворенія ихъ въ покоренной имъ землѣ Стодорской (Бранденбургіи); «кромѣ того, прибавляетъ Гельмольдъ, также и южный берегъ Эльбы (т. е. лѣвый берегъ: для Гельмольда, писавшаго въ Вагріи (1) онъ казался дѣйствительно южнымъ берегомъ), стали заселять въ то время пришельцы изъ Голландіи, всю болотистую и полевую страну, начиная отъ Зальцведеля, страну, которая называется *Balsemerlande* и *Marscinerlande*, съ многочисленными городами и мѣстечками, вплоть до Богемскаго лѣса: весь этотъ край заняли Голландцы. Земли эти, какъ говорятъ, нѣкогда населены были Саксами, а именно во время (императоровъ) Оттоновъ, какъ видно изъ древнихъ валовъ, насыпанныхъ на берегу Эльбы, въ болотистой землѣ Балзамской; но со временемъ превозмогли Славяне, Саксы были ими истреблены и страна эта находилась въ ихъ владѣніи до нашихъ временъ. Нынѣ же, какъ Богъ щедро даровалъ благополучіе и побѣду нашему государю герцогу (саксонскому, Генриху Льву) и прочимъ князьямъ,—Славяне повсемѣстно поражены и изгнаны» (2) и проч.

Эти слова Гельмольда весьма любопытны и важны, но нѣсколько неопредѣлительны. Гельмольдъ прожилъ весь вѣкъ въ Голштиніи и Вагріи, и не имѣлъ такихъ точныхъ свѣдѣній о положеніи дѣлъ на средней Эльбѣ, какія онъ представляетъ о своемъ родномъ краѣ. Потому онъ, съ одной стороны, невѣрно опредѣлилъ время переселенія Славянъ на лѣвый берегъ Эльбы, а съ другой—преувеличилъ какъ значеніе, пріобрѣтенное славянскою стихіею въ Старой Маркѣ и Турингіи, такъ и важность переворота, произведеннаго тутъ голландскими колонистами, которыхъ призвалъ Альбрехтъ Медвѣдь. Въ странѣ, гдѣ жилъ Гельмольдъ, еще памятна была въ то время кровавая реакція, произведенная тамъ Славянами-язычниками противъ нѣмецкаго владычества въ началѣ XI вѣка, (послѣ смерти императора Оттона III. Потому-то Гельмольдъ къ этой

(1) Восточной части Голштиніи.

(2) Helm. I, 88. Sed et australe litus Albiae ipso tempore incolere coeperunt Hollandienses advenae, ab urbe Soltuedele omnem terram palustrem atque campestrem, terram quae dicitur Balsemerlande et Marscinerlande, civitates et oppida multa valde, usque ad saltum Bojemicum possederunt Hollandri. Siquidem has terras Sxones olim inhabitasse feruntur, tempore scilicet Ottonum, ut videri potest in antiquis aggeribus, qui congesti fuerant super ripas Albiae in terra palustri Balsamorum, sed praevalentibus postmodum Slavis Saxones occisi, et terra a Slavis usque adnostra tempora possessa, и проч.

именно эпохѣ отнесъ и разливъ славянской стихіи на лѣвомъ берегу Эльбы, «въ землѣ Балзамской и Марскинской и до Богемскаго лѣса», какъ онъ выражается. Положеніе Балзамской земли намъ уже извѣстно: она составляла значительную часть Старой Марки. Подъ именемъ Марскинской или Маршинской земли Гельмольдъ, безъ сомнѣнія, разумѣлъ прилегающій къ Балзамской волости край *Mosidi*; оба эти названія одинаково значатъ «болотистая страна» (1). Наконецъ, распространяя славянскую стихію на лѣвомъ берегу Эльбы до «Богемскаго лѣса», т. е. до лѣсистыхъ горъ, ограничивающихъ Чехію, Гельмольдъ обозначилъ то, что славянская колонизація простиралась, сверхъ двухъ поименованныхъ волостей, и на южную часть Старой Марки и на всю Турингію: что совершенно вѣрно, по крайней мѣрѣ относительно всей ближайшей къ Эльбѣ и Салѣ полосы. Но какъ мы имѣемъ очевидныя свидѣтельства о существованіи въ этихъ мѣстахъ славянскихъ поселеній и въ эпоху саксонскихъ императоровъ, то мы должны, согласно доводамъ, представленнымъ нами выше, отодвинуть назадъ на столѣтіе эпоху образованія этихъ колоній и отнести ихъ не къ той славянской реакціи противъ Германіи, которая наступила послѣ смерти Оттона III, а къ той, гораздо значительнѣйшей реакціи славянской, какую мы видѣли при распаденіи державы Каролинговъ.—Весьма важны слова Гельмольда о томъ, какъ славянское населеніе вытѣснило Саксовъ съ побережья Эльбы; но опять-таки нельзя принять его свидѣтельства безъ оговорки: онъ вообразилъ, что побережье это (мы говоримъ, разумѣется, о лѣвой, западной сторонѣ Эльбы) получило сплошное, исключительное славянское населеніе, какое было на правомъ берегу, и что нужна была совершенно новая нѣмецкая колонизація, чтобы возстановить тамъ германскую народность. Этому противорѣчатъ всѣ, дошедшіе

(1) Первое отъ нѣмецкаго слова *Marsch* (англо-сакс. *mersc*), второе отъ древне-нѣмецкаго *mos*, нын. *Moor*, оба въ значеніи «болото». Верзебе и въ слѣдъ за нимъ многіе нѣмецкіе комментаторы, объясняя изъ корня *Marsch* гельмольдовское «Marscinerland», относятъ это имя къ небольшой болотистой мѣстности въ сѣверномъ углу древней Балзамской волости, между городами Вербеномъ и Арнебургомъ, нынѣ называемой *die Wische*. Но намъ кажется невѣроятнымъ, чтобы Гельмольдъ могъ сопоставить съ Балзамскою землею такой маловажный и крошечный край, всегда къ ней принадлежавшій и который никогда не имѣлъ особеннаго значенія, такъ что ни въ какомъ памятникѣ нѣтъ объ немъ рѣчи, какъ объ отдѣльной волости.

до насъ документы, которые между X и XIII вѣкомъ постоянно свидѣтельствуютъ о совмѣстномъ существованіи тамъ славянскаго и нѣмецкаго населенія, при чемъ, впрочемъ, на сторонѣ перваго было большинство (какъ видно изъ того, что тамъ до сихъ поръ во многихъ мѣстностяхъ гораздо больше славянскихъ именъ деревень и селъ, чѣмъ нѣмецкихъ, хотя число первыхъ съ XIV вѣка донынѣ постоянно убывало, а послѣднихъ прибавлялось; а кромѣ того мы знаемъ, что въ Старой Маркѣ жители нѣкоторыхъ деревень, носившихъ нѣмецкія названія, были еще въ XIII вѣкѣ Славяне). При томъ же Славяне на лѣвомъ берегу Эльбы не только не имѣли никогда политической самостоятельности, но нѣтъ даже никакого признака, чтобы они когда-либо пытались пріобрѣсти ее, а это произошло бы неминуемо, если бы они были тамъ сплошнымъ населеніемъ, а не колонистами, разселившимися среди чуждаго имъ туземнаго племени.

Наконецъ, чтобы покончить съ критическимъ разборомъ приведенныхъ нами словъ Гельмольда, мы замѣтимъ, что колонизація западнаго побережья Эльбы Голландцами и другими германскими пришельцами не была такъ значительна, какъ представлялъ ее себѣ нашъ лѣтописецъ и какъ она дѣйствительно была въ земляхъ Балтійскихъ Славянъ на правомъ берегу этой рѣки, въ странѣ чисто Славянской, гдѣ нужно было завоевателямъ создавать совершенно новое нѣмецкое населеніе (¹).

Но при всемъ томъ слова Гельмольда весьма важны для насъ, какъ свидѣтельство Нѣмца, жившаго въ XII столѣтіи, который не только подтверждаетъ все нами сказанное о славянской колонизаціи западнаго побережья Эльбы, но даже придаетъ ей такіе размѣры, что мы должны признать ихъ преувеличенными.

Если отстранить неточности и возстановить въ словахъ Гельмольда смыслъ, вполнѣ согласный съ исторической истиною, то мы прочитаемъ ихъ слѣдующимъ образомъ . . . «Вся болотистая и полевая страна (на лѣвомъ берегу Эльбы), начиная отъ Зальцведеля, страна, которая называется Balsemerlande и Marscinerlande (т. е. Mosidi),—а также Osterwalde, Nordthuringo, Suevego

---

(¹) См. объ этой колонизаціи всѣ подробности въ книгѣ Верзебе: über die Niederländischen Colonien welche im nördlichen Teutschlande im zwölften Iahrhunderte gestiftet worden, (2 тома) Hannover, 1815—1816.

и такъ далѣе, до границъ Богеміи, нѣкогда заселена была Саксами, а именно во время императоровъ Каролинговъ; . . но со временемъ превозмогли Славяне, Саксы были ими отчасти истреблены, отчасти вытѣснены, и страна эта наполнилась славянскими поселеніями, которыя существовали тамъ до конца XII вѣка. А въ это время, когда Славяне были поражены и завоеваны на восточномъ берегу Эльбы, въ своей коренной землѣ, то и здѣсь славянскія поселенія стали мало-по-малу исчезать, сливаясь съ нѣмецкою стихіею».

Много разъ обращалъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что нѣмецкое племя образовало значительныя государственныя тѣла только на завоеванной землѣ, и преимущественно на славянской: таковы Пруссія и Австрія, въ противоположность всѣмъ другимъ мелкимъ нѣмецкимъ владѣніямъ, на которыя раздроблены коренныя земли Германіи. Этотъ фактъ получитъ еще большее значеніе, когда мы свяжемъ съ нимъ результатъ предъидущаго нашего изслѣдованія (результатъ, который вознаградитъ насъ за всю утомительную мелочность данныхъ, подлежавшихъ разсмотрѣнію), именно, что самое зерно, изъ котораго составилось съ теченіемъ времени Бранденбургское государство и потомъ Прусская монархія,—такъ называемая Старая Марка въ обширнѣйшемъ ея значеніи,—не была, какъ обыкновенно полагаютъ, землею чисто-нѣмецкою, а болѣе чѣмъ на половину имѣла славянское населеніе. Здѣсь, въ средѣ, смѣшанной изъ Славянъ и Нѣмцевъ, образовалась та завоевательная и германизирующая сила, которой славнѣйшимъ представителемъ въ древнее время былъ Альбрехтъ Медвѣдь и которая, покоривъ и онѣмечивъ значительную часть земли Балтійскихъ Славянъ, потомъ стала тяготѣть надъ самою Германіею и распространять въ ней свое владычество. Доказано уже другими изслѣдованіями, что и зерно Австрійскаго государства, Австрія въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (такъ называвшаяся въ старину Восточная Марка), была тоже не вполнѣ нѣмецкая земля, а имѣла весьма значительную долю славянскаго населенія еще въ то время, когда она также сильно служила интересамъ Германіи на юговостокѣ, какъ «Старая Марка», колыбель Бранденбургіи, на сѣверовостокѣ. Очевидно, что такая аналогія не есть дѣло случая, а что тутъ господствовалъ общій физіологическо-историческій законъ. Вдать-

ся въ обсужденіе его было бы не совмѣстнымъ съ предметомъ настоящаго сочиненія, и мы въ заключеніе только повторимъ добытый нами фактъ: Во время политическаго упадка Германіи при послѣднихъ Каролингахъ и до воцаренія саксонской династіи (т. е. между 875 и 919 годами) Балтійскіе Славяне переселились значительными колоніями на лѣвый берегъ Эльбы, отъ ея низовьевъ до Турингіи, гдѣ Полабскіе Сербы, съ своей стороны, образовали такія же колоніи. Все западное побережье Эльбы въ X, XI и XII вѣкѣ представляетъ славянское населеніе, смѣшанное съ нѣмецкимъ и подвластное нѣмецкимъ правителямъ. Въ этой нѣмецко-славянской полосѣ на западномъ побережьѣ Эльбы находился и тотъ край, который сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Старой Марки (Altmark) и изъ котораго развилось завоевательное государство Бранденбургское. Слѣды славянскаго населенія сохранились въ живой памяти народа донынѣ, какъ въ Старой Маркѣ, такъ и въ сопредѣльной съ нею части Ганноверскаго королевства.

А. ГИЛЬФЕРДИНГЪ.